

А. И. ДЕМИН

**АГРАРНЫЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В СТРАНАХ
БЛИЖНЕГО
И СРЕДНЕГО
ВОСТОКА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. И. Д Е М И Н

**АГРАРНЫЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В СТРАНАХ
БЛИЖНЕГО
И СРЕДНЕГО
ВОСТОКА**

(60-е — начало 80-х годов XX в.)



*Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986*

Ответственный редактор

Л. А. ФРИДМАН

В монографии рассматриваются основные проблемы аграрной эволюции в странах Ближнего и Среднего Востока. В центре внимания — анализ социально-экономических предпосылок, осуществления и итогов аграрных преобразований, их воздействия на социально-классовую структуру сельскохозяйственного населения, на решение проблемы занятости и продовольственного вопроса, на материальное положение трудящихся деревни и их социально-политическое самосознание. Поставленные проблемы рассматриваются в основном на примере наиболее крупных стран Ближнего и Среднего Востока — Турции, Египта и Ирана.

Д 0604030000-222 38-86
013(02)-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

ВВЕДЕНИЕ

60-е и особенно 70-е годы в социально-экономической жизни значительной части освободившихся стран Азии и Северной Африки, в том числе стран Ближнего и Среднего Востока, ознаменовались обострением продовольственной проблемы и проблемы занятости, расширением сферы пауперизма и нищеты, ростом ряда иных негативных явлений.

В Политическом докладе Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза подчеркивалось, что в результате неокOLONиалистской эксплуатации освободившиеся страны «стали практически сплошным регионом бедности. В начале 80-х годов уровень доходов на душу населения в освободившихся странах в целом был в 11 раз ниже, чем в развитых капиталистических. На протяжении трех последних десятилетий разрыв этот не сокращается, а растет. И дело не только в сравнительной бедности. Речь идет о неграмотности и темноте, хроническом недоедании и голоде, ужасающей детской смертности, эпидемиях, поражающих сотни миллионов людей»¹.

Обострение продовольственной проблемы и проблемы занятости, сопровождавшееся усилением общественных противоречий, в значительной мере обуславливалось отсталостью сельскохозяйственного производства, его социально-экономической базы, низким уровнем развития восточной деревни в целом.

Международные организации, научные центры социалистических, освободившихся и капиталистических стран прилагают значительные усилия в поиске путей преодоления отсталости сельскохозяйственного производства и аграрного строя освободившихся стран. Эти поиски нашли отражение в прогрессивной, антиимпериалистической и антиколониалистской по своему характеру международной стратегии развития для освободившихся стран на 80-е годы², разработанной в рамках ООН и одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 5 декабря 1980 г.³.

В международной стратегии развития на 80-е годы провозглашается комплексный подход к задаче преодоления отсталости освободившихся стран. Предусматривается осуществление комплексных общественных преобразований, экономических, социальных и культурных проектов с целью ускорения роста общественного производства, расширения продуктивной занятости и улучшения ее условий, повышения уровня жизни широких

слоев населения, ликвидации пауперизма и нищеты. «Основная ответственность» за выполнение этой огромной программы возлагается на сами освободившиеся страны, усилия которых должны дополняться разносторонней внешней помощью в рамках нового международного экономического порядка. При этом подчеркивается, что при проведении общественных преобразований следует руководствоваться требованиями стратегии «основных нужд», предполагающей по возможности максимальное вовлечение в общественное производство низших слоев городского и особенно сельского населения с целью искоренения бедности.

Однако успешное претворение в жизнь в освободившихся странах программ комплексного развития деревни, как неоднократно указывалось советскими исследователями, возможно лишь при условии, если базой и органической частью этих программ станут глубокие аграрные преобразования. В этой связи очень важное значение имеет исследование деятельности государства в аграрной сфере освободившихся стран, позитивных и негативных итогов аграрных преобразований в 50—60-х и особенно в 70-х годах, их воздействия на процессы классовообразования и на другие стороны социально-экономической эволюции восточной деревни, на проблему занятости и материальное положение различных слоев сельского общества, и прежде всего трудящихся, на развитие сельскохозяйственного производства, на продовольственное обеспечение широких слоев сельского и городского населения освободившихся стран.

В послевоенный период и особенно в 60—70-е годы в странах Ближнего и Среднего Востока наблюдался рост вмешательства государства в социально-экономическую жизнь деревни. Это проявилось как в расширении регулирующей и стимулирующей деятельности государства (путем проведения соответствующей инвестиционной, кредитной и налоговой политики, мероприятий по развитию сельской экономической и социальной инфраструктуры и т. д.), так и в усилении прямого вмешательства государства в социально-экономическую жизнь деревни (путем осуществления аграрных реформ, мероприятий по созданию разных типов кооперативов, непосредственного участия государства в выполнении различных сельскохозяйственных проектов и т. д.).

Деятельность государства в сельских районах значительной части стран Ближнего и Среднего Востока постепенно приобретала настолько широкий размах, оказывала настолько серьезное (нередко решающее) воздействие на стихийное социально-экономическое развитие деревни, что становилась неотъемлемым элементом аграрного развития. При этом государство выступало как носитель общенационального прогресса и при осуществлении аграрных программ зачастую шло на ущемление интересов традиционной сельской элиты, хотя она еще пользовалась немалым влиянием в центральных и особенно местных

органах власти, составляла в известном смысле одну из классовых опор государства.

Повышение роли государства в аграрном развитии стран Ближнего и Среднего Востока, усиление прямого вмешательства государства в социально-экономическую жизнь деревни определялось рядом причин, но прежде всего углублением кризиса традиционных (докапиталистических) форм сельскохозяйственного производства, которые накануне аграрных преобразований составляли основу социально-экономического строя в деревне большинства рассматриваемых стран.

Традиционный сектор в аграрной структуре большинства стран региона накануне аграрных преобразований был в значительной части представлен полуфеодальными (преимущественно издольными) хозяйствами, в которых использовались доиндустриальные методы производства и экономические и внеэкономические методы принуждения крестьян. Эксплуатация крестьян в этих хозяйствах через систему издольной и других видов докапиталистической аренды дополнялась торгово-ростовщическим гнетом, обложением трудящихся деревни натуральными повинностями и т. д.

Преобладание в аграрной структуре большинства стран Ближнего и Среднего Востока полуфеодальных издольных хозяйств, по самой своей природе воздвигавших труднопреодолимые преграды на пути внедрения индустриальных методов производства и уже давно обнаруживших свою несостоятельность в обеспечении сколько-нибудь достаточных предпосылок для модернизации и ускорения роста сельскохозяйственного производства, во многом обусловило его отсталость. В немалой степени это объяснялось политическим влиянием крупных и средних полуфеодальных помещиков, которым они пользовались в деревне, в местных и центральных органах власти, препятствуя осуществлению любых мероприятий, противоречивших их интересам.

В результате в послевоенный период в странах Ближнего и Среднего Востока увеличивался разрыв между платежеспособным спросом на сельскохозяйственную продукцию, в первую очередь на продовольственные товары, и возможностями удовлетворения этого спроса за счет внутреннего производства с его традиционной социально-экономической и научно-технической базой. Преобладание полуфеодальных издольных хозяйств в социально-экономической структуре деревни стран региона предопределяло также очень низкий платежеспособный спрос основной массы сельского населения этих стран на промышленные товары потребительского и производственного назначения. В итоге полуфеодальные хозяйства (и прежде всего хозяйства крупных и средних помещиков-абсентеистов) постепенно превращались в тормоз для поступательного роста не только сельскохозяйственного производства, но и промышленных отраслей и экономического развития стран региона в целом.

Отсталость аграрного строя в странах Ближнего и Среднего Востока приводила к заметному ослаблению позиций стран региона в борьбе за преодоление экономической отсталости, за ликвидацию зависимости от империалистических держав, за устранение неравноправного и подчиненного положения в системе мирового капиталистического хозяйства. Углубление кризиса аграрного строя сопровождалось прогрессирующим ухудшением условий занятости, материального положения трудящихся деревни, ростом нищеты и пауперизма, миграции сельского населения в городские центры, обострением продовольственной проблемы и вытекавшими из всего этого социальными осложнениями. Таким образом, кризис аграрного строя — один из главных источников недовольства, охватывавшего самые различные слои сельского и городского населения большинства стран региона.

Между тем естественный процесс трансформации традиционных хозяйств (прежде всего полуфеодальных) в более продуктивные формы экономической деятельности, в первую очередь капиталистические и мелкотоварные хозяйства, протекал, как правило, чрезвычайно медленно. Исключение в известной мере составляли Египет и особенно Турция, в которой еще в 20—30-х годах появилось немало крупных капиталистических земледельческих хозяйств, применявших сельскохозяйственную машинную технику и использовавших наемный труд. Возникновение и распространение в Турции такого рода хозяйств при довольно низком уровне экономического развития страны и узости внутреннего рынка, очевидно, объяснялось в первую очередь весьма благоприятными возможностями реализации продукции на внешнем рынке. Крупные капиталистические фермы в тот период создавались главным образом в прибрежных районах — центрах производства экспортных культур, соединенных удобными путями сообщения с европейскими странами.

Говоря о застойности традиционных хозяйств, особо следует отметить, что крупные и средние полуфеодальные помещики, имея достаточные материальные ресурсы для модернизации производства, неохотно шли на инвестиции в растениеводство и животноводство, ибо наиболее выгодные объекты для их капиталовложений концентрировались не в сфере сельскохозяйственного производства, а в сфере услуг и промышленности. Правда, в 70-х годах, в первую очередь, очевидно, в связи с ростом урбанизации и, следовательно, резким повышением спроса в городах на продовольственные товары, в этом направлении прослеживались заметные сдвиги.

Таким образом, в большинстве стран Ближнего и Среднего Востока возникла объективная и настоятельная необходимость усиления прямого вмешательства государства в сферу аграрных отношений с целью разрушения традиционных форм землевладения и землепользования и обеспечения на этой основе предпосылок для создания и укрепления (имея в виду главную за-

дачу) мелкотоварных и капиталистических хозяйств в странах капиталистического развития и коллективных и общественных хозяйств в странах социалистической ориентации. Расширение и упрочение названных типов хозяйств при материальной и иной помощи государства должно было создать социально-экономическую базу для ускорения темпов роста сельскохозяйственного производства и улучшения продовольственного обеспечения населения и снабжения национальной промышленности сырьем, увеличения поставок экспортной продукции, расширения рынка для изделий национальной промышленности, облегчения материального положения трудящихся деревни, ослабления недоброжелательства сельского и городского населения.

В аграрных программах стран Ближнего и Среднего Востока, особенно в программах 70-х — начала 80-х годов, наряду с проектами реконструкции традиционных аграрных отношений и развития на этой основе новых систем сельскохозяйственного производства все более заметное место занимали проекты борьбы с пауперизмом и нищетой. Главная роль в борьбе за ликвидацию или по крайней мере за уменьшение масштабов пауперизма и нищеты, а также в борьбе за сокращение миграции сельского населения в городские центры отводилась мероприятиям по расширению занятости и улучшению ее условий в деревне, по повышению продуктивности труда бедняцких слоев сельского населения.

Мероприятия подобного рода, и прежде всего программы комплексного (интегрированного) развития деревни, постепенно выдвигаются на первый план в программах социально-экономического переустройства сельских районов в значительной части стран Ближнего и Среднего Востока. Эти программы предусматривают проведение скоординированных мероприятий по ускорению роста сельскохозяйственного производства, прежде всего на базе повышения продуктивности труда и его диверсификации, по развитию в деревне различных отраслей промышленности (в первую очередь отраслей, работающих на местном сырье и имеющих трудоемкую технологию), по расширению экономической инфраструктуры, по созданию социальных и культурных учреждений, различных коммунальных служб. Необходимые предпосылки для эффективного осуществления программ комплексного развития сельских районов обеспечиваются осуществлением радикальных аграрных реформ и массовым кооперированием крестьянских хозяйств.

Наиболее впечатляют, как с точки зрения решения проблемы занятости и на этой основе устранения пауперизма и нищеты, так и с точки зрения рационального и эффективного сочетания экономических и социальных целей развития, программы комплексного развития сельских районов в Алжире. Проводимые там с начала 70-х годов прогрессивные аграрные реформы, направленные прежде всего на удовлетворение нужд самых обездоленных прослоек сельского населения, мероприятия по объ-

единению крестьян (новых собственников) в кооперативы (в значительной части производственные) сопровождаются строительством «образцовых социалистических деревень», в которых обеспечиваются нормальные жизненные условия, культурное и медицинское обслуживание и т. д.

Следует подчеркнуть, что формы, методы и масштабы аграрных преобразований в тех или иных странах Ближнего и Среднего Востока (как и в освободившихся странах в целом) имели серьезные отличия, что во многом объяснялось специфическими чертами социально-экономической и политической эволюции каждой конкретной страны, ее местом в системе мировых общественных отношений, ориентацией общественного развития. Масштабы и характер аграрных преобразований в заметной степени предопределялись и материальными возможностями государства, его способностью обеспечить материальные предпосылки для проведения аграрных реформ и особенно для эффективного функционирования хозяйств крестьян, которые получали участки в ходе этих реформ.

В странах Ближнего и Среднего Востока аграрные реформы, направленные на ограничение и даже ликвидацию традиционных форм землевладения и землепользования, как правило, сопровождались (а зачастую и противостояли) мероприятиями, представлявшими собой попытки модернизации сельскохозяйственного производства, развития в нем новых систем без прямого вмешательства государства в сферу землевладения и землепользования. При этом упор делался на мероприятия, стимулировавшие трансформацию традиционных хозяйств состоятельных собственников (прежде всего крупных и средних полуфеодалов-помещиков) в современные капиталистические хозяйства. Однако такого рода попытки в большинстве рассматриваемых стран не приносили желаемых результатов, поскольку в сельскохозяйственном производстве в отличие от промышленности, торговли и иных отраслей было гораздо труднее рассчитывать на устойчивые и высокие прибыли. Тем не менее в ряде стран Ближнего и Среднего Востока (Египте, Тунисе, Марокко, Сирии и т. д.) в отдельных районах наблюдались заметные сдвиги в переустройстве полуфеодалов-хозяйств в современные капиталистические. Особенно это характерно для Турции, где попытки государства обеспечить предпосылки для ускорения роста капиталистического предпринимательства в сельскохозяйственном производстве, трансформации полуфеодалов-хозяйств в капиталистические встречали благоприятный отклик со стороны помещиков, зажиточных крестьян и торговой буржуазии, заинтересованных в расширении поставок продукции на внешний и внутренний рынок.

Рост капиталистического предпринимательства в растениеводстве и животноводстве Турции и повышение роли сельскохозяйственной буржуазии в общественно-политической жизни страны во многом предопределили то, что аграрные реформы в

Турции почти не затрагивали сферу частного землевладения и шли главным образом по линии распределения между крестьянами государственных залежных и целинных земель.

Между тем в значительной части стран Ближнего и Среднего Востока, где мероприятия государства в деревне не достигли сколько-нибудь серьезных успехов в вытеснении из сельскохозяйственного производства полуфеодалных издольных хозяйств, прямое вмешательство государства в сферу частного землевладения и землепользования с целью разрушения традиционных форм ведения хозяйства становилось (во всяком случае, на начальной стадии) одним из главных, а нередко и основным фактором формирования новой социально-экономической структуры и соответствующих ей слоев и групп сельского общества.

В странах капиталистической ориентации осуществлению аграрных преобразований, призванных способствовать ускорению капиталистической трансформации традиционного аграрного строя и социально-экономической структуры названных стран в целом, придавалось важное политическое значение. Они занимали ведущее место в программах буржуазных общественных преобразований, которые в тех или иных пределах реализовались в ряде стран Ближнего и Среднего Востока и составляли социально-экономическую основу так называемой «революции сверху», или «ненасильственной» буржуазной революции⁴.

Наиболее яркое воплощение «революция сверху» получила в Иране в осуществлении монархическим режимом программы буржуазных общественных преобразований, или «белой революции». Разработка и претворение в жизнь этих преобразований происходили при одобрении и поддержке США, видевших в «белой революции» надежный заслон против распространения коммунистических идей, важное средство сохранения Ирана в орбите западного влияния. Однако монархический режим, не смотря на серьезные сдвиги, которых ему в ходе буржуазных общественных преобразований удалось добиться в капиталистической трансформации социально-экономического строя Ирана, оказался не в состоянии предотвратить «революцию снизу», нейтрализовать силы, выступавшие не только с буржуазно-демократических, но и с антикапиталистических позиций.

Основная задача настоящей монографии — исследование воздействия аграрных преобразований (аграрных реформ, мероприятий по кооперированию крестьян, по стимулированию капиталистического предпринимательства и т. д.) на эволюцию аграрного строя и процессы классового образования в деревне, на решение проблем занятости и продовольственной проблемы в странах Ближнего и Среднего Востока, придерживающихся капиталистической ориентации общественного развития. Поставленные проблемы рассматриваются главным образом на базе материалов по трем наиболее крупным странам Ближнего и Среднего Востока — Турции, Египту и Ирану. В аграрном раз-

витии этих стран прослеживаются серьезные отличия в темпах и основных путях капиталистической трансформации традиционного аграрного строя, в развитии мелкотоварного и капиталистического укладов, в распространении и зрелости современных форм капиталистического предпринимательства, в масштабах и характере кооперативного движения, в сохранении в деревне различных видов традиционных отношений и докапиталистических методов эксплуатации крестьян и т. д. Все эти и другие особенности аграрной эволюции позволяют с известной долей условности говорить о различных вариантах капиталистической трансформации социально-экономической структуры деревни в Турции, Египте и Иране.

Исследование присущих Турции, Египту и Ирану тенденций и противоречий аграрной эволюции, которые в той или иной мере прослеживались и в других странах Ближнего и Среднего Востока, позволяет получить достаточное (хотя и весьма приблизительное) представление об основных чертах и особенностях аграрного развития стран региона в целом, о главных проблемах, стоящих перед сельскохозяйственным производством этих стран.

Глава I

АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СТРУКТУРУ ДЕРЕВНИ

Аграрные реформы, мероприятия по перераспределению сельскохозяйственных угодий и ликвидации различных форм традиционной зависимости наиболее ярко отражают рост прямого вмешательства государства в социально-экономическую жизнь деревни как развивающихся стран Ближнего и Среднего Востока, так и других освободившихся стран.

Законодательство об аграрных реформах предусматривало прежде всего проведение мероприятий по ограничению и в конечном счете ликвидации традиционных (докапиталистических) систем землевладения и землепользования. При этом первый и главный удар наносился по господствовавшим в деревне полуфеодальным и феодальным помещикам, вождям племен и другим богатым традиционным собственникам, чьи земли возделывались, как правило, на базе сочетания экономических и внеэкономических методов принуждения крестьян, использования доиндустриальных форм производства.

Успешное продвижение в этом направлении, как показывает опыт осуществления аграрных реформ в ряде стран Ближнего и Среднего Востока, не только способствовало устранению одной из основных преград на пути экономического и социального развития деревни, но во многом обеспечивало создание политических предпосылок для расширения и углубления аграрных преобразований. Упраздняя крупное докапиталистическое землевладение, аграрные реформы во многом подрывали позиции традиционной элиты в местных и центральных органах власти, оказывали серьезное воздействие на ее социальное содержание и характер. Естественно, степень этого воздействия в значительной мере предопределялась масштабами и глубиной аграрных реформ, тем, насколько в ходе преобразований удавалось подорвать феодальную и патриархальную зависимость трудящихся деревни от состоятельных традиционных собственников.

Принятое в большинстве стран Ближнего и Среднего Востока законодательство об аграрных реформах предусматривало приобретение государством за солидную компенсацию земельных «излишков» представителей традиционной элиты (в первую очередь крупных феодальных и полуфеодальных помещиков) и

распределение этих земель между крестьянами. В странах капиталистического развития передача земель крестьянам обычно осуществлялась за выкуп, в странах социалистической ориентации (за отдельным исключением) — безвозмездно.

Преимущественное право на приобретение земельных участков в странах капиталистического развития имели крестьяне, которые возделывали отчуждавшиеся земли на условиях издольной и других видов докапиталистической аренды. Декларировалось и предоставление участков крестьянам, возделывавшим мизерные парцеллы на основе субаренды, а также сельскохозяйственным рабочим и иным безземельным жителям деревни. Однако на практике эти жители деревни — в основном представители самых обездоленных прослоек сельского населения — в большинстве случаев оказывались за бортом аграрных реформ. К тому же в странах капиталистического развития крестьяне в ходе реформ, как правило, получали участки в рамках прежней структуры землепользования, т. е. те участки, которые находились в их распоряжении до преобразований. Такое распределение земель способствовало не только закреплению имущественного и социального неравенства крестьян, но фактически и созданию предпосылок для роста среди них классовой дифференциации.

Важное место в программах аграрных реформ в странах Ближнего и Среднего Востока отводилось также проектам, предусматривавшим проведение мероприятий, направленных на облегчение материального и социального положения крестьян в рамках традиционных систем землевладения и землепользования. В этой связи следует выделить проекты замены издольной аренды преимущественно краткосрочной и очень обременительной для крестьян арендой с фиксированными ставками, причем, как правило, на лучших материальных условиях и долгосрочной основе. Осуществление этих проектов заметно ограничивало самоуправство богатых традиционных собственников, сгон крестьян с участков и стимулировало крестьян к развитию производства. Надо отметить и статьи аграрных законов, запрещавшие обложение крестьян традиционными повинностями. Однако выполнение этих статей закона практически невозможно без превращения крестьян в собственников участков.

В странах капиталистического развития аграрные реформы, ограничивая сферу традиционного землевладения и землепользования, имели целью прежде всего расширение прослойки крестьян-собственников и укрепление их хозяйств, развитие на этой основе мелкотоварного производства, которому придавалось серьезное значение в ускорении темпов роста растениеводства и животноводства, в улучшении продовольственного обеспечения. Наибольшие выгоды от перераспределения земель получали зажиточные крестьяне, значительная часть которых на своих обширных участках переходила к использованию индустриальных методов производства.

В то же время в странах капиталистического развития на Ближнем и Среднем Востоке всячески поощрялся переход полуфеодалов и феодальных помещиков и представителей торгово-ростовщической буржуазии к капиталистическому предпринимательству в сфере сельскохозяйственного производства. Так, в законы об аграрных реформах включались специальные статьи, устанавливавшие для хозяйств, которые велись с применением индустриальных методов труда, высокий максимум землевладения и тем самым фактически ограждавшие эти капиталистические хозяйства от раздела. На практике зачастую не подвергались разделу и продаже и земли хозяйств, которые делали первые шаги по пути капиталистического предпринимательства. Его развитие стимулировалось и оказанием материальной и иной помощи, улучшением условий сбыта продукции и т. п. тем, кто применял индустриальные методы труда. В итоге в сельскохозяйственном производстве большинства стран региона прослеживалось расширение и укрепление позиций капиталистического предпринимательства. Таким хозяйствам отводилось важное место в снабжении городского населения продовольствием, промышленности — сырьем и в поставках продукции растениеводства и животноводства на экспорт.

В странах Ближнего и Среднего Востока аграрные реформы и перераспределение сельскохозяйственных угодий (прежде всего обрабатываемых земель) обычно сопровождались проведением мероприятий по кооперированию крестьян, причем оно зачастую носило обязательный характер и выдвигалось в качестве одного из необходимых условий получения земельных участков. При этом в странах капиталистической ориентации основное внимание уделялось созданию многоцелевых кооперативов, выполнявших кредитные и снабженческо-сбытовые функции, тогда как в странах социалистической ориентации предпочтение отдавалось производственному кооперированию, наиболее полным образом отвечающему интересам сельских трудящихся.

Кооперирование трудящихся деревни и проведение иных мероприятий, призванных обеспечить финансовые и другие материальные предпосылки для укрепления крестьянских хозяйств, нередко дополнялось осуществлением различных социально-экономических и социально-культурных проектов с целью подготовить трудящихся деревни к восприятию и использованию передовых методов производства.

Проводившиеся в отдельных странах Ближнего и Среднего Востока аграрные реформы существенно различались по своим задачам, социально-экономическому содержанию, масштабам, темпам осуществления и эффективности воздействия на основные процессы аграрной эволюции. Это во многом определялось материальными и политическими возможностями государства, его общественной ориентацией, особенностями сложившейся в результате длительной эволюции аграрной структуры, спецификой и уровнем социально-экономического развития той или иной

страны и т. д. Воздействие всех этих факторов на осуществление аграрных реформ наглядно проявляется при анализе их предпосылок, хода и итогов в наиболее крупных странах Ближнего и Среднего Востока — Турции, Египте и Иране, придерживающихся капиталистической ориентации общественного развития.

Первые аграрные программы, положившие начало прямому наступлению на позиции традиционного сектора в деревне стран Ближнего и Среднего Востока, и прежде всего на позиции крупных феодальных и полуфеодальных помещиков, были объявлены сразу же после окончания второй мировой войны в Турции, которая отличалась сравнительно высоким уровнем социально-экономического развития. Под воздействием нужд капиталистического развития, требований демократической общественности и роста недовольства трудящихся деревни турецкий парламент (меджлис) 11 июня 1945 г. одобрил закон об аграрной реформе. Этот закон вводил максимум землевладения для традиционных хозяйств, намечал постепенное упразднение издольной аренды и осуществление ряда иных, весьма радикальных проектов, направленных на создание прежде всего социально-экономических предпосылок для ускорения капиталистической трансформации сельскохозяйственного производства. Однако названные проекты, особенно программы перераспределения частных сельскохозяйственных угодий в пользу крестьян, так и не были претворены в жизнь. Принятые в 1950 г. под давлением консервативных помещиков дополнения к закону об аграрной реформе фактически исключали активное вмешательство государства в сферу частного землевладения.

В результате аграрная реформа в Турции почти не затронула частного феодального и полуфеодального землевладения. В соответствии с законом от 11 июня 1945 г. и дополнениями к нему 446,8 тыс. крестьян получили на условиях умеренного выкупа 2,2 млн. га необрабатываемых земель, из которых лишь 20,8 тыс. га (менее 1%) были изъяты у частных лиц¹.

Преимущественно за счет государственных необрабатываемых земель предусматривалось и наделение крестьян участками по закону об аграрной реформе от 25 июня 1973 г. Намечалось распределение 3,2 млн. га, из которых лишь 0,8 млн. га (25%) приходилось на частные земли. Максимум частного землевладения в зависимости от природно-климатических условий района устанавливался в пределах от 30 до 100 га на поливных и от 47,5 до 200 га на богарных землях. Для «образцовых хозяйств», т. е. для тех, которые велись капиталистическими методами, лимит землевладения увеличивался в 2 раза. В значительной мере в интересах таких хозяйств предусматривалось расширение снабжения деревни сельскохозяйственными машинами, минеральными удобрениями, сортовыми семенами, улучшение условий сбыта продукции².

В соответствии с законом от 25 июня 1973 г. в провинции

Урфа (одном из сохранившихся в Турции центров полуфеодального землевладения) земельные участки получили около 25 тыс. безземельных крестьян³. На этом осуществление аграрной реформы в Турции фактически и закончилось.

Намеченные законом от 25 июня 1973 г. и другие мероприятия, направленные на обеспечение предпосылок для капиталистического развития в сельскохозяйственном производстве, вступали в противоречие со статьей о введении максимума землевладения, суживавшего потенциальные возможности экстенсивного капиталистического предпринимательства в деревне и, естественно, вызывавшего недовольство сельскохозяйственной буржуазии, особенно ее верхних слоев. Попытки ограничения частного землевладения способствовали сближению сельскохозяйственной буржуазии и полуфеодальных помещиков в рядах противников аграрной реформы. Весьма мощная оппозиция аграрной реформе в деревне, находившая поддержку среди части буржуазии и других состоятельных слоев городского населения, стала основной причиной того, что конституционный суд Турции 12 октября 1976 г. приостановил действие закона от 25 июня 1973 г. По словам газеты «Хюрриет» от 11 декабря 1976 г., предлогом для такого решения конституционного суда послужило то, что отдельные статьи закона не обсуждались в меджлисе, а истинной причиной были разногласия среди партий правящей коалиции и противодействие крупных землевладельцев.

Принимая во внимание непрекращавшуюся, временами весьма напряженную политическую борьбу в Турции, такой финал нельзя считать чем-то неожиданным. В известной мере он не был неожиданным и для турецкого правительства, которое, очевидно, декларировало проведение аграрной реформы в целях успокоения общественного мнения, взбудораженного ухудшением положения дел в сельскохозяйственном производстве и обострением социальных противоречий в деревне. В этом убеждал прежде всего длительный срок (15 лет), установленный для претворения в жизнь закона от 25 июня 1973 г. Такой срок, учитывая возрастающие темпы социально-экономического развития и убыстрявшиеся расширение и укрепление позиций сельскохозяйственной буржуазии в деревне, свидетельствовал о неуверенности турецкого правительства в выполнении намеченной программы и в заметной степени придавал закону демагогический характер.

Вместе с тем издание этого и подобных ему законов об аграрной реформе, таивших угрозу интересам традиционной и новой буржуазной элиты в деревне, побуждало представителей сельскохозяйственной верхушки к дальнейшему развитию капиталистического предпринимательства.

Характер аграрной реформы в Турции в заметной степени предопределял особенности трансформации традиционного аграрного строя, ведущую роль в ней консервативных форм капи-

талистического предпринимательства, длительное сохранение в турецкой деревне весьма обширных районов с преобладанием традиционных (докапиталистических) отношений.

Рост капиталистического предпринимательства в турецком растениеводстве сопровождался усилением концентрации обрабатываемых площадей в капиталистических хозяйствах и хозяйствах, которые находились на различных стадиях капиталистической трансформации. Они велись преимущественно на собственной земле, а отчасти и на земле, взятой в аренду у полуфеодалных помещиков и маломощных крестьян. Как свидетельствуют отдельные авторы, исследовавшие вопросы аграрной эволюции в Турции, процесс концентрации обрабатываемых площадей в руках хозяйств капиталистического типа особенно отчетливо проявлялся в повышении удельного веса в фонде возделываемых земель хозяйств с участками в 100 га и более. Правда, опубликованные в турецкой печати материалы о распределении возделываемых площадей между различными группами хозяйств (они основываются на итогах сельскохозяйственных переписей 1963 и 1970 гг.) затушевывали названный процесс и даже создавали впечатление о развитии в турецком растениеводстве обратного процесса — деконцентрации фонда обрабатываемых земель. Так, в соответствии с официальными данными доля верхней группы хозяйств в этом фонде уменьшилась с 6,5% в 1963 г. до 5,4% в 1970 г.⁴ Видимость сокращения объясняется тем, что опубликованные материалы не включали данных о распределении значительной части обрабатываемых земель. Судя по комментариям авторов обзора МБРР, это были земли главным образом крупных частных хозяйств (в том числе около 4 тыс. имений площадью более 1 тыс. га каждое)⁵. Следует также обратить внимание на разноречия, которые наблюдались в официальной и прогрессивной печати при оценке числа крупных земледельческих хозяйств в турецком растениеводстве. Если в соответствии с опубликованными материалами сельскохозяйственной переписи число крупных земледельческих хозяйств в турецкой деревне в 1970 г. составляло 2284⁶, то в 1973 г., по данным прогрессивной печати, оно достигало 13 506⁷. Внесение соответствующих корректив в опубликованные официальные данные показывает, что пропорции распределения возделываемых земель претерпевали резкие изменения в пользу верхней группы хозяйств (табл. 1).

Есть основания предполагать, что часть «незарегистрированных» земель возделывалась в крестьянских хозяйствах, которые арендовали эти земли на различных условиях (прежде всего докапиталистических) у крупных собственников. Тем не менее данные табл. 1 позволяют выявить ведущие тенденции в землепользовании Турции в 60-х годах. Показатели, приведенные в табл. 1, подтверждают вывод советских авторов об усилении в 60-х годах процесса концентрации обрабатываемых площадей в связи с ростом капиталистического предпринима-

Таблица 1

**Распределение обрабатываемых площадей
по группам сельскохозяйственных хозяйств в Турции ***

Группа хозяйств по размерам обрабаты- ваемых площадей, га	1963 г.			1970 г.		
	Число хозяйств	Площадь **		Число хозяйств	Площадь **	
		тыс. га	%		тыс. га	%
Менее 1	774	431	1,8	864	471	1,9
1—2	495	745	3,1	622	873	3,6
2—5	863	2903	12,2	830	2787	11,5
5—10	562	3995	16,8	453	3233	13,3
10—50	392	6815	28,6	299	5034	20,7
50—100	11	755	3,2	13	804	3,3
100 и более	—	8179***	34,3	—	11 094***	45,7
Всего	—	23 823	100,0	—	24 296	100,0

* Подсчитано по: Turkey: Prospects and Problems of an Expanding Economy. A World Bank Country Report. Wash., 1975, с. 410, 422—433.

** Без площадей под садовыми культурами.

*** Включая 408 тыс. га обрабатываемых земель 97 государственных хозяйств.

тельства в сельскохозяйственном производстве Турции, быстрым расширением переоснащения его технической базы⁸.

В соответствии с данными табл. 1 удельный вес крупных хозяйств в общей площади земель под полевыми культурами (включая овощи и корнеплоды) и паром (на все эти земли приходилось около 80% обрабатываемых земель) увеличился с 34,3% в 1963 г. до 45,7% в 1970 г. Учитывая площади под садовыми и огородными культурами, где явно преобладали хозяйства с участками до 100 га, доля крупных хозяйств в фонде обрабатываемых земель в 1970 г. составляла 40,4%⁹.

В то же время 17,1% земель под полевыми культурами и паром в 1963 г. и 17% в 1970 г. приходилось на хозяйства с участками менее 5 га. Исходя из принятой классификации имущественного положения различных хозяйств в зависимости от величины обрабатываемых участков и учитывая преобладание в турецком растениеводстве богарных культур¹⁰, можно считать, что хозяйства рассматриваемой группы велись преимущественно полупролетарскими и бедняцкими семьями. Такого рода хозяйства составляли в 1963 г. 68,9% и в 1970 г. — 75,2% всех хозяйств с участками до 100 га (табл. 1). Среди хозяйств с участками до 5 га, как и в группе с участками от 5 до 10 га, выделялась прослойка сравнительно состоятельных хозяйств, которые (как и в других странах Ближнего и Среднего Восто-

Таблица 2

Распределение в Турции земель под посадками различных культур по группам хозяйств с участками до 100 га (1970 г.) *

Группа хозяйств по размерам обрабатываемых площадей, га	Общая площадь, тыс. га	Полевые культуры (без пшеницы)		Пшеница		Огородные культуры		Садовые культуры и виноградники	
		тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
Менее 0,5	154,7	85,8	55,5	14,3	9,2	8,7	5,6	60,2	38,9
0,5—1	340,6	232,9	68,4	66,2	19,4	9,9	2,9	97,8	28,7
1—2	949,5	736,0	77,5	263,0	27,7	19,2	2,0	194,3	20,5
2—3	761,5	632,4	83,0	340,7	44,7	11,4	1,5	117,7	15,5
3—4	705,1	606,8	86,1	346,0	49,1	8,7	1,2	89,6	12,7
4—5	635,3	556,1	87,5	335,9	52,9	7,4	1,2	71,8	11,3
5—10	2366,1	2150,7	90,9	1298,9	54,9	19,2	0,8	196,2	8,3
10—20	2170,9	2033,0	93,6	1282,2	59,1	12,9	0,6	125,0	5,8
20—50	1884,6	1780,5	94,5	1049,6	55,7	7,9	0,4	96,2	5,1
50—100	639,7	600,9	93,9	387,3	60,5	1,9	0,3	36,9	5,8
Всего . . .	10 608,0	9415,1	88,8	5384,1	50,8	107,2	1,0	1085,7	10,2

* Подсчитано по: General Census of Agriculture. 1970, с. 6, 42.

ка¹¹) велись на поливных землях, возделывали прибыльные технические, садовые и огородные культуры или получали довольно высокие доходы от животноводства¹². Так, в 1970 г. площади хозяйств с участками до 5 га под посевами однолетних и посадками многолетних культур составляли 27,4% всех возделываемых земель группы хозяйств с участками до 100 га, а их доля в посадках садовых культур и виноградников — 58,2%, огородных культур — 60,9% по этой группе хозяйств. Как свидетельствуют данные табл. 2, особенно серьезное внимание выращиванию садовых и огородных культур уделялось в хозяйствах с участками до 2 га. Аналогичное соотношение в распределении земель под различными культурами по группам хозяйств, как свидетельствуют материалы сельскохозяйственной переписи, наблюдалось в турецкой деревне и в 1980 г.¹³.

Доля середняцких хозяйств с участками от 5 до 10 га в общей площади земель под посевами полевых культур и под паром сократилась с 16,8% в 1963 г. до 13,3% в 1970 г., а доля хозяйств зажиточных крестьян и мелких помещиков (с участками от 10 до 50 га) — с 28,6% до 20,7% (почти на 1,8 млн. га). Несколько увеличилась площадь обрабатываемых земель хозяйств средних помещиков (участки от 50 до 100 га, см. табл. 1). В 60-х годах и особенно в 70-х — начале 80-х годов в хозяйствах средних помещиков, как и в хозяйствах зажиточных крестьян и мелких помещиков, увеличивалось использование капиталистических форм и методов производства.

**Динамика распределения
обрабатываемых земель в Турции в 70-х годах
по группам сельскохозяйственных хозяйств с участками до 100 га ***

Группа хозяйств по размерам обрабатываемых площадей, га	1970 г.				1980 г.			
	Число хозяйств		Площадь		Число хозяйств		Площадь	
	тыс.	%	тыс. га	%	тыс.	%	тыс. га	%
Менее 0,5	351,0	11,5	175,2	1,1	218,0	6,1	55,2	0,3
0,5—1	405,3	13,3	404,9	2,5	265,3	7,5	176,6	0,8
1—2	594,2	19,4	1187,8	7,3	527,2	14,8	709,6	3,3
2—3	400,8	13,1	1002,0	6,2	471,0	13,3	1077,2	4,9
3—4	276,5	9,0	967,8	5,9	393,7	11,1	1272,9	5,8
4—5	200,5	6,6	902,3	5,5	299,9	8,4	1264,1	5,8
5—10	478,4	15,7	3587,8	22,0	738,4	20,8	4839,2	22,2
10—20	239,2	7,8	3587,3	22,0	422,1	11,9	5433,0	24,9
20—50	95,5	3,1	3343,9	20,5	193,7	5,4	5200,2	23,9
50—100	15,2	0,5	1139,3	7,0	26,4	0,7	1785,8	8,2
Всего	3056,6	100,0	16 298,3	100,0	3555,7	100,0	21 813,8	100,0

* Подсчитано по данным сельскохозяйственных переписей: General Census of Agriculture. 1970, с. 6; Statistical Yearbook of Turkey. 1983, с. 230.

Таким образом, в 60-х годах в основных группах крестьянских хозяйств в турецкой деревне прослеживалось относительное и абсолютное уменьшение числа хозяйств и площадей их землепользования. Исключение в известной мере составляли самые низшие группы — с земельными участками менее 1 га и от 1 га до 2 га, представленные преимущественно полупролетарскими хозяйствами. Число их несколько увеличилось (табл. 1), но средний размер участка в группе с наделами до 1 га уменьшился с 0,6 до 0,5 га, а в группе с участками от 1 до 2 га — с 1,5 до 1,4 га. К тому же, как весьма убедительно показывает Н. Г. Киреев, увеличение числа хозяйств с наделом до 2 га в значительной мере обманчиво, поскольку в их состав включено много хозяйств, чьи земли находились в аренде у различных заинтересованных лиц¹⁴. Однако в 70-х годах ситуация в сфере землепользования в турецкой деревне претерпела весьма радикальные изменения, что предопределялось прежде всего расширением фронта капиталистического предпринимательства, усилением его наступления на традиционные формы и методы сельскохозяйственного производства.

С 1970 по 1980 г. при общем расширении возделываемого фонда Турции на 3,1% (с 27 339 тыс. га до 28 175 тыс. га) обрабатываемые земли крупных хозяйств с участками в 100 га и более¹⁵ сократились на 73,6% (с 11 040,7 тыс. га до 6361,2 тыс. га), а обрабатываемые земли хозяйств с участками

до 100 га (владельцы — средние и мелкие помещики, а также зажиточные крестьяне) увеличились на 33,8% — с 16 298,3 тыс. га до 21 813,8 тыс. га (табл. 3). В результате удельный вес в фонде возделываемых земель крупных хозяйств, в которых в значительных масштабах еще применялись докапиталистические методы эксплуатации трудящихся деревни, уменьшился с 40,4% в 1970 г. до 22,6% в 1980 г.¹⁶

Изъятые в крупных хозяйствах земли в основной массе различными путями перешли в руки зажиточных крестьян и мелких помещиков — собственников хозяйств с участками от 10 до 50 га. При этом обрабатываемые земли хозяйств с участками от 10 до 20 га увеличились с 1970 по 1980 г. на 54,3% (на 1845,7 тыс. га), а хозяйств с участками от 20 до 50 га — на 55,5% (на 1856,3 тыс. га). На 56,7% (на 646,5 тыс. га) возросли обрабатываемые земли хозяйств средних помещиков — собственников участков от 50 до 100 га. Эти три группы хозяйств, отличавшиеся более высокой эффективностью использования своих земель, применением современных форм и методов производства, в 70-х годах постепенно выдвигались на передовые позиции в капиталистической трансформации сельскохозяйственного производства Турции.

В то же время следует отметить высокий рост (на 34,9%, или на 1251,4 тыс. га) площади обрабатываемых земель середняцких хозяйств с участками от 5 до 10 га. В осязательной степени увеличились и обрабатываемые земли двух верхних прослоек бедняцких хозяйств — на 40,1% (на 361,8 тыс. га) в хозяйствах с участками от 4 до 5 га и на 31,5% (на 305,1 тыс. га) в хозяйствах с участками от 3 до 4 га. Но вместе с тем в 70-е годы в турецкой деревне прослеживалось значительное уменьшение, по сравнению с 60-ми годами, числа полупролетарских хозяйств (с участками до 2 га). Число их сократилось на 33,6% (на 340 тыс.), а возделываемые земли — на 87,8% (на 826,5 тыс. га), что отражало усиление имущественной дифференциации и социального расслоения в турецкой деревне.

Рост капиталистического предпринимательства сопровождался усилением сгона крестьян с обрабатываемых ими участков. Этот процесс охватывал как крестьян, которые вели хозяйство на базе докапиталистической аренды, так и крестьян-собственников. Прямым следствием усиления названного процесса было обострение проблемы занятости.

Наступление капиталистического предпринимательства в турецкой деревне привело к резкому сокращению сферы феодальных и полуфеодальных отношений. Тем не менее в ряде областей (и прежде всего в Восточной Анатолии) их удельный вес в аграрной структуре был еще достаточно велик. В этих областях и особенно в курдских районах обширные массивы обрабатываемых земель принадлежали помещикам-абсентеистам и иным полуфеодальным собственникам, земли которых возделывались на условиях издольной или других видов дока-

питалистической аренды¹⁷. В 1973 г., по официальным данным, на таких условиях производство вели около 20% крестьянских хозяйств¹⁸.

Как явствует из материалов сельскохозяйственных переписей, в 1970 г. в турецкой деревне к аренде земли (полностью и особенно частично) прибегали 14,2%, а в 1980 г. — 9,4% хозяйств с участками до 100 га. При этом в 1980 г. среди полу-пролетарских и бедняцких хозяйств (участки до 5 га) было 7,7% таких хозяйств, среди середняцких хозяйств (участки от 5 до 10 га) — 10,7%, среди крепких середняцких и зажиточных хозяйств (участки от 10 до 20 га) — 11,8%, среди хозяйств богатых крестьян и мелких помещиков (участки от 20 до 50 га) — 17%, среди хозяйств средних помещиков (участки от 50 до 100 га) — 17,4%¹⁹.

В условиях интенсивного роста капиталистического предпринимательства преобладание полуфеодалного хозяйства в ряде обширных земледельческих областей Турции — в известном смысле анахронизм. Оно должно быть или поглощено капиталистическим сектором, или разрушено в ходе аграрной реформы. Первый путь, учитывая неудачи попыток ограничения полуфеодалного землевладения, представляется более вероятным. Но возможно и сочетание обоих путей, что обуславливается, с одной стороны, ускорением (при непосредственной поддержке государства) развития капиталистического предпринимательства, которое все более охватывает остальные восточные районы Турции, а с другой стороны, заинтересованностью государства в решении проблемы занятости, в смягчении социальной напряженности в деревне.

В Египте же и Иране именно аграрные реформы сыграли решающую роль в трансформации традиционного аграрного строя, причем в сравнении с Турцией в деревне этих стран, несмотря на меньшие масштабы капиталистического предпринимательства, в результате осуществления довольно обширных аграрных реформ были достигнуты более значительные успехи в упразднении традиционных форм хозяйства.

Египет был первым на Ближнем и Среднем Востоке государством, на практике осуществившим широкое вмешательство в сферу частного землевладения и землепользования, предпринявшим энергичные шаги по перераспределению частных сельскохозяйственных угодий. 9 сентября 1952 г., т. е. через полтора месяца после победы антифеодалной и антиимпериалистической революции, в Египте был принят закон об аграрной реформе, в соответствии с которым были проведены мероприятия, повлекшие за собой значительное сокращение полуфеодалных форм землевладения и землепользования, создание предпосылок для весьма интенсивного развития различных типов мелко-товарных и капиталистических хозяйств. Эти мероприятия нанесли серьезный удар по политическим позициям традиционной элиты в местных и центральных органах власти.

В соответствии с законом 1952 г. об аграрной реформе размеры полуфеодального частного землевладения ограничивались 84 га на главу семьи, законом 1961 г. — 42 га, законом 1969 г. — 21 га. По закону 1952 г. разрешалось оставлять еще 42 га на членов семьи, по закону 1961 г. — 42 га и по закону 1969 г. — 21 га. Это положение фактически не распространялось на хозяйства, которые велись «индустриальными» методами. «Излишки» земель частных полуфеодальных хозяйств поступали в распоряжение государства и в основной массе передавались в фонд аграрной реформы для распределения между крестьянами за выкуп в рассрочку. Фонд аграрной реформы пополнялся и за счет земель, конфискованных в 1952—1953 гг. у членов королевской семьи (75 тыс. га); земель, полученных в результате национализации в 1963 г. имений иностранных подданных (12,6 тыс. га); земель, перешедших государству в соответствии с принятыми в 1957 г. и 1962 г. законами о национализации возделываемых площадей мусульманских религиозных учреждений (79,4 тыс. га)²⁰.

Вместе с тем законы об аграрной реформе и различные дополнительные постановления предусматривали проведение серии мероприятий по упорядочению и улучшению условий традиционной аренды, постепенной ликвидации ее издольных форм, тормозивших развитие производства в преобладавших в египетской деревне мелких хозяйствах. Намечалась (хотя и с известными исключениями) замена издольной аренды арендой с фиксированными ставками, устанавливался максимальный размер арендной платы (в натуральном выражении она не должна была превышать половины урожая после вычета всех расходов), предусматривалось заключение арендных договоров в письменном виде и на срок не менее чем на три года, запрещался сгон крестьян с участков до истечения срока договоров, упразднялась субаренда, несколько ограничивались возможности аренды земли богатыми собственниками и т. д.²¹.

С 1953 по 1979 г. в ходе осуществления трех этапов аграрной реформы между безземельными и малоземельными крестьянами было распределено 445 тыс. га, из которых 355,1 тыс. га составляли земли из фонда аграрной реформы, 77,4 тыс. га — земли государственных учреждений и 12,5 тыс. га — государственные земли в пойме р. Нила²². На первом этапе аграрной реформы (1953—1961) крестьяне получили 146,9 тыс. га (33%), на втором этапе (1962—1969) — 278,1 тыс. га (62,5%) и на третьем этапе (1970—1979) — только 20 тыс. га (4,5%)²³.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что с начала 70-х годов в аграрной политике египетского правительства стало отчетливо прослеживаться стремление к свертыванию аграрной реформы, в первую очередь тех мероприятий, которые касались перераспределения обрабатываемых земель в пользу низших слоев деревни. Эти изменения в аграрной стратегии египетского правительства начались после смерти в сентябре

Таблица 4

Динамика землевладения в Египте (1952—1977 гг.) *

Группа хозяйств по размерам обрабатываемых площадей, га	1952 г.				1977 г.**			
	Число со-владельцев		Общая площадь		Число со-владельцев		Общая площадь	
	тыс.	%	тыс. га	%	тыс.	%	тыс. га	%
Менее 0,42	2005	71,6	332,6	13,2	2435	70,0	411,2	17,7
0,42— 2,1	637	22,7	558,6	23,2	878	25,0	796,7	34,3
2,1 — 4,2	79	2,8	220,9	8,8	94	2,7	258,7	11,1
4,2 — 8,4	47	1,7	268,0	10,7	44	1,3	240,2	10,3
8,4 — 21	22	0,8	274,7	10,9	23	0,7	280,6	12,1
21 — 42	6	0,2	180,6	7,2	6	0,2	198,7	8,5
Более 42	5	0,2	677,8	27,0	2	0,1	138,6	6,0
Всего . .	2801	100,0	2313,2	100,0	3482	100,0	2324,7	100,0

* Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1979. Cairo, 1980, с. 54—57; Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities and Equity in a Changing Economy: Egypt in the 1980s. Geneva, 1982, с. 107.

** Без государственных земель и площадей, подлежащих распределению в соответствии с законами об аграрной реформе, но включая земли различных компаний и организаций.

1970 г. Г. А. Насера и вступления на пост президента страны А. Садата и проявлялись в известной переориентации аграрной политики египетского правительства, в усилении в ней прокапиталистических тенденций²⁴.

Ростом прокапиталистических тенденций в аграрной политике египетского правительства в значительной мере объяснялось и то, что из общей площади земель, поступивших в фонд аграрной реформы и на конец 1971 г. оценивавшихся в 524,2 тыс. га²⁵, распределено между крестьянами на конец 1979 г. было лишь 355,1 тыс. га, или 67,7%. Остальные земли, как и обширные площади, поступавшие в распоряжение государства в результате освоения новых земель, правительство все чаще сдавало в аренду или продавало представителям обуржуазившихся зажиточных слоев деревни и капиталистическим компаниям, в том числе иностранным²⁶. К 1977 г. в руках государства сосредоточилось, по приблизительным данным, более 506 тыс. га (около 18%) возделываемых площадей²⁷, между тем как в 1950 г. доля государства в фонде обрабатываемых земель составляла только 2,3%, а в 1961 г.— 2,1%²⁸.

Взяв под непосредственный контроль довольно значительную часть обрабатываемых земель, государство в Египте приобрело мощное дополнительное орудие для воздействия на характер аграрного развития, для стимулирования современного производства. При этом явное предпочтение отдавалось поощрению капиталистического предпринимательства.

Однако официальные органы Египта при оценке итогов мероприятий по перераспределению обрабатываемых земель зачастую «забывали» о резком расширении фонда государственных земель, значительную часть которых государство сдавало в аренду преимущественно зажиточным хозяйствам. Это создавало искаженное представление о результатах названных мероприятий, и прежде всего об итогах перераспределения земель в пользу беднейших слоев крестьянства.

В соответствии с официальными материалами о динамике землевладения доля мелких собственников с участками до 5 федд. (2,1 га) увеличилась с 35,4 в 1952 г. до 52% в 1977 г. (табл. 4). Однако данные за 1977 г. фактически касались лишь частного землевладения и в явно приукрашенном виде отражали изменения в положении мелких собственников в структуре землевладения. Гораздо точнее (хотя и с известной условностью) эти изменения отражены данными об удельном весе мелкого землевладения в общем фонде обрабатываемых земель. В 1977 г. он составлял 42,7%²⁹.

По данным на конец 1977 г., мероприятиями государства по перераспределению обрабатываемых площадей было охвачено 441,5 тыс. малоземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих (исходя из расчета, что на каждого из них приходилось по 2,4 федд., т. е. несколько более 1 га), мероприятиями по регулированию арендных отношений — 1019 тыс. человек³⁰.

В результате проведения мероприятий по перераспределению обрабатываемых земель значительно сузилась сфера полуфеодального хозяйства, базировавшегося на использовании различных видов докапиталистической аренды; преобладающее положение в египетской деревне заняли хозяйства крестьян-собственников. При этом, однако, большинство крестьян-собственников владело участками до 5 федд. (2,1 га). В 1977 г. их удельный вес в общем числе землевладельцев составлял 95% (табл. 4), но около 73,5% из них составляли собственники наделов менее 1 федд. (0,42 га). По данным выборочных обследований середины 70-х годов, собственники участков до 1 федд. при обычной структуре производства смогли обеспечить за счет эксплуатации своих наделов лишь 27,2% потребностей своих семей, а собственники участков от 1 до 2,43 федд. — 64,6%³¹. При таких условиях основные потребности хозяйств с участками до 1 федд. зачастую обеспечивались за счет побочных заработков³².

Сдвиги в структуре землевладения дают лишь весьма приблизительное представление об изменениях в материальном положении отдельных прослоек помещиков и крестьян и особенно низших прослоек трудящихся египетской деревни, происшедших в результате осуществления программ трех этапов аграрной реформы, и не дают даже приблизительного представления об изменениях социального облика различных групп сельского общества.

Таблица 5

Частное землевладение и землепользование в Египте в 1961 г. *

Группа хозяйств по размерам обрабатываемых площадей, га	Землевладение **				Землепользование ***			
	Число собственников		Обрабатывае- мая площадь		Число собственников		Обрабатывае- мая площадь	
	тыс.	%	тыс. га	%	тыс.	%	тыс. га	%
Менее 2,1	2481	94,4	1168,0	46,5	1381,2	84,1	988,9	37,8
2,1— 4,2	79	3,6	320,9	8,8	170,0	10,4	462,3	17,7
4,2— 8,4	47	1,6	268,0	10,6	56,7	3,5	311,8	11,9
8,4—21	30	1,0	343,6	13,7	23,8	1,4	289,5	11,1
21 —42	6	0,2	180,6	7,2	6,4	0,4	180,6	6,9
42 и более	5	0,2	332,2	13,2	4,0	0,2	380,5	14,6
Всего . . .	3008	100,0	2513,3	100,0	1642,1	100,0	2613,7	100,0

* Составлено и подсчитано по: *Abdel-Fadil M. Development...*, с. 19—20; *Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1979*, с. 56.

* Без учета около 42 тыс. га обрабатываемых земель, перешедших различными путями (прежде всего в результате продажи государственных земель) в руки частных лиц.

*** Без учета земель, арендуемых частными лицами у государства.

Эти пробелы в значительной степени восполняются при сопоставлении данных о землевладении и землепользовании и анализе сведений о динамике различных видов землепользования, что позволяет выделить те или иные типы сельскохозяйственных хозяйств и проследить их трансформацию. Необходимость такого подхода при исследовании аграрной эволюции в Египте и в аналогичных по социальной-экономической структуре сельских районах других стран усиливается благодаря тому, что во-первых, в деревне указанных стран значительное место занимают очень мелкие землевладения, неспособные стать основой для создания самостоятельного сельскохозяйственного хозяйства, и, во-вторых, в довольно широких масштабах применяются различные виды докапиталистической аренды и т. д. При таких условиях анализ динамики землевладения без широкого привлечения данных о землепользовании даст искаженную картину итогов аграрной реформы в Египте. Однако правительство Египта при демонстрации результатов аграрной реформы в целом ограничивается лишь публикацией материалов об изменениях в сфере частного землевладения.

К сожалению, доступные нам разносторонние данные о землепользовании в египетской деревне имеются только за 1961 г. и отражают сдвиги в аграрном строе, происшедшие в ходе осуществления программы первого этапа аграрной реформы. Тем не менее сопоставление данных о землевладении и землепользовании за 1961 г. позволяет выяснить степень удовлетворения интересов различных групп крестьян, и прежде всего их

низших прослоек, составить представление о потенциальных возможностях и тенденциях развития отдельных категорий земледельческих хозяйств.

При сравнении данных о землевладении и землепользовании за 1961 г. выявляются серьезные расхождения между числом землевладений и числом земледельческих хозяйств, особенно среди бедняцких групп крестьян. Данные табл. 5 свидетельствуют о том, что лишь 55,7% собственников участков площадью до 5 федд. (2,1 га) вели земледельческое хозяйство на своих наделах, а площадь возделывавшихся в рамках этих хозяйств земель составляла 84,7% площади принадлежавших им земель (табл. 5).

Довольно серьезные различия показателей, которые, казалось бы, не должны были иметь весомых расхождений, обуславливались прежде всего преобладанием в группе собственников участков до 5 федд. владельцев парцелл размером до 1 федд., неспособных вести самостоятельное хозяйство и в значительной части предпочитавших или вынужденных к сдаче своих наделов в аренду представителям верхних прослоек своей группы или другим лицам. Достаточным подтверждением этого является то, что из общей площади земель, возделывавшихся собственниками участков до 5 федд., «свои» земли составляли 49,9%, а земли, взятые в аренду, — 50,1%.

В прямой связи с этим следует остановиться на вопросе об экономической состоятельности и социальном облике основных групп земледельческих хозяйств в египетской деревне. Этот вопрос довольно широко освещен в советской и иностранной литературе. Наиболее убедительной выглядит классификация различных групп земледельческих хозяйств, и прежде всего их низших групп, которую дает в своей монографии С. Н. Волков, опираясь на материалы сельскохозяйственной переписи 1961 г. о распределении земледельческих хозяйств в зависимости от размера и вида землепользования, на данные о потребительских затратах сельских семей, на сведения о возможностях их удовлетворения и осуществления накопления в тех или иных хозяйствах, на материалы об использовании в различных группах хозяйств наемной рабочей силы, средств интенсификации производства и т. п.³³

При всей привлекательности классификации С. Н. Волкова воспользоваться ею для дальнейшего анализа вопросов землепользования и землевладения в египетской деревне практически невозможно из-за нехватки соответствующих данных египетской статистики. Поэтому при анализе социальной структуры земледельческого населения целесообразно, придерживаясь в целом разработанной С. Н. Волковым классификации, использовать в качестве основы менее дробные показатели египетской статистики, которые касаются землепользования в целом (без подразделения на отдельные виды). На базе этих показателей выделяют следующие группы земледельческих хозяйств: полупролетар-

ские — с наделами до 2 федд. (0,84 га), бедняцкие — с участками от 2 до 5 федд. (0,84—2,1 га), середняцкие — с участками от 5 до 10 федд. (2,1—4,2 га), хозяйства зажиточных крестьян — с участками от 10 до 20 федд. (4,2—8,4 га), помещичьи хозяйства, главным образом капиталистические, — с участками от 20 федд. и более (8,4 га и более).

Естественно, определение имущественной состоятельности и социального облика земледельческих хозяйств в зависимости от величины обрабатываемого участка в известной мере условно. Как и в Турции, среди низших групп земледельческих хозяйств египетской деревни, и прежде всего среди владельцев участков от 3 до 5 федд., немало хозяйств, которые по уровню доходов принадлежали к середняцким и даже зажиточным хозяйствам. Это касалось в первую очередь хозяйств, занимавшихся выращиванием овощей, садовых и других прибыльных товарных культур, не охваченных системой принудительных поставок государству по твердым ценам³⁴, а также хозяйств, которые занимались разведением скота и домашней птицы³⁵.

В 1960 г. в египетской деревне 12,4% крупного рогатого скота принадлежало лицам, не имевшим своей земли, 26,6% — хозяйствам с участками до 1 федд., 44,6% — с участками от 1 до 5 федд., 6,6% — с участками от 5 до 10 федд., 3,5% — с участками от 10 до 20 федд., 3,5% — с участками от 20 до 50 федд., 2,8% — с участками 50 федд. и более³⁶. Мелкие хозяйства преобладали в производстве овощей в пригородных районах, прежде всего в окрестностях Каира и Александрии, где под овощными культурами было 10% обрабатываемых земель, тогда как в других районах на долю овощей приходилось обычно 1—1,5% возделываемых площадей³⁷. Аналогичные тенденции среди мелких хозяйств Египта прослеживались и в первой половине 80-х годов³⁸.

К тому же, как показывают материалы обследования, проведенного в 1979 г. в пяти деревнях на пойменных землях Нила, самые мелкие хозяйства отличались наиболее высокой эффективностью использования сельскохозяйственных угодий. Косвенным свидетельством этого может быть наличие в отдельных хозяйствах с участками до 5 федд. тракторов (хотя зачастую на паях), стационарных поливочных машин и т. д.³⁹ При среднем коэффициенте эффективности использования земель, равном 2, в мелких хозяйствах этот коэффициент достигал 3,55, а в крупных хозяйствах составлял лишь 1,87⁴⁰.

Полупролетарские хозяйства в 1961 г. составляли 49,9% всех земледельческих хозяйств, но концентрировали только 14,5% фонда обрабатываемых земель, 34,2% земледельческих хозяйств принадлежало бедняцким семьям, располагавшим 26,3% обрабатываемых площадей. Эти две низшие группы хозяйств на 50,4% вели производство на арендованных землях, преимущественно на базе денежной аренды с фиксированными ставками. На условиях натуральных видов традиционной (дока-

питалистической) аренды в рамках рассматриваемых групп хозяйств возделывалось 14,6% арендованных ими земель.

Середняцкие хозяйства с участками от 5 до 10 федд. (10,3% всех земледельческих хозяйств) имели в 1961 г. 17,7% обрабатываемых площадей, из которых 47% составляли арендованные земли, причем 18% этих земель предоставлялись середняцким хозяйствам на условиях натуральной ренты.

Зажиточные крестьянские хозяйства с участками от 10 до 20 федд. (3,5% всех земледельческих хозяйств) располагали в 1961 г. 11,9% фонда обрабатываемых земель, причем 38,3% возделываемых площадей зажиточных хозяйств составляли арендованные земли, из них 14% на условиях натуральной ренты.

32,6% обрабатываемых площадей возделывалось в 1961 г. в богатых (главным образом помещичьих) хозяйствах с участками в 20 федд. и более (2,1% всех земледельческих хозяйств), которые в основной массе вели производство на базе использования наемного труда. 24,4% обрабатываемых площадей богатых хозяйств составляли арендованные земли⁴¹, и вместе с тем они, особенно их верхние прослойки, оставались главными поставщиками земель (на условиях разных видов аренды) различным группам крестьянских хозяйств.

Подробные и дифференцированные данные о дальнейших изменениях в структуре и социальном содержании землепользования в египетской деревне, о положении различных групп земледельческих хозяйств, особенно хозяйств зажиточных крестьян и помещиков, отсутствуют. Тем не менее на базе материалов о сдвигах в сфере землевладения, данных о динамике отдельных групп земледельческих хозяйств, материалов о применении средств интенсификации производства можно выявить изменения в положении основных групп земледельческих хозяйств, составить более или менее четкое представление о тенденциях их развития.

Удельный вес землевладения собственников наделов до 5 федд. в частном землевладении с 1961 по 1965 г. (под влиянием прежде всего осуществления программы второго этапа аграрной реформы) увеличился с 46,5% до 57,1%, но в дальнейшем в связи с непрекращавшимся процессом дробления участков, с замедлением во второй половине 60-х годов и фактически прекращением в начале 70-х годов мероприятий по перераспределению обрабатываемых площадей, с проведением правительством А. Садата различных пропрекапиталистических мероприятий в египетской деревне доля землевладения низших групп собственников сократилась до 52% в 1977 г. (табл. 4 и 5).

Эти изменения в немалой степени отражали и сдвиги в структуре землепользования, довольно отчетливо обозначившееся в 70-х годах ухудшение положения низших прослоек земледельческого населения, что проявилось прежде всего в резком увеличении в египетской деревне числа полупролетарских и

бедняцких хозяйств, и особенно хозяйств с земельными наделами менее 1 федд. (0,42 га). Число таких хозяйств с 434,2 тыс. (26,4% всех сельскохозяйственных хозяйств) в 1961 г. возросло до 597,7 тыс. (28,7%) в 1965 г. и 1458,8 тыс. (48,8%) в 1977 г., а их доля в фонде обрабатываемых земель повысилась с 3,4% до 5,5% и 15%. Полупролетарские и бедняцкие хозяйства (с участками менее 5 федд.) в целом концентрировали 67,1% обрабатываемых площадей. Они по-прежнему в значительной мере вели производство на землях, взятых в аренду у государства, помещиков, а также зажиточных крестьян. Сопоставление данных о землевладении и землепользовании низших групп хозяйств позволяет с известными оговорками сказать, что в 1977 г. в этих хозяйствах по крайней мере 30% земель возделывалось на основе аренды⁴².

Ухудшение положения, а частично и разорение низшей группы хозяйств в 70-х годах в известной мере отражалось и в динамике удельного веса семей, которые не вели самостоятельного сельскохозяйственного хозяйства. Доля этих семей в общем числе сельских семей уменьшилась с 44% в 1950 г. до 30% в 1961 г. и 28% в 1965 г., а затем увеличилась до 33% в 1970 г. и 45% в 1975 г.⁴³, т. е. возвратилась фактически к исходному уровню.

Ухудшение положения низших категорий сельскохозяйственного населения Египта находилось в прямой связи с проведением правительством А. Садата комплекса мероприятий, противоречивших провозглашенным Г. А. Насером демократическим принципам аграрной реформы и направленных на создание предпосылок для ускорения развития частного капиталистического предпринимательства, которому отводилась ведущая роль в ослаблении обострявшегося в стране продовольственного вопроса. Забегая вперед, скажем, что все эти мероприятия не вызвали серьезных сдвигов в развитии современного производства, но отрицательно сказались на условиях труда и продуктивности мелких хозяйств.

В соответствии с законами, принятыми правительством А. Садата в 1971, 1972 и 1974 гг., восстанавливались права помещиков на обрабатываемые земли, изъятые у них в ходе аграрной реформы, но еще не распределенные между крестьянами⁴⁴. Возвращались земли мусульманским религиозным учреждениям. Увеличивалась компенсация помещикам и иным богатым собственникам за недвижимое имущество, перешедшее в руки государства в результате аграрных преобразований⁴⁵. В связи с названными и другими аналогичными актами в египетской деревне в 1977 г. было зарегистрировано около 6 тыс. собственников участков размером от 50 до 100 федд. (от 21 до 42 га) и около 2 тыс. собственников участков размером 100 федд. и более. На долю этих двух групп собственников в 1977 г. приходилось 14,5% и в 1978 г. 15,4% частных обрабатываемых земель⁴⁶.

Однако помещики, получив свои земли, судя по материалам

о структуре землевладения и землепользования за 1977 г., не спешили откликнуться на призывы правительства А. Садата о капиталистической модернизации производства. Более того, значительную часть земель они по-прежнему предпочитали сдавать в аренду мелкими участками. Это, по мнению Б. Хансена и С. Радвана, объяснялось, с одной стороны, страхом помещиков перед возможностью новой аграрной реформы, а с другой — стремлением извлечь выгоды из того факта, что мелкие держания не подлежали налогообложению⁴⁷. Кроме того, принятые в 1975 г. дополнения к закону об аграрной реформе предусматривали повышение ставок арендной платы и разрешали стон крестьян с участков в случае ее невнесения в течение двух месяцев после окончания сельскохозяйственного сезона⁴⁸.

Под влиянием этих и других мероприятий в сельскохозяйственных районах Египта с середины 70-х годов прослеживался рост различных видов аренды, в том числе и издольной, и дробление обрабатываемых земельных участков⁴⁹. К началу 80-х годов в египетской деревне на условиях аренды возделывалось от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ сельскохозяйственных угодий⁵⁰, причем стали преобладать выгодные для состоятельных собственников краткосрочные формы аренды, зачастую земля стала предоставляться крестьянам в аренду на гораздо более обременительных и жестких условиях⁵¹.

Основная масса земель, сдававшихся помещиками и другими состоятельными землевладельцами в аренду, возделывалась в конце 70-х — начале 80-х годов в рамках мелких хозяйств с участками до 5 федд. (2,1 га). В условиях быстрого роста числа мелких хозяйств, особенно их низших групп, и учитывая очень ограниченные возможности трудоустройства, перед владельцами мизерных наделов со все большей необходимостью вставала задача усилить эксплуатацию участков, чтобы прокормить свои семьи. В сложившейся в египетской деревне в конце 70-х — начале 80-х годов ситуации, которая во многом была следствием аграрной политики правительства Садата, его отказа от производственного кооперирования крестьян, среди мелких хозяйств росло стремление к расширению производства прибыльной продукции, в частности продукции животноводства.

В отчетах о проведенных в различных районах Египта обследованиях отмечалось, что в самых мелких хозяйствах (с участками до 1 федд.) растениеводству зачастую отводилась подчиненная роль, а преобладающую часть доходов от сельскохозяйственной деятельности обеспечивало животноводство. Очень важное место занимало животноводство и в хозяйствах с участками от 1 до 3 федд., где оно приносило до 45% всех доходов от сельскохозяйственного производства, и в хозяйствах с участками от 4 до 5 федд. (около 34% доходов)⁵². При этом состоятельные хозяйства нередко поставляли мелким хозяйствам кормовые культуры⁵³.

Не приходится говорить, что лишь незначительной части

мелких хозяйств, главным образом их верхним группам с участками от 3 до 5 федд., удавалось за счет расширения производства прибыльных видов продукции добиться получения доходов, позволявших их семьям вести сравнительно безбедное существование. Что касается хозяйств с участками до 1 федд., то эти «субмаргинальные хозяйства» даже при значительных изменениях в структуре производства в подавляющем большинстве оказывались не в состоянии обеспечивать доходы, позволявшие их семьям перешагнуть границу абсолютной бедности.

В то же время в египетской деревне постепенно сокращались обрабатываемые земли сравнительно благополучных хозяйств с участками от 5 до 10 федд., представленных в первую очередь середняцкими хозяйствами. Обрабатываемые площади этих хозяйств с 1100,7 тыс. федд. (462,2 тыс. га) в 1961 г. уменьшились до 970,7 тыс. федд. (407,7 тыс. га) в 1965 г., до 944,4 тыс. федд. (396,6 тыс. га) в 1974 г. и 785,9 тыс. федд. (330,1 тыс. га) в 1977 г., а их доля в общем фонде обрабатываемых земель сократилась в указанные годы с 17,7% до 16,4, 15,8 и 12,9%⁵⁴.

В рамках середняцких хозяйств, по нашей оценке, вытекающей из сопоставления сведений о землевладении и землепользовании, на основе аренды возделывалось около 22% земель⁵⁵. Между тем хозяйства зажиточных крестьян и помещиков с участками 10 федд. и более (о землепользовании верхних прослоек земледельческих хозяйств дифференцированные данные отсутствуют) в подавляющем числе вели производство только на принадлежавшей им земле. Более того, зажиточные крестьяне и помещики, как явствует из сравнительных данных о землевладении и землепользовании, около 38% своих земель по-прежнему сдавали в аренду⁵⁶. Судя по косвенным сведениям, основная масса этих земель приходилась на крупных (по египетским стандартам) землевладельцев (участки 20—50 федд. и более), возвративших в первой половине 70-х годов часть изъятых у них в ходе осуществления аграрной реформы обрабатываемых земель, но не испытывавших уверенности в устойчивости своего нового положения. Весомое влияние на экономическую деятельность помещиков оказывали, по-видимому, и расширявшиеся возможности капиталовложений в сфере услуг.

Широкое распространение различных видов аренды, в том числе докапиталистических, по мнению ряда авторов, свидетельствует о возрождении в египетской деревне традиционных полуфеодальных форм эксплуатации крестьян⁵⁷. Вместе с тем нельзя не отметить, что в середине 70-х годов наблюдалось известное оживление сельскохозяйственной деятельности помещиков и зажиточных крестьян. Это проявлялось, в частности, в расширении обрабатываемых земель хозяйств с участками в 10 федд. и более и в повышении их доли в общем фонде обрабатываемых земель с 18,2% в 1974 г. до 20% в 1977 г., тогда как ранее землепользование этих групп хозяйств обнаруживало весьма устойчивую тенденцию к понижению⁵⁸.

Названные сдвиги коснулись прежде всего зажиточных крестьян, которые, как неоднократно подчеркивалось в зарубежной печати, больше других выиграли от проведения аграрной реформы и других общественных преобразований в египетской деревне⁵⁹. Зажиточные крестьяне, активно приобщавшиеся к капиталистическому предпринимательству, наряду с обуржуазившимися помещиками превратились в крупных поставщиков товарной продукции, в основную опору современного египетского режима в деревне.

Таковы основные изменения в сфере землевладения и землепользования, которые произошли в египетской деревне под влиянием осуществления в 50—70-х годах аграрной реформы и иных общественных преобразований, призванных, по замыслу правительства, обеспечить социально-экономические предпосылки для ускорения роста сельскохозяйственного производства и облегчения положения крестьян. Эти изменения (и в первую очередь сдвиги в области землепользования), однако, свидетельствуют, что в результате проведения в 70-х годах правительством А. Садата серии антидемократических и прокапиталистических мероприятий, ослабления внимания государства к потребностям развития сельскохозяйственного производства, к нуждам низших прослоек сельскохозяйственного населения социально-экономическое развитие египетской деревни во многом зашло в тупик. Это проявилось, с одной стороны, в необычайно широкой парцелляции землепользования, а с другой — в известной инертности богатых землевладельцев, не желавших развивать современное капиталистическое производство.

Говоря об итогах аграрной реформы в Египте, следует также отметить, что происходившие под ее влиянием социально-экономические сдвиги в египетской деревне, особенно в период президентства Г. А. Насера, по своему характеру перекликались со сдвигами, которые прослеживались в деревне Ирака, Сирии и ряда других освободившихся стран, и отражали упорную борьбу между капиталистическими и антикапиталистическими тенденциями аграрной эволюции.

Широкими масштабами и высокой эффективностью отличалось осуществление в 60-х — первой половине 70-х годов аграрной реформы в Иране, где она стала ядром программы буржуазных общественных преобразований, известной под названием «белой революции» и призванной прежде всего вывести страну из глубокого экономического и политического кризиса, который грозил стоявшей у власти династии Пехлеви серьезными политическими осложнениями. По мнению иранских западных обозревателей, обстановка в стране на рубеже 50—60-х годов напоминала революционную ситуацию. В условиях обострения общественных и политических противоречий монархический режим, распустив меджлис — оплот консервативных полуфеодалных помещиков, ханов племен и духовенства, в начале 60-х годов приступил к осуществлению программы общественных преобра-

зований — буржуазной «мирной революции» с целью предотвратить назревавшую «насильственную революцию»⁶⁰.

Осуществление общественных преобразований, в первую очередь аграрной реформы, должно было, по замыслам шаха и его советников, обеспечить предпосылки для форсированного переустройства народного хозяйства по капиталистическому образцу, быстрого и устойчивого экономического развития страны, улучшения положения широких слоев населения с целью ослабить социальные противоречия и избежать роста общественного недовольства. В общественных преобразованиях монархический режим видел также важное средство борьбы с распространением идей коммунизма, что в немалой степени предопределило поддержку шахских начинаний западными державами, и особенно США⁶¹.

В начале 60-х — середине 70-х годов в ходе осуществления трех этапов аграрной реформы полуфеодалное издольное хозяйство, которое господствовало в иранской деревне и накануне аграрных преобразований охватывало более 60% обрабатываемых площадей, в целом было ликвидировано. По состоянию на 22 сентября 1977 г., 2538,1 тыс. крестьян⁶², ранее возделывавших земли помещиков и других полуфеодалных собственников на базе различных видов докапиталистической аренды, в результате проведения аграрной реформы превратились в крестьян-собственников, которые в основной массе вели самостоятельное хозяйство. В то же время часть помещиков, используя льготы, которые предоставлялись им при внедрении индустриальных методов производства, встала на путь капиталистического предпринимательства.

Таким образом, проведение аграрной реформы сопровождалось радикальными сдвигами в сфере землевладения и землепользования. В результате если в 1960/61 г. на хозяйства, которые велись на принадлежавших им земельных участках⁶³, приходилось, по данным сельскохозяйственных переписей, только 28,4% обрабатываемых площадей, то в 1972/73 г. — 90,7%, в 1974/75 г. — 92,1%, в 1982/83 г. — 94,1%⁶⁴.

В результате аграрных преобразований полуфеодалные помещики, занимавшие вкупе с ханами кочевых и полукочевых племен и представителями торгово-ростовщической буржуазии господствующее положение в экономической жизни иранской деревни и выступавшие основными поставщиками товарной продукции растениеводства и животноводства, фактически сошли со сцены. В ходе аграрной реформы и проведения мероприятий по национализации пастбищ и переводу племен на оседлость резко ослабили экономические позиции ханов племен. В значительной мере были подорваны и позиции торгово-ростовщической буржуазии, что являлось прежде всего следствием расширения деятельности в деревне различных экономических государственных учреждений и кооперативов.

Однако осуществление аграрной реформы не вызвало круп-

Таблица 6

Распределение обрабатываемых земель в иранской деревне по группам сельскохозяйственных хозяйств (1960/61—1974/75 гг.) *

Группа хозяйств по размеру обрабатываемых площадей, га	1960/61 г.			1972/73 г.			1974/75 г.		
	Число хо- зяйств	Площадь		Число хо- зяйств	Площадь		Число хо- зяйств	Площадь	
		тыс.	тыс. га		%	тыс.		тыс. га	%
Менее 1	492,3	199	1,8	801	300	2,0	734,3	259,9	1,6
1—2	256,5	372	3,3	342	490	3,2	322,2	443,7	2,7
2—5	474,5	1554	13,7	545	1810	11,8	541,6	1732,9	10,6
5—10	340,0	2413	21,2	434	3180	20,7	427,9	2953,4	18,0
10—50	301,6	5263	46,3	394	7640	45,9	428,1	7500,7	45,7
50—100	8,4	564	5,0	10	700	4,6	16,3	1073,7	6,5
100 и более	4,0	991	8,7	7	1810	11,8	9,6	2452,9	14,9
Всего . . .	1877,3	11 356	100,0	2533	15 330	100,0	2480,0	16 417,2	100,0

* Подсчитано по материалам сельскохозяйственных переписей: Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи сал-е 1351 (1972/73), с. 3; Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи... 2533 (1974/75), с. 15; Allgemeine Statistics des Auslandes. Iran. Stuttgart und Mainz. 1970, с. 16.

ных перемен в структуре землепользования, так как при распределении земель за крестьянами, как правило (за отдельными исключениями), закреплялись в собственность участки, обрабатываемые ими на условиях аренды. Поэтому в иранской деревне и после проведения аграрной реформы преобладали мелкие сельскохозяйственные хозяйства, располагавшие участками до 5 га (в 1960/61 г. они составляли 65,2% общего числа сельскохозяйственных хозяйств, в 1972/73 г.—66,6%, в 1974/75 г.—64,4%).

Тем не менее в 1972/73—1974/75 гг. (табл. 6) весьма отчетливо обозначилась тенденция к сокращению числа и падению удельного веса мелких сельскохозяйственных хозяйств, представленных в иранской деревне преимущественно полупролетарскими хозяйствами с наделами до 2 га и бедняцкими хозяйствами с участками от 2 до 5 га⁶⁵. Эта тенденция, судя по косвенным сведениям, еще более проявилась в последующий период. Названный процесс отчасти захватывал и середняцкие хозяйства, представленные главным образом хозяйствами с участками от 5 до 10 га. При сокращении в 1972/73—1974/75 гг. общего числа сельскохозяйственных хозяйств на 53 тыс. число полупролетарских, бедняцких и середняцких хозяйств уменьшилось на 96 тыс. В то же время число хозяйств, располагавших участками в 10 га и более (преимущественно хозяйства зажиточных крестьян, помещиков и различные капиталистические хозяйства), увеличилось на 43 тыс., а их удельный вес в фонде обрабатываемых

земель за счет расширения возделываемых площадей в двух верхних группах хозяйств возрос с 63,3% до 67,1% (табл. 6). Это было прямым следствием усиления капиталистического предпринимательства, ухудшения условий производства в мелких хозяйствах в связи с ростом инфляции и рядом других причин.

И все же не следует забывать, что полупролетарские, бедняцкие и середняцкие хозяйства по-прежнему составляли подавляющую часть земледельческих хозяйств в иранской деревне (83,8% в 1972/73 г. и 81,7% в 1974/75 г.). Правда, большинство этих хозяйств принципиально отличались от хозяйств аналогичного размера в дореформенной деревне, представленных преимущественно хозяйствами, которые велись на базе издольной или иных видов докапиталистической аренды, во многом были фактически отрезаны от рынка как в сфере сбыта продукции, так и в области удовлетворения своих нужд в потребительских и особенно производственных товарах. В пореформенной деревне хозяйства с участками до 10 га — это главным образом хозяйства крестьян-собственников, в значительной части поддерживавших (пусть зачастую через посредников) разносторонние связи с рынком. При этом нередко активное участие в поставках на рынок земледельческой и в немалой степени животноводческой продукции принимали хозяйства с участками до 5 га⁶⁶.

Широкое включение в торговый оборот продукции низших групп земледельческих хозяйств в Иране (как и в других странах Ближнего и Среднего Востока) обуславливалось прежде всего тем, что значительное место в этих хозяйствах отводилось выращиванию высокотоварных культур, в частности риса, садовых культур и чая. В 1974/75 г. в хозяйствах с участками менее 1 га на рис приходилось 19,8%, садовые культуры и чай — 38,8% земель под посевами однолетних и многолетних культур⁶⁷, в хозяйствах с участками от 1 до 2 га — 27,2 и 20,8%, от 2 до 5 га — 10,6 и 9,4%. Доля этих групп хозяйств в общей площади под посевами риса составляла 74,7%, под садовыми культурами и чаем — 43%. К тому же значительную часть возделываемых площадей в рассматриваемых хозяйствах составляли поливные земли. Так, в 1974/75 г. посевы однолетних культур на поливных землях в хозяйствах с участками менее 1 га составляли 75,7% посевов этих культур по стране, в хозяйствах с участками от 1 до 2 га — 67,7%, от 2 до 5 га — 44,9%. Ввиду довольно высоких для иранского растениеводства норм потребления минеральных удобрений и ряда иных факторов урожайность различных культур в низших группах хозяйств заметно превосходила среднюю урожайность по стране. В результате, например, в 1972/73 г. на хозяйства с участками до 5 га приходилось 73,1% всех посевов риса, 80,2% его сбора и 80% товарной продукции рисоводства⁶⁸.

Немалый вклад мелкие хозяйства вносили в снабжение

внутреннего рынка животноводческой продукцией. Косвенно об этом свидетельствуют данные о том, что в 1974/75 г. им принадлежало (без учета поголовья скота в неземледельческих хозяйствах) 30,7% всего поголовья овец, 46,9% — коз, 51,6% — крупного рогатого скота. Правда, в большинстве мелких земледельческих, как, впрочем, и в других группах, хозяйств разведению скота и домашней птицы обычно придавалось второстепенное (хотя зачастую и очень важное) значение. И тем не менее среди мелких хозяйств, особенно в районах, расположенных поблизости от городских рынков, и в зонах племен, нередко встречались такие, для которых животноводство служило значительным и даже основным источником дохода. Около 40% собственников мелкого рогатого скота и 15—20% собственников крупного рогатого скота из низших групп земледельческих хозяйств в 1974/75 г. прибегали к реализации продукции животноводства на рынке⁶⁹.

Довольно широкое возделывание мелкими хозяйствами высокотоварных культур, заметное развитие в них животноводства, а также различных кустарных промыслов заставляют вносить коррективы (порой весьма серьезные) в основывающиеся на величине обрабатываемых участков оценки имущественной состоятельности значительной части земледельческих хозяйств низших групп. Возможностью получения «дополнительных доходов» от возделывания высокотоварных культур, животноводства и т. д. в известной степени объяснялось существование в деревне Ирана (как и в деревне Ближнего и Среднего Востока в целом) обширного слоя очень мелких земледельческих хозяйств.

Вместе с тем среди хозяйств с участками до 5 га прослеживалась (как и в Турции и Египте) заметная прослойка середняцких и даже зажиточных хозяйств. Встречались среди них, очевидно, и капиталистические фермы, о чем косвенно свидетельствует тот факт, что, по сведениям на 1974/75 г., в 4,4% хозяйств с участками до 1 га, в 4,3% хозяйств с участками от 1 до 2 га и в 4,7% хозяйств с участками от 2 до 5 га наемный труд играл основную роль в процессе производства⁷⁰. В основном это, по-видимому, были условно земледельческие хозяйства (если можно так сказать), в которых преобладало животноводство, а растениеводство имело второстепенное значение.

Но большинство собственников участков до 5 га не сводили концы с концами и наряду с хошнешинами (прослойка сельского населения, полностью лишенная земли) пополняли армию сельских наемных рабочих и отходников на заработки в город⁷¹.

Различные по имущественному и социальному положению прослойки представляла собой и группа хозяйств с участками от 5 до 10 га. Такие участки даже при выращивании богарных культур позволяли их собственникам прокормить семьи за счет эксплуатации только своих земель, а при благоприятных усло-

виях давали возможность и получать прибыль. В рассматриваемой группе преобладали середняцкие хозяйства, почти 70% из них вели хозяйство на богарных землях и занимались преимущественно возделыванием пшеницы и ячменя (в 1974/75 г. 92,7% посевов однолетних культур)⁷². Вклад середняцких хозяйств в обеспечение населения Ирана продукцией растениеводства и животноводства в целом был невелик. Тем не менее на эти хозяйства приходилось в 1972/73 г. 18,8% общего выхода товарной пшеницы⁷³.

В то же время 46,5% товарной пшеницы давали хозяйства с участками от 10 до 50 га. Это были преимущественно хозяйства зажиточных крестьян и полуобуржуазившихся либо обуржуазившихся мелких (по иранским масштабам) помещиков; они были основными поставщиками продукции растениеводства на внутренний рынок. На рассматриваемую группу в 1974/75 г. приходилось 48,7% земель под посевами пшеницы, 49% — под посевами ячменя, 24,8% — под посевами многолетних культур. Заметную роль играли названные хозяйства и в поставках на внутренний рынок продукции животноводства. В 1974/75 г. им принадлежало 28,4% поголовья овец, 19,5% — коз и 19,9% — крупного рогатого скота⁷⁴.

Около 20% товарной пшеницы производилось в 1972/73 г. в крупных хозяйствах, располагавших обрабатываемыми землями площадью 100 га и более⁷⁵. Это были в значительной части капиталистические хозяйства или хозяйства, уже в немалой степени продвинувшиеся по пути капиталистического развития. Значительный вклад крупных хозяйств в производство товарной пшеницы во многом объяснялся тем, что ее удельный вес в посевах однолетних культур (они к тому же почти на 60% осуществлялись на поливных землях) был довольно высоким и в 1972/73 г. равнялся 63%. Такой же приблизительно процент (62,3) составляли посевы пшеницы в этих хозяйствах и в 1974/75 г. Поскольку площадь под посевами пшеницы увеличилась с 1972/73 по 1974/75 г. с 542 тыс. га до 769,2 тыс. га⁷⁶, это отражало усиление процесса капиталистической концентрации обрабатываемых земель. Удельный вес крупных хозяйств в фонде обрабатываемых земель возрос с 8,7% в 1960/61 г. до 11,8% в 1972/73 г. и до 14,9% в 1974/75 г., а число хозяйств — с 4 тыс. до 7 тыс. и 9,6 тыс. (табл. 6). В 1976/77 г. в Иране было зафиксировано около 111 тыс. крупных земледельческих хозяйств⁷⁷.

Развитие процесса концентрации обрабатываемых земель в крупных хозяйствах было в значительной мере следствием ускорения темпов роста капиталистического предпринимательства, что, в свою очередь, во многом обуславливалось активной и разносторонней поддержкой государства, которое отводило капиталистическому предпринимательству ведущее место в программах модернизации растениеводства и животноводства.

Осуществление монархическим режимом аграрной реформы и сопутствовавших ей социально-экономических и социально-

культурных мероприятий сопровождалось повышением социального статуса основной массы крестьянства, облегчением его материального положения, что, в свою очередь, способствовало ослаблению противоречий между трудящимися деревни и государством, обеспечило поддержку крестьянством программы «белой революции», позволило властям весьма безболезненно преодолеть сопротивление ханов племен, полуфеодалных помещиков и других противников аграрных преобразований.

Довольно высокая социально-политическая эффективность аграрных преобразований, очевидно, в значительной степени предопределила то, что в развернувшихся в городских районах Ирана в 1978 — начале 1979 г. антиимпериалистических и антимонархических выступлениях, которые в феврале 1979 г. привели к низвержению династии Пехлеви, трудящиеся деревни в целом непосредственного участия фактически не принимали. Во всяком случае, документальные свидетельства о заметном участии крестьян в этих выступлениях отсутствуют. Нет сведений и о сколько-нибудь значительных антиправительственных выступлениях крестьян в сельских районах. В известной мере исключением было участие в революционных выступлениях крестьян отдельных районов, расположенных поблизости от крупных административных центров. Наблюдались и факты обратного порядка⁷⁸. Данные же об участии в антиимпериалистическом и антимонархическом движении отходников из деревни не представляется правомерным рассматривать как доказательство революционной активности сельских трудящихся, поскольку они фактически превратились в городских жителей.

Поэтому при освещении вопроса о роли сельского населения в развитии антиимпериалистического и антимонархического движения в Иране в 1978 — начале 1979 г. речь, очевидно, должна идти прежде всего и главным образом не о прямом участии крестьян в этом движении, а о том, какое влияние социально-экономическая эволюция деревни (со свойственными ей противоречиями) оказывала на формирование революционной ситуации в городских районах, на усиление там социальной и политической напряженности. В данной связи следует выделить два основных вопроса.

Во-первых — обострение продовольственной проблемы в середине 70-х годов, которое явилось одной из причин роста недовольства в городских районах Ирана. При этом обострение продовольственной проблемы было не столько проявлением противоречий аграрной эволюции, сколько выражением противоречий социально-экономического развития Ирана в целом в условиях форсированной капиталистической модернизации, в условиях расширения разносторонних связей страны с мировой капиталистической системой⁷⁹.

Во-вторых — рост в середине 70-х годов сельской миграции, особенно в крупные административные, промышленные, торговые и культурные центры Ирана, и прежде всего в Тегеран.

Усиление сельской миграции, хотя и в ином плане, оказывало на формирование революционной ситуации в городских районах Ирана, пожалуй, не меньшее воздействие, чем обострение проблемной проблемы.

Однако рост сельской миграции в Иране не был следствием усиления разорения крестьян в результате аграрных преобразований монархического режима, как (пренебрегая сколько-нибудь убедительными доказательствами) нередко утверждалось в выступлениях религиозных лидеров, в различных изданиях, выходивших в Исламской республике. Подобные заявления достаточно убедительно опровергаются материалами ежегодных выборочных обследований бюджетов сельских семей и другими данными о повышении общего уровня доходов и потребления населения деревни, сокращении удельного веса сельских жителей с низкими доходами⁸⁰.

После падения монархического режима и ликвидации его военно-полицейского аппарата в сельских районах Ирана наблюдалось заметное оживление классовой и политической борьбы, выступлений трудящихся за углубление аграрных преобразований, за проведение аграрной реформы, построенной на принципах «социальной справедливости», провозглашенной аятоллой Р. Хомейни и другими лидерами антимонархического и антиимпериалистического движения. Однако надежды трудящихся деревни (и прежде всего их обездоленных прослоек) на осуществление прогрессивной аграрной реформы фактически с самого начала были иллюзорными, что в значительной мере предопределялось социальным содержанием иранской революции и классовым характером установленной в ходе революции государственной власти, особенностями политического развития сегодняшнего Ирана.

В данной связи следует сказать, что наиболее распространенная в советской литературе оценка иранской революции как «антиимпериалистической и антимонархической» представляется явно недостаточной, ибо она лишь отчасти отвечает на вопрос — в интересах каких социальных слоев и классовых сил, особенно с формационной точки зрения, совершается революция. Ответить на этот вопрос, учитывая сложность и противоречивость рассматриваемого этапа революции, необычайно пестрый состав участвовавших в антиимпериалистическом и антимонархическом движении классовых и политических сил, невозможно без анализа предшествующей общественной эволюции Ирана, в первую очередь его социально-экономического и классового развития.

В 60-х — середине 70-х годов в ходе осуществления обширного комплекса общественных преобразований, серии крупных экономических программ, в том числе программы индустриализации, капитализм в Иране превратился не только в ведущий, но и системообразующий уклад. Однако ускоренное развитие капитализма, происходившее в условиях роста всесторонних

связей Ирана с империалистическими державами, в условиях сохранения монархического режима с его разбухшими и коррумпированными бюрократическим административным аппаратом и военно-полицейской машиной, сопровождалось подавлением демократических свобод, ростом имущественного и социального неравенства, обострением противоречий между вестернизовавшимися буржуазными и традиционными слоями населения, а также другими негативными явлениями. Усиление на этой почве общественного недовольства, охватывавшего постепенно основную массу городского населения, в 1978 — начале 1979 г. вылилось в бурные антиимпериалистические и антимонархические выступления, которые, как уже говорилось, в феврале 1979 г. привели к низвержению монархического режима в стране.

В условиях форсированного роста капитализма и быстрого укрепления позиций различных слоев и групп буржуазии антимонархическое и антиимпериалистическое движение в Иране (в аспекте формационного развития) можно рассматривать как заключительный этап буржуазной политической революции⁸¹. С этой точки зрения падение монархического режима и ликвидация его бюрократического аппарата, в заметной мере превратившихся в тормоз на пути капиталистического развития Ирана, — главный итог и завершение первой и начало второй фазы заключительного этапа иранской буржуазной революции. Вторая фаза (не останавливаясь здесь на ее внешних аспектах) отличается в целом размежеванием классовых и политических сил, непрекращающейся борьбой за власть между либеральными буржуазными и консервативными религиозными кругами и в немалой степени имеет консервативные черты, по сути дела, черты контрреволюции, что вытекает во многом из специфики самой революции, характера государственной власти, установленной в Иране после падения династии Пехлеви.

Одна из основных особенностей антимонархического и антиимпериалистического движения в Иране заключалась в том, что движение, призванное расчистить путь для прогрессивного развития страны, проходило под исламским флагом, под руководством шиитского духовенства. Используя свое влияние среди широких слоев городского населения и проявив недюжинные организаторские способности, оно под лозунгами упразднения антинародного монархического строя, восстановления демократических свобод, ликвидации в стране экономических и политических позиций империалистических держав, прежде всего США, улучшения материального и правового положения трудящихся и т. д. сумело добиться объединения в борьбе за свержение династии Пехлеви большинства городских слоев и политических сил самого различного направления. Ведущее место среди оппозиционного духовенства (и движения в целом) занимала группировка высшего шиитского духовенства во главе с аятоллой Р. Хомейни — непримиримым врагом династии Пехле-

ви. Представители этой группировки в общем придерживались весьма консервативных взглядов на общественное развитие и фактически отстаивали примат духовной власти над светской. Религиозным лидерам удалось добиться установления в Иране исламской республики, создание которой было одобрено на референдуме 30—31 марта 1979 г. Общественная жизнь Исламской Республики Иран, по замыслам Р. Хомейни и его приверженцев, должна была по возможности регламентироваться исламскими законами, что в значительной мере и было закреплено в принятой под их прямым давлением конституции, утвержденной на референдуме 2—3 декабря 1979 г.⁸²

Обладая фактически прерогативами верховной власти, превратив правительство и парламент, радио и телевидение в свой оплот, создав в противовес армии⁸³ мощный корпус «стражей исламской революции» и т. д., аятолла Р. Хомейни и его приверженцы к июлю 1981 г. полностью поставили под свой контроль государственный аппарат. Завершающим актом в этом направлении было смещение в июне 1981 г. с поста президента Исламской Республики Иран представителя либеральных буржуазных кругов А. Банисадра, чистка государственного аппарата от его сторонников и представителей других оппозиционных высшему духовенству группировок. Вместе с тем руководство Исламской Республики Иран подвергло жестокому разгрому прогрессивные организации, в том числе Народную партию Ирана.

Возрастали антидемократические тенденции и в политике руководства «исламского государства» в деревне. В условиях роста недовольства в сельских районах религиозно-политические лидеры с целью предотвратить антиправительственные выступления крестьян и других прослоек сельского населения все более прибегали к содействию различных органов принуждения. Ведущую роль среди них играли подразделения корпуса «стражей исламской революции» (своеобразные охранные отряды религиозно-политических лидеров Ирана), которые вкупе с подчиненными корпусу ополченскими подразделениями, создававшимися в связи с войной с Ираком, контролировали значительную часть территории страны и безжалостно подавляли малейшие проявления недовольства сельского населения деятельностью «исламского государства».

«Стражи исламской революции» выступали фактически и в качестве основных «арбитров» по урегулированию различных конфликтов между крестьянами и помещиками, в первую очередь по вопросу о земельной собственности. Число этих конфликтов, по сведениям западных обозревателей, было очень велико. При этом заметную роль в развязывании конфликтов, особенно на начальной стадии существования исламской республики, играли сами религиозно-политические лидеры Ирана, которые, стремясь к укреплению своей власти, неустанно обращались к народу с лозунгами о «восстановлении социальной

справедливости», разделе земель между обездоленными жителями деревни и т. д. Под влиянием этих и подобных призывов крестьяне в условиях ослабления центральной власти после падения династии Пехлеви, не дожидаясь осуществления общанной аграрной реформы, явочным порядком в ряде районов начали захватывать земли помещиков. Такие захваты продолжались и в дальнейшем, причем они нередко получали поддержку представителей левого крыла духовенства. В свою очередь, помещики, используя официальное осуждение религиозно-политическими лидерами Ирана «шахской аграрной реформы», нередко предпринимали попытки вернуть отобранные у них земли. На первых порах возникавшие на почве обоюдного захвата земель конфликты протекали стихийно. Но с укреплением центральной власти в них стали активно вмешиваться «стражи исламской революции», которые зачастую выступали на стороне помещиков. Вожakov крестьян нередко подвергали аресту, а иногда даже казнили⁸⁴.

Особенно заметный размах борьба крестьян за землю приобрела в ряде районов расселения национальных меньшинств, прежде всего в тех, где значительная часть обрабатываемых площадей находилась в руках представителей иноэтнических групп населения. Так, в районах расселения туркмен, в первую очередь в Горгане, после падения династии Пехлеви весьма широкие масштабы приобрели захваты крестьянами-туркменами земель бежавших оттуда помещиков-персов — приверженцев монархического режима. Попытки «стражей исламской революции» прекратить «самовольные захваты», официально осужденные религиозно-политическим руководством исламской республики, нередко вызывали вооруженное сопротивление туркмен. Случаи захвата земель помещиков крестьянами наблюдались в других национальных областях, в частности в районах расселения курдов, белуджей, арабов.

По оценке иранской прессы, общая площадь земель, перешедших крестьянам в период исламской республики различными «незаконными путями», составляла приблизительно 630 тыс. га. В соответствии с законопроектом, одобренным 19 мая 1985 г. меджлисом, значительную часть этих «спорных земель», которые неоднократно становились объектом довольно серьезных конфликтов, предусматривается юридически закрепить за крестьянами; принимавшими меры к повышению плодородия этих земель и тем самым способствовавшими решению продовольственной проблемы⁸⁵.

Вместе с тем в национальных районах, особенно в зонах кочевых и полукочевых племен, зачастую наблюдалась обратная картина — захват обрабатываемых земель помещиками и вождями племен. В отдельных районах прослеживался и массовый захват пастбищ представителями родовой знати. Это находилось в тесной связи с оживлением феодально-племенных сил, или трибализма, что, в свою очередь, во многом обуславлива-

лось развалом после свержения монархического режима государственного аппарата в большинстве национальных областей.

Ханы, опираясь на вооруженные отряды из своих сородичей, присваивали функции государственной власти в зонах племен и оказывали прямое противодействие «стражам исламской революции» в их попытках подавить самостоятельность племенной знати⁸⁶. Предпринимавшиеся на заре существования исламской республики попытки вооруженного подчинения племен продолжались и в дальнейшем, однако постепенно они заменялись мерами, направленными на разрешение противоречий между племенами и государством мирными средствами, на использование вооруженных отрядов племен в качестве дополнительных сил по охране и принуждению⁸⁷.

В целом по стране в сельских районах, особенно среди трудящихся деревни, возрастало открытое и скрытое недовольство руководством исламской республики. Расширение мероприятий по укреплению сельского хозяйства, по развитию в деревне служб социально-экономического и социально-культурного обеспечения сглаживало противоречия между государством и крестьянами, однако, как отмечал Э. Хугланд, перевешивали негативные явления, привнесенные в социально-экономическую жизнь деревни с приходом к власти в Иране консервативного шиитского духовенства во главе с Р. Хомейни⁸⁸. Эти негативные явления выражались в общем ухудшении материального положения трудящихся деревни, в усилении капиталистических и антидемократических тенденций в аграрной политике государства, в бесчинствах в сельских районах «стражей исламской революции» и т. д.

По словам западных обозревателей, основанным на опросах населения в ряде сельских районов Ирана, крестьяне, считавшие себя «хорошими мусульманами», нередко весьма неприязненно относились к установленному в Иране «клерикальному режиму»⁸⁹. Напомним и о довольно широком недовольстве крестьян в ряде национальных областей, прежде всего в областях с преобладанием суннитского населения и особенно в районах расселения курдов, где трудящиеся деревни принимали активное участие в борьбе за административную и культурную автономию. Прослеживался и рост недовольства в связи с затянувшейся войной с Ираком. По мнению западных обозревателей, в иранской деревне отчетливо проявилась тенденция к ослаблению влияния религиозно-политических лидеров Ирана⁹⁰.

Рост недовольства крестьян новым режимом в немалой степени, очевидно, объясняется и тем, что осуществление аграрной реформы, призванной, по словам руководства исламской республики, «восстановить погрязшие монархическим режимом права крестьян», не вызывало сколько-нибудь заметных изменений в положении основной массы трудящихся деревни. Прямые и косвенные данные (хотя обычно весьма отрывочные) об отдельных аспектах и сторонах аграрной эволюции позволяют утверж-

дать, что социально-экономическое развитие иранской деревни в период исламской республики протекало в целом в рамках сложившейся в середине 70-х годов структуры землевладения и землепользования⁹¹.

Отсутствие систематизированных статистических данных и других фундаментальных материалов по вопросам развития землевладения и землепользования в Иране не позволяет получить обстоятельное представление об изменениях в социально-экономическом строе иранской деревни в период исламской республики. Однако следует отметить, что при общем сокращении фонда обрабатываемых земель произошло (в отличие от предшествующего периода) ощутимое расширение числа полупролетарских и бедняцких хозяйств с участками до 5 га. Это видно при сопоставлении материалов сельскохозяйственной переписи 1974/75 г. о структуре землепользования с отдельными аналогичными показателями за 1982/83 г., опубликованными статистическими органами исламской республики. Число хозяйств с участками до 5 га с 1974/75 по 1982/83 г. увеличилось с 1598,1 тыс. (64,6% всех земледельческих хозяйств) до 1893,3 тыс. (71,3%), или на 18,5%⁹². Правда, в показатели за 1982/83 г. не включены данные по «воюющим провинциям» — Курдистану и Западному Азербайджану, что, естественно, уменьшало масштабы расширения полупролетарских и бедняцких хозяйств в республиканский период.

Такой рост численности полупролетарских и бедняцких хозяйств в первые три года после революции (он происходил в условиях ослабления материальной помощи государства развитию сельскохозяйственного производства) — свидетельство усиления имущественной и социальной дифференциации земледельческого населения, обнищания и разорения крестьян. В прямой связи с этим надо также сказать о непрекращавшейся миграции крестьян в городские центры, что сопровождалось расширением площади «заброшенных» и сокращением фонда обрабатываемых земель⁹³.

В то же время в сельскохозяйственном производстве Ирана в 1979 — начале 1980 г. прослеживалось заметное сокращение зоны крупного капиталистического предпринимательства, что было во многом следствием конфискации и распределения земель, принадлежавших семье шаха и противникам нового режима вообще, сужения сферы деятельности агропромышленных комплексов, и прежде всего созданных с участием западных монополий агропромышленных комплексов в районе Дизфуля (Хузестан).

Но в дальнейшем, судя прежде всего по социально-экономическому содержанию основных аграрных мероприятий исламской республики и по их предварительным итогам, даже угроза ограничения землевладения крупных частных хозяйств и дальнейшего сокращения зоны капиталистического предпринимательства постепенно была, по сути дела, сведена к минимуму.

Скорее, пожалуй, можно говорить об обратных тенденциях. Это наглядно прослеживается на примере разработки, трансформации и осуществления различных программ аграрной реформы в исламской республике и особенно проектов перераспределения обрабатываемых площадей.

Принятый 15 апреля 1980 г. Исламским революционным советом закон об аграрной реформе предусматривал передачу во временное и постоянное пользование безземельным и малоземельным крестьянам, выпускникам сельскохозяйственных учебных заведений и иным заинтересованным лицам разного рода государственных земель, «излишков» залежных и обрабатываемых земель богатых собственников. Максимум землевладения устанавливался в размере, который в три раза превосходил площадь среднего земледельческого хозяйства для того или иного района. Площади механизированных хозяйств и животноводческих ферм, а также под садовыми посадками не подлежали ограничению. Таким образом, крупные хозяйства, которые в большинстве относились к числу механизированных, фактически исключались из сферы действия статей о перераспределении частных земель.

Осуществление закона от 15 апреля 1980 г., как и предшествующих аграрных программ, сводилось главным образом к распределению между крестьянами государственных земель и отчасти земель, принадлежавших частным лицам — противникам режима.

В целом, по официальным данным, в 1980/81—1983/84 гг. крестьяне и другие заинтересованные лица в соответствии с названными аграрными программами получили в постоянное пользование 571 тыс. га, а во временное пользование — 792 тыс. га⁹⁴. Попытки ограничения частного землевладения из-за серьезного сопротивления не только состоятельных прослоек сельского населения, но и представителей либерального крыла в коалиционном руководстве Исламской республики были приостановлены в ноябре 1980 г. по личному указанию аятоллы Р. Хомейни⁹⁵.

Неудачи попыток ограничения частного землевладения привели к тому, что проведение аграрной реформы не внесло существенных изменений в социально-экономический строй иранской деревни.

Невзирая на сужение на первых порах зоны крупного капиталистического предпринимательства, аграрный строй Ирана не утратил капиталистических потенций. Более того, с осуществлением закона об аграрной реформе, который фактически ставил капиталистическое предпринимательство в растениеводстве и животноводстве под защиту юридических органов исламской республики, наблюдалось постепенное укрепление этих потенций. Особенно примечательным было то, что признаки «возрождения» капиталистического предпринимательства прослеживались в иранской деревне и после смещения в июне 1981 г.

с поста президента лидера либеральных буржуазных кругов А. Банисадра и устранения из административного аппарата его приверженцев, когда духовенство, казалось бы, получило возможность осуществить обещанное широкое наступление на крупное землевладение и перераспределение обрабатываемых площадей в пользу обездоленных жителей деревни.

Однако ничего подобного не произошло. И это предопределялось прежде всего повышением заинтересованности руководства исламской республики в развитии хозяйств, способных быстро и при минимальной помощи государства (которое в связи с длительной войной с Ираком и по ряду иных причин испытывало острую нехватку средств) добиться ускорения темпов роста растениеводства и животноводства, значительного увеличения выхода продовольственной продукции и ее поставок в городские районы — политические центры страны. Усиление внимания к продовольственной проблеме, решению которой все более подчинялась аграрная политика правительства, во многом диктовалось ростом с конца 1980 г. народных выступлений в крупных городских центрах и стремлением религиозных лидеров предотвратить в связи с этим укрепление массовой базы противников режима.

Серьезное влияние на аграрную политику правительства исламской республики оказывали, по-видимому, и опасения религиозных лидеров возбудить оппозиционные настроения в деревне, что нанесло бы ощутимый удар по находившейся у власти группировке духовенства.

И наконец, изменения в аграрной политике исламской республики (как и в ее социально-экономической политике вообще) были, очевидно, в немалой степени следствием буржуазной трансформации самой правящей группировки, усиления в ее рядах весьма мощной прослойки сторонников капиталистического развития, а также фактически примыкавших к ним противников радикальных преобразований из числа представителей традиционного духовенства.

Одобренный меджлисом 2 марта 1982 г. закон об аграрной реформе по характеру и основным положениям мало чем отличался от закона, утвержденного Исламским революционным советом 15 апреля 1980 г. Тем не менее в новом законе гораздо отчетливее, чем в старом, прослеживалось стремление к стимулированию интенсификации производства, более эффективной эксплуатации обрабатываемых земель, расширению возделывания залежных и других пустующих земель⁹⁶. Именно выполнению этих задач, направленных прежде всего на создание предпосылок для ускорения роста сельскохозяйственного производства и особенно его продовольственных отраслей, были в значительной степени подчинены намеченные законом от 2 марта 1982 г. мероприятия, в том числе и по упорядочению землевладения и землепользования. Это наглядно прослеживается при анализе статей нового закона, касающихся перераспределения

частных сельскохозяйственных угодий и особенно обрабатываемых площадей.

В соответствии с новым законом максимум землевладения устанавливался в размере, в три раза превышающем площадь «жизнеспособного участка», т. е. участка, который при обычном для той или иной местности наборе культур обеспечивает собственнику ежедневный доход, равный (за вычетом издержек производства) ежедневному доходу среднего городского рабочего (приблизительно 100 туманов). Максимум землевладения, однако, вводился фактически только для хозяйств, которые велись традиционными методами. Площади механизированных земледельческих хозяйств и животноводческих ферм ограничению не подлежали.

В результате под действие статей о максимуме землевладения не подпала фактически подавляющая часть крупных хозяйств, располагавших обрабатываемыми землями в 100 га и более и возделывавших их преимущественно механизированным способом. Напомним, что еще в 1974/75 г., по данным сельскохозяйственной переписи (ее материалы до сих пор служат основным источником для анализа структуры и социально-экономического содержания землепользования и землевладения в современной иранской деревне), в крупных хозяйствах, которым принадлежало 14,9% фонда обрабатываемых земель, вспашка при помощи тракторов проводилась на 94,4% посевных площадей. К механизированной вспашке в 1974/75 г. прибегало 95,8% крупных земледельческих хозяйств⁹⁷.

Отчуждение в известной степени грозило лишь хозяйствам средних и мелких помещиков. Здесь, если придерживаться иранской классификации, речь шла о хозяйствах с участками от 50 до 100 га (они в 1974/75 г. концентрировали 6,5% фонда обрабатываемых земель) и о верхних прослойках группы хозяйств с участками от 10 до 50 га (на нее приходилось 45,7% возделываемых площадей). В первой группе хозяйств вспашка с применением тракторов осуществлялась в 1974/75 г. на 85,4%, во второй группе — на 64,7% посевных площадей, причем прежде всего на полях мелких помещиков. Таким образом, в соответствии с новым законом меч отчуждения оказывался занесенным лишь над довольно незначительным числом имений средних и мелких помещиков. Но и этим помещикам во многом фактически предоставлялись возможности не допустить ограничения имений, если они в соответствии с духом нового закона предпримут энергичные шаги по модернизации хозяйств и повышению выхода продукции. К тому же на переустройство и совершенствование хозяйств им выделялось немалое время. Ведь в новом законе к ограничению частных обрабатываемых земель богатых собственников, которые вели хозяйство без применения машин, предусматривалось приступить лишь после того, как будут исчерпаны ресурсы залежных и пустующих земель государства и частного сектора.

Таким образом, богатым собственникам, учитывая их влияние в деревне и местных органах власти, фактически предоставлялись широкие возможности для сохранения владений в неприкосновенном виде. Правда, при этом они должны проявлять лояльность в отношении религиозных властей, ибо закон гласит, что право на владение устанавливается в соответствии с шариатом и является, по сути дела, прерогативой духовенства.

Оценивая перспективы мероприятий по ограничению частного землевладения в исламской республике, не следует также забывать, что они встречали упорное сопротивление сельской верхушки.

Все это со значительной долей уверенности позволяет утверждать, что кампания по перераспределению обрабатываемых и других земель, как и ранее, сводится главным образом к передаче во временное или постоянное пользование крестьянам и иным заинтересованным лицам государственных земель и земель, принадлежащих частным лицам — противникам режима.

Основной смысл мероприятий по «ограничению» частного землевладения заключался, очевидно, в стремлении побудить помещиков и зажиточных крестьян к модернизации производства и на этой базе к повышению выхода сельскохозяйственной продукции.

Такими же мотивами были во многом проникнуты и статьи закона, регламентирующие порядок наделения участками крестьян и прочих лиц. Земли государства и «излишки» земель богатых собственников намечалось передавать во временное пользование на пять лет. И только по истечении этого срока, причем лишь в том случае, если временные собственники сумеют добиться успехов в развитии производства, предусматривалось передавать предоставленные в их распоряжение участки в постоянное пользование.

Аграрная реформа исламской республики по характеру и социально-экономическому содержанию в значительной степени перекликается и во многом является продолжением буржуазной аграрной реформы 60-х — первой половины 70-х годов, хотя эта последняя, особенно на начальной стадии существования исламской республики, подвергалась всяческому поруганию. Тем не менее осуществление одобренного меджлисом нового закона об аграрной реформе было фактически заморожено руководством исламской республики.

Такова в принципе и оценка аграрной политики исламской республики в целом. Она фактически также направлена на параллельное развитие объединенных в кооперативы крестьянских мелкотоварных хозяйств и капиталистического предпринимательства в его различных формах. При этом, если судить по делам, а не по словам, трудно сказать, какому из названных путей отдается предпочтение в исламской республике.

Подводя итоги анализа воздействия аграрных реформ на социально-экономическую эволюцию сельских районов ряда

стран Ближнего и Среднего Востока, следует прежде всего отметить, что с осуществлением преобразований, подрывающих основы традиционных (докапиталистических) отношений, деревня стран региона в 70-х — первой половине 80-х годов довольно далеко продвинулась по пути развития капиталистического и мелкотоварного производства. Здесь, естественно, речь идет в первую очередь о крупных странах капиталистической ориентации — Египте, Иране и Турции. Тем не менее в земледельческих хозяйствах названных стран в значительной мере сохраняются традиционные виды эксплуатации крестьян, что особенно характерно для сельских районов восточной Турции, хотя в целом она намного обогнала Египет и Иран в развитии капиталистического предпринимательства в деревне. Такое (казалось бы, парадоксальное) положение объясняется в значительной степени тем, что аграрная реформа и особенно мероприятия по перераспределению фонда обрабатываемых земель почти не затрагивали в Турции частного землевладения, а в развитии капиталистического предпринимательства в турецкой деревне ведущую роль играла трансформация полуфеодального помещичьего хозяйства в капиталистическое.

Глава II

КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ

В развернувшемся в 60-х — первой половине 80-х годов в деревне освободившихся стран мира, в том числе и стран Ближнего и Среднего Востока, под эгидой государства кооперативном движении довольно отчетливо прослеживались три основных этапа, которые отражали прежде всего объективные тенденции к последовательной смене «лидеров» в сельской кооперативной структуре, к постепенной смене низших форм коллективных обществ их высшими формами. Это, в свою очередь, отражало, с одной стороны, сдвиги в аграрной эволюции, особенно в развитии мелкотоварных хозяйств и капиталистического предпринимательства, а с другой — изменения в аграрной политике, ее общественной ориентации. Естественно, речь идет прежде всего об объективных тенденциях, свойственных кооперативному движению в освободившихся странах. Эти тенденции, учитывая в первую очередь чрезвычайно важную роль государства в социально-экономической жизни деревни освободившихся стран, в более или менее «чистом виде» пробивают себе дорогу лишь в отдельных странах.

Первый этап — этап зарождения и становления кооперативного движения в деревне стран Ближнего и Среднего Востока. Он характеризуется преимущественным развитием сельских кредитных обществ с весьма ограниченными функциями, а именно обеспечения нужд членов кооператива в денежных ссудах, предназначенных прежде всего для ослабления усиливавшейся с ростом товарных отношений в деревне торгово-ростовщической эксплуатации крестьян. Сфера деятельности кредитных обществ, как правило, была довольно узкой и распространялась на сравнительно незначительную прослойку мелкотоварных хозяйств — крестьян-собственников, главным образом на их зажиточные и средние по имущественному положению группы. Первый этап кооперативного движения гораздо ранее начался и наиболее отчетливо проявился в сельских районах Турции и Египта, т. е. в странах с более высоким уровнем социально-экономического развития, более быстрым ростом мелкотоварного производства и капиталистического предпринимательства в деревне. Первый этап кооперативного движения в целом в дерев-

не стран Ближнего и Среднего Востока выпадает из рамок настоящего исследования, поскольку в большинстве стран региона он приходится на период до аграрных преобразований.

Начало второго этапа кооперативного движения совпадает с началом осуществления аграрных реформ и иных социально-экономических преобразований в деревне. В странах Ближнего и Среднего Востока они послужили базой для массового развития многоцелевых кооперативных обществ, призванных прежде всего удовлетворять нужды формировавшихся в ходе аграрных реформ мелкотоварных хозяйств крестьян-собственников в денежных ссудах, в промышленных изделиях производственного и потребительского назначения, облегчать реализацию сельскохозяйственной и животноводческой продукции. Наряду с этими основными функциями многоцелевые кооперативы в сельских районах Ближнего и Среднего Востока принимают участие в закупочных операциях различных государственных экономических учреждений, в осуществлении проектов «зеленой революции» и других мероприятиях правительства. При этом нередко многоцелевые общества превращаются в весьма мощное дополнительное орудие государства по эксплуатации трудящихся деревни, что особенно отчетливо проявлялось в Египте.

Третий этап кооперативного движения, предусматривающий выдвижение на передовые позиции в сельской кооперативной структуре исторически прогрессивных производственных коллективных обществ, в деревне большинства освободившихся стран, в том числе стран Ближнего и Среднего Востока, фактически еще не наступил. Во всяком случае, это полностью относится к сельским районам стран капиталистического развития, где коллективные хозяйства не получили сколько-нибудь заметного распространения. Между тем даже производственные общества низших типов, предполагающие лишь совместное ведение трудовых операций, обеспечивают благоприятные предпосылки для расширения производительной занятости, роста производства и повышения доходов крестьян и наемных рабочих. Таким образом, производственные кооперативы как нельзя лучше отвечают интересам стратегии, разработанной ООН для освободившихся стран на основе предложений демократических сил. Эта стратегия, предусматривающая органическое сочетание экономических и социальных целей развития, в той или иной степени была взята на вооружение в освободившихся странах, в первую очередь в странах социалистической ориентации, где проекты создания производственных кооперативов и государственных хозяйств наряду с радикальными аграрными реформами занимают ведущее место в аграрных программах. Однако пока лишь отдельные страны рассматриваемой группы добились заметных успехов в преимущественном развитии коллективных и общественных хозяйств.

Наряду с тремя основными типами коллективных обществ (кредитными, многоцелевыми и производственными) в деревне

стран Ближнего и Среднего Востока в зависимости от особенностей и уровня социально-экономического развития сельских районов, географических условий и т. д. организуются разного рода специализированные кооперативы — животноводческие, по освоению засушливых земель, сбытовые и т. д.

Кооперирование крестьян, которое обычно проходило по инициативе и под контролем государства, получило в странах Ближнего и Среднего Востока довольно широкое распространение. При этом прослеживалась весьма тесная зависимость темпов и масштабов кооперирования от темпов и масштабов проведения аграрных реформ. Особенно активный характер мероприятия государства по вовлечению крестьян и иных трудящихся деревни в кооперативы (главным образом в многоцелевые общества) приобрели в Иране и Египте. Интенсивный рост кооперативов в сельских районах этих стран свидетельствует, что они превращаются в основное звено в системе регулирующего и стимулирующего воздействия государства (прежде всего через сферу обращения) на развитие мелкотоварного производства в деревне. Споспосбствуя через кооперативы укреплению мелкотоварного производства, государство в то же время через них и посредством проведения ряда других мероприятий объективно ограничивает, по словам В. Г. Растяникова, «открывающиеся в ходе ликвидации докапиталистической эксплуататорской собственности» предпосылки для «обособления» мелкотоварного производства в «самостоятельный мелкотоварный уклад». Возникает «тенденция к переходу мелкотоварного производства с естественных путей разложения на рельсы интеграции с государственной собственностью»¹.

В странах капиталистической ориентации развитие этого процесса означает расширение общественной собственности, которая, однако, выступает в качестве подчиненного элемента по отношению к частной собственности. В Иране и Египте, учитывая активное вмешательство государства в сельскохозяйственную жизнь как в сфере обращения, так и в области производства, осуществление весьма радикальных аграрных реформ, быстрый рост кооперативов и проведение различных мероприятий, направленных на укрепление позиции мелкотоварного производства в рамках кооперативов, названный процесс получил значительное развитие. Правда, в Египте и особенно в Иране наряду с мероприятиями, стимулировавшими рост мелкотоварного производства и в известной мере препятствовавшими его перерастанию в капиталистическое, предпринимались довольно энергичные шаги по развитию капиталистического предпринимательства, что в значительной степени снижало социально-экономическое значение рассматриваемых мероприятий. Тем не менее в Египте и Иране в сопоставлении с Турцией, где капиталистическое предпринимательство в сельскохозяйственном производстве получило широкий размах и где государство не шло на сколько-нибудь существенное перераспределение частных зе-

Таблица 7

Кредитные операции многоцелевых кооперативов
в иранской деревне в 1962/63—1983/84 гг. *

Год	Число членов кооперативов, тыс.	Ссуды			Охват ссудами членов кооперативов, %
		число выданных ссуд, тыс.	всего, млн. риалов	средний размер одной ссуды, риалов	
1962/63	403,9	71,0	211,0	2 972	17,6
1970/71	1606,1	901,7	6 314,0	7 005	56,2
1971/72	1854,0	876,0	6 812,0	7 776	47,2
1972/73	2065,2	1173,9	10 070,9	8 579	56,4
1973/74	2263,0	1250,9	12 342,4	9 891	55,3
1974/75	2487,9	1646,0	19 744,1	11 995	66,2
1975/76	2685,1	1770,6	24 723,0	13 963	65,9
1976/77	2868,3	1522,3	28 325,9	18 607	53,1
1977/78	2983,5	1414,2	30 109,0	21 293	47,4
1978/79**	3021,0	752,4	20 216,5	26 869	24,9
1979/80	3135,0	1207,6	36 595,0	30 304	38,5
1980/81	3275,0	1094,5	44 790,5	4092,3	33,4
1981/82	3405,0	1098,6	51 820,2	47 169	32,3
1982/83	3616,0	1100,0	55 965,1	50 877	30,4
1983/84	3839,0	1176,0	71 865,0	61 110	30,6

* Составлено и подсчитано по: Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1353 (1974/75). Техран, 1976, с. 223, 374—376; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2536 (1977/78). Техран, 1978, с. 239—240, 289; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1359 (1980/81). Техран, 1982, с. 542; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1360 (1981/82). Техран, 1983, с. 296—298; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1361 (1982/83). Техран, 1984, с. 308—309, 578; Иран дар аннэ-йе амар. Техран, 1985, с. 143.

** За первые семь месяцев.

мель, развитие в деревне мелкотоварного производства в рамках кооперативов имеет гораздо более благоприятные перспективы. Важным доводом для такого утверждения служат данные о быстром росте и крупных масштабах вовлечения крестьян в многоцелевые кооперативы, а также материалы о расширении их кредитной, снабженческой, сбытовой и иной деятельности в сельских районах Ирана и Египта.

В Иране в период осуществления монархическим режимом аграрной реформы число членов многоцелевых обществ с 403,9 тыс. человек (12,4% из 3261 тыс. занятых в сельскохозяйственном производстве) в 1962/63 г. увеличилось до 2065,2 тыс. человек (58,4% из 3535 тыс.) в 1972/73 г. и 2868,3 тыс. человек (83,1% из 3451 тыс.) в 1976/77 г. В 1977/78 г. в иранской деревне было зарегистрировано 2925 кооперативов в составе 2983,5 тыс. человек².

Параллельно с ростом объединения сельских трудящихся в многоцелевых обществах увеличивался объем материальной помощи государства мелкотоварному производству в деревне че-

рез многоцелевые общества. Это проявлялось прежде всего в расширении их кредитных операций — основной формы деятельности, которая осуществлялась в Иране преимущественно за счет займов Сельскохозяйственного банка³. Если в 1962/63 г. многоцелевые кооперативы в иранской деревне предоставили ссуды на сумму 211 млн. риалов, то в 1971/72 г. — 6812 млн. риалов, в 1976/77 г. — 28 326 млн. риалов, в 1977/78 г. — 30 109 млн. риалов (табл. 7).

Несмотря на довольно быстрое расширение кредитных операций, многоцелевые кооперативы в иранской деревне не удовлетворяли нужд своих членов даже в краткосрочных ссудах. В 1973/74—1977/78 гг. в среднем их получило лишь около 58% членов кооперативов. Средний размер краткосрочных ссуд вплоть до 1974/75 г. не поднимался даже до 10 тыс. риалов — официального уровня, установленного еще в декабре 1963 г. Только в 1974/75 г. средний размер краткосрочных ссуд достиг 12 тыс. риалов и превысил этот уровень. Однако он к тому времени был пересмотрен и составлял уже 30 тыс. риалов. Исходя из этой оценки, в 1974/75 г. 66,2% хозяйств — членов кооперативов покрывали за счет ссуд кооперативов 40% нужд в краткосрочном кредите, в 1975/76 г. 65,9% хозяйств — 46,5%, в 1976/77 г. 53,1% хозяйств — 62%, в 1977/78 г. 47,4% хозяйств — 71% нужд в краткосрочном кредите⁴. Однако следует иметь в виду, что в связи с ростом инфляции минимальный размер краткосрочных ссуд к 1978/79 г. должен был бы составить не менее 50 тыс. риалов. В таких условиях ссуды кооперативов по-прежнему использовались в основном не на развитие производства, а на ликвидацию дефицита в потребительских затратах крестьянских семей. Косвенно об этом свидетельствует то, что основную массу займов многоцелевых обществ составляли сезонные ссуды, предназначенные прежде всего на удовлетворение текущих потребительских расходов. В 1972/73 г. на эти ссуды приходилось 84,4% общей суммы займов кооперативов, в 1973/74 г. — 85,1%, в 1974/75 г. — 68,9%, в 1975/76 г. — 71,8%, в 1976/77 г. — 81,9%, в 1977/78 г. — 92,1%, в 1978/79 г. — 90,5%. В то же время ссуды на приобретение машин и оборудования обычно не превышали 1% общей суммы займов кооперативов⁵.

Такое использование денежных ссуд кооперативов, принимая во внимание, что эти ссуды получала в первую очередь зажиточная крестьянская верхушка, не оказывало серьезного влияния на решение проблемы накопления в большинстве мелких хозяйств, а являлось прежде всего средством сохранения материальной и социальной устойчивости этих хозяйств, которые, хотя и в новом социальном обличье, по-прежнему преобладали в иранской деревне. В 70-х годах наряду с расширением кредитных операций кооперативов прослеживался и заметный рост их снабженческо-сбытовой деятельности, которая не получила сколько-нибудь значительного распространения в 60-х годах⁶.

Росту операций кооперативов по обеспечению крестьянских

хозяйств товарами производственного назначения (и прежде всего минеральными удобрениями и сортовыми семенами) способствовало осуществление государством с помощью кооперативов проектов «зеленой революции». В 1975/76 г. эти проекты реализовались на 1450 тыс. га (в том числе 687 тыс. га под посевами пшеницы и 265,1 тыс. га под посевами риса), а в 1977/78 г. — на площади около 1800 тыс. га⁷. Крестьянским хозяйствам, участвовавшим в осуществлении этих проектов, минеральные удобрения предоставлялись со скидкой в 20%, сортовые семена — со скидкой в 50%. Им выдавались поощрительные премии, дополнительные ссуды. Так, в 1975/76 г. кооперативы для осуществления проектов «зеленой революции» на землях под посевами пшеницы предоставили крестьянским хозяйствам ссуды на сумму 431,7 млн. риалов, в 1976/77 г. — 585,1 млн. риалов, на землях под посевами риса — 277,3 млн. риалов и 223,0 млн. риалов, на землях под посевами ячменя и кормовых культур — 29,2 млн. риалов и 17,8 млн. риалов, на землях под хлопчатником — 176,1 млн. риалов и 123,6 млн. риалов⁸.

Рост кредитной и снабженческо-сбытовой деятельности многоцелевых и иных типов сельскохозяйственных кооперативов⁹ вызвал значительное сужение оферы торгово-ростовщической эксплуатации крестьян. Тем не менее торгово-ростовщическая буржуазия в иранской деревне сохраняла еще довольно прочные позиции, что оказывало отрицательное воздействие на материальное положение крестьян и развитие сельскохозяйственного производства.

По данным выборочной переписи 1968 г., в сельских районах наблюдалось широкое распространение покупки урожая на корню и иных форм торгово-ростовщической эксплуатации крестьян. За счет неорганизованного кредита в 1968 г. в Касре-Ширине свои потребности в ссудах удовлетворяли 43,5% жителей деревни, Сенендедже — 43%, Гольпайегане — 43%, Гармсере — 58,5%, Сари — 52%, Хамадане — 44%¹⁰. Проценты по торгово-ростовщическим займам обычно колебались в пределах от 20 до 40. Выплата таких высоких процентов, как подчеркивалось в иранской печати, зачастую поглощала всю прибыль крестьянских хозяйств и фактически лишала их возможности вкладывать средства в развитие производства¹¹. В связи с этим правительство для ослабления зависимости крестьянских хозяйств от торгово-ростовщического капитала предусматривало предоставление им в 1973/74—1977/78 гг. льготных займов на общую сумму 3 млрд. риалов¹². В то же время в целях борьбы с практикой продажи крестьянскими хозяйствами урожая на корню им по линии кооперативов было выделено в 1973/74 г. 8,9 млн. риалов, в 1974/75 г. — 455,4 млн.; в 1975/76 г. — 617,2 млн., в 1976/77 г. — 107,9 млн. риалов¹³. Предпринимались и другие меры, призванные подорвать позиции торгово-ростовщической буржуазии в иранской деревне.

Однако ни расширение в конце 60-х — середине 70-х годов

операций сельских кооперативов и деятельности финансовых и иных экономических учреждений государства в деревне, ни усиление борьбы с разного рода посредниками не устранили торгово-ростовщическую эксплуатацию трудящихся иранской деревни. Как говорилось в опубликованном в конце 1977 г. отчете государственной инспекции, крестьянские хозяйства из-за недостаточного развития организованного кредита зачастую по-прежнему были вынуждены обращаться к авансированной продаже урожая по низким ценам или прибегать к торгово-ростовщическим ссудам, которые выдавались порой из расчета 100% годовых. В отчете указывалось на необходимость выделения крупных дополнительных ассигнований для ликвидации этих негативных явлений¹⁴.

Следует подчеркнуть, что значительное участие в торгово-ростовщической эксплуатации трудящихся иранской деревни принимали представители крестьянской верхушки, которые (не без поддержки местных властей) захватили господствующие позиции в большинстве многоцелевых обществ. В известной мере именно поэтому кооперативы в иранской деревне не превратились в достаточно эффективный источник материальной помощи, способный обеспечить радикальные сдвиги в материальном положении основной массы сельскохозяйственного населения и его широкое вовлечение в процесс общественного воспроизводства. Тем не менее установление довольно строгого государственного контроля над деятельностью кооперативов и проведение мероприятий по укреплению позиций мелкотоварного производства в рамках кооперативов, оказывали сдерживающее воздействие на социальное расслоение крестьянства.

Активная деятельность государства по кооперированию крестьянских хозяйств, по оказанию мелкотоварному производству через коллективные общества материальной помощи продолжалась и после падения монархии. В 1979/80 г. в иранской деревне было зарегистрировано 2964 многоцелевых общества с 3135 тыс. членов, в 1980/81 г. — 2989 с 3275 тыс. членов, в 1981/82 г. — 3032 с 3405 тыс. членов, в 1982/83 г. — 3058 с 3616 тыс. членов, в 1983/84 г. — 3084 с 3839 тыс. членов¹⁵. В декабре 1984 г. в иранской деревне было зафиксировано 3099 кооперативов с числом членов 3904 тыс.¹⁶. Кооперативы объединяли подавляющую часть крестьянских хозяйств.

Несмотря на заметный рост вовлечения крестьянских хозяйств в многоцелевые кооперативы, сократились абсолютное число и удельный вес хозяйств, получавших материальную государственную помощь через коллективные общества. Это проявилось, в частности, в предоставлении кооперативами денежных ссуд: в 1979/80 г. их получили 38,5% членов многоцелевых обществ, в 1980/81 г. — 33,4%, в 1981/82 г. — 32,3%, в 1982/83 г. — 30,4%, в 1983/84 г. — 30,6% (табл. 7). К тому же подавляющее большинство займов кооперативов составляли сезонные ссуды — в 1979/80 г. на них приходилось 96,2% всей суммы займов

многоцелевых обществ, в 1980/81 г.— 97,3%, в 1981/82 г.— 97,0%, в 1982/83 г.— 96,8%, в 1983/84 г.— 98,6¹⁷. Уменьшалась доля кооперативов в кредитах Сельскохозяйственного банка¹⁸, что отражало отчасти рост прокапиталистических тенденций в аграрной политике религиозного руководства Ирана; прослеживался рост обращения крестьянских хозяйств за займами к представителям торгово-ростовщической буржуазии¹⁹.

Широкие масштабы государственные мероприятия по кооперированию крестьян приобрели и в Египте в период президентства Г. А. Насера. Это обуславливалось прежде всего осуществлением весьма радикальной аграрной реформы, огромным вниманием, которое уделяло правительство Г. А. Насера объединению крестьян в разного рода коллективные общества в связи с его попытками превратить мелкие хозяйства, преобладавшие в египетской деревне, в важную опору сельскохозяйственного прогресса. Число коллективных обществ в египетской деревне с 1727 в 1952 г. увеличилось до 4839 в 1965 г. и 5049 в 1970 г., а их членов — с 498,7 тыс. до 2369 тыс. и 2830 тыс. В 1973 г. в египетской деревне насчитывалось 5076 кооперативов в составе 3253 тыс. членов. Коллективные общества охватывали около 80% занятых в растениеводстве и животноводстве²⁰.

В дальнейшем, в первую очередь в связи с усилением в аграрной политике А. Садата прокапиталистических тенденций, государственные мероприятия по кооперированию крестьян значительно сокращались. В 1980 г. число сельскохозяйственных кооперативов составило 5169 (включая 211 специализированных животноводческих, торговых и других, развитие которых несколько ускорилось с середины 70-х годов)²¹. В 1982 г. в египетской деревне было зарегистрировано 5171 коллективное общество, из них 355 приходилось на специализированные, преимущественно животноводческие кооперативы²². Коллективные общества объединяли значительную часть сельскохозяйственного населения АРЕ. Однако основные выгоды от деятельности коллективных обществ извлекали, по единодушному мнению советских и зарубежных авторов, зажиточные крестьяне и помещики, которые прямо или опосредствованно занимали доминирующие позиции в большинстве кооперативов, использовали их для получения льготных денежных ссуд и других видов материальной помощи²³. В то же время полупролетарские, бедняцкие хозяйства и значительная часть середняцких хозяйств потребности в кредите по-прежнему удовлетворяли в основном за счет торгово-ростовщических ссуд²⁴.

Основную массу кооперативов в египетской деревне составляли многоцелевые общества, выполнявшие кредитные и снабженческо-сбытовые функции. В 1973 г. их было 4160 (с числом членов около 2,8 млн.), из них 1603 многоцелевых общества (38,5%), закончили сезон с убытками²⁵, что свидетельствовало о неблагоприятном положении египетских сельских кооперативов и их несостоятельности в удовлетворении нужд трудящихся.

Значительную (а в период президентства Г. А. Насера ведущую) роль в египетской деревне играли кооперативы аграрной реформы, которые охватывали прежде всего крестьян — новых собственников — и по своим функциям приближались к производственным коллективным обществам. Их число увеличилось со 187 в 1955 г. до 554 в 1963 г., 683 в 1973 г. и 688 в 1979 г. В 1973 г. кооперативы аграрной реформы объединяли 370,3 тыс. хозяйств, располагавших 295,8 тыс. га обрабатываемых земель (12,1% общего фонда возделываемых земель)²⁶.

На землях крестьян, объединенных в кооперативы аграрной реформы, внедрялся трехпольный севооборот, что предполагало деление обрабатываемых земель всех членов коллективного общества на три равных участка, засевавшиеся какой-либо одной культурой. В пределах этих участков все члены кооператива сохраняли свои наделы. Последовательная смена культур на этих участках проводилась в соответствии с рекомендациями прикомандированных к кооперативам агрономов, перед которыми ставилась задача найти наилучшее для данной местности сочетание культур, оказывать членам коллективных обществ помощь в модернизации производства. В рамках кооперативов аграрной реформы предусматривалось совместное проведение пахоты, полива, борьбы с сельскохозяйственными вредителями. Вместе с тем посев, уход за посадками, уборка урожая и т. д. проводились раздельно, в рамках индивидуальных наделов. В результате этих и других мероприятий в 50—60-х годах заметно увеличилось производство на землях хозяйств, входивших в кооперативы аграрной реформы²⁷. Однако с начала 70-х годов прослеживалось ухудшение положения дел в этих хозяйствах²⁸. Так, в 1973 г. 342 кооператива аграрной реформы (50,1% их общего числа) завершили сезон с убытками²⁹.

Такое положение, по-видимому, объяснялось тем, что организация производства, предусматривавшая сочетание элементов крупного коллективного и мелкого индивидуального хозяйства при сохранении чересполосицы и явном преобладании последних в основных производственных процессах, к 70-м годам уже исчерпала в целом возможности поступательного роста и препятствовала дальнейшему внедрению достижений научно-технического прогресса. Следует отметить и слабость материальной базы кооперативов аграрной реформы (как и многоцелевых обществ в целом), что в значительной мере объяснялось недостаточной помощью им со стороны государства.

Вместе с тем в 60-х и особенно в 70-х годах государство заметно увеличило принудительные изъятия из доходов крестьян — членов многоцелевых кооперативов через систему закупочных цен на продукцию ряда основных культур. Использование механизма закупочных цен для принудительного изъятия у членов кооперативов части их доходов являлось, по сути дела, одной из форм ковенного налогообложения и наблюдалось не только в Египте, но и в других странах Ближнего и Среднего

Востока. Однако в Египте применение этого механизма повышения государственных доходов приобрело, пожалуй, особенно широкое распространение. И здесь имеются в виду не только масштабы распространения системы закупочных цен и весьма жесткие методы ее внедрения, но и то, что эта система постепенно все более утрачивала стимулирующие свойства для крестьянских хозяйств — членов коллективных обществ и все более превращалась в орудие извлечения дополнительных доходов государством. По оценке М. Абдель-Фадила, государство в 1965—1970 гг., используя механизм закупочных цен, присваивало 10—11% всех доходов от сельскохозяйственного производства³⁰. Доходы государства только от финансовых операций с экспортной частью продукции хлопчатника составляли 145,4 млн. долл. в 1971—1975 гг. и 1220,1 млн. долл. в 1976—1980 гг.³¹.

Эффективность системы закупочных цен в деревне Египта во многом обеспечивалась за счет введения обязательных поставок государству через кооперативы сельскохозяйственной продукции, которые распространялись на значительную часть товарной продукции растениеводства, особенно продукцию экспортных культур.

Невыполнение обязательных поставок влекло за собой автоматическое лишение сельскохозяйственных хозяйств дешевого кредита в денежной и натуральной форме, который предоставлялся кооперативами в соответствии с разработанным государственными органами планом севооборота³². В случае отказа от обязательных поставок крестьянские хозяйства фактически лишались возможности приобретения по доступным ценам таких необходимых для ведения интенсивного хозяйства производственных товаров, как сортовые семена и минеральные удобрения, которые продавались главным образом членам кооперативов³³. Так, через кооперативы в египетской деревне реализовалось около 90% минеральных удобрений³⁴.

В 1961—1970 гг. на заготовительные пункты кооперативов поступало почти 100% продукции хлопководства, около 50% продукции рисоводства, значительная часть сбора лука, арахиса, кунжута и ряда других товарных культур³⁵. При этом закупочные цены были, как правило, намного ниже цен свободного рынка. Аналогичное положение наблюдалось в египетской деревне и в 70-х годах. При этом, невзирая на неоднократное повышение закупочных цен, прослеживалась тенденция к росту разрыва между ними и ценами внешнего рынка. Закупочные цены на отдельные экспортные товары египетского растениеводства составляли только 20—25% мировых цен³⁶.

В условиях быстрого развития инфляции и повышения издержек производства система обязательных поставок и закупочных цен тяжелым бременем ложилась на крестьянские хозяйства, в первую очередь на бедняцкие и середняцкие прослойки. Зажиточным хозяйствам (которые по сравнению с основной

массой членов кооперативов имели благоприятные возможности для получения различных ссуд, а также располагали значительными излишками продукции, свободными от обязательных поставок) удавалось почти безболезненно переносить воздействие этой системы и даже в немалой степени приспособить ее к своим интересам³⁷.

Таким образом, в 70-х годах отчетливо проявилась несостоятельность системы принудительного севооборота и обязательных поставок земледельческой продукции по твердым ценам. Она не оказывала долговременного позитивного воздействия на материальную заинтересованность мелких крестьянских хозяйств, преобладавших в египетской деревне, а тем самым и на развитие сельскохозяйственного производства в целом. Во всяком случае, как отмечалось в советской и зарубежной литературе, система принудительного севооборота и обязательных поставок в 70-х — первой половине 80-х годов отрицательно сказалась на развитии таких важных отраслей египетского растениеводства, как хлопководство и рисоводство, на материальном положении трудящихся деревни³⁸.

Несмотря на эти и другие негативные стороны сельской кооперативной системы в Египте, она (во всяком случае, в 60-х — начале 70-х годов) гораздо больше отвечала нуждам трудящихся деревни в целом, чем сельская кооперативная система в Турции. Это в заметной степени обуславливалось тем, что государство в Турции, акцентируя основное внимание на развитии капиталистического предпринимательства в деревне, не оказывало сколько-нибудь достаточной поддержки крестьянским хозяйствам, особенно их низшим группам.

В прямой связи с такой политикой государства довольно слабое развитие, несмотря на давние традиции³⁹, получили в турецкой деревне кредитные и разного рода снабженческо-сбытовые кооперативы. В 1950 г. 900 кредитных кооперативов, которые в значительной степени выполняли функции многоцелевых обществ, объединяли 438 тыс. крестьянских хозяйств (23% их общего числа), в 1960 г. — 1572 кооператива — 938 тыс. хозяйств (27%), в 1970 г. — 2021 кооператив — 1305 тыс. крестьянских хозяйств (32%)⁴⁰. В 1975 г. в турецкой деревне функционировало 2055 кредитных обществ в составе 1308,5 тыс. членов⁴¹, в 1980 г. — 2236 кооперативов в составе 1350 тыс. членов, в 1981 г. — 2288 в составе 1528,4 тыс. членов⁴². В 1980 г. кредитные кооперативы объединяли 38% земледельческих хозяйств с участками до 100 га⁴³ (в подавляющем большинстве крестьянские хозяйства).

В 1970 г. ссуды кредитных обществ получили 74,3% их членов, в 1975 г. — 73,5%, в 1980 г. — 79,0%, в 1981 г. — 84,1%⁴⁴. Как подчеркивалось в исследованиях советских авторов, ссуды в сельских кредитных кооперативах Турции распределялись крайне неравномерно и прежде всего в интересах развития капиталистического предпринимательства. Деятельность сельских

кооперативов в Турции в гораздо большей степени, чем в деревне Ирана и Египта, подчинялась интересам зажиточных слоев. Кредитные кооперативы в турецкой деревне по сравнению, например, с иранской деревней пользовались намного меньшим вниманием государства. При распределении ими ссуд и иных видов материальной помощи явное предпочтение отдавалось крестьянской верхушке, среди которой отчетливо прослеживалось стремление к капиталистическому переустройству хозяйств. В результате заложенные в кооперативах потенции, сдерживавшие рост классовой дифференциации, в условиях турецкой действительности проявлялись в сравнительно незначительной степени⁴⁵. Деятельность кооперативов в турецкой деревне (учитывая, что государство фактически не предпринимало других эффективных шагов, препятствовавших обнищанию и пауперизации крестьян) лишь в незначительной степени отражала интересы основной массы крестьян и служила прежде всего катализатором их имущественной и социальной дифференциации, орудием укрепления позиций зажиточных слоев.

Особенно рельефно это проявилось в деятельности бытовых кооперативов, которые обслуживали в первую очередь зажиточные хозяйства — основных поставщиков товарной продукции на внешний и внутренний рынок. Обеспечивая реализацию продукции, бытовые кооперативы вместе с тем предоставляли им ссуды на приобретение сельскохозяйственных машин, минеральных удобрений, сортовых семян и т. д., причем в гораздо более широких размерах, чем кредитные кооперативы. Косвенно об этом свидетельствует высокий удельный вес ссуд бытовым кооперативам в общей сумме ссуд, которые предоставлялись кредитным и бытовым кооперативам по линии Сельскохозяйственного банка. Так, в 1972 г. доля ссуд бытовым кооперативам в названной сумме составляла 58,5%, в 1974 г. — 83,4%, в 1976 г. — 85,8%, в 1978 г. — 76,7%. Надо также отметить, что с 1972 по 1978 г. ссуды бытовым кооперативам увеличились с 4320 млн. лир до 24 473 млн. лир, т. е. в 5,7 раза, а кредитным кооперативам, обслуживавшим в значительной мере потребности мелких крестьянских хозяйств, — с 2426 млн. лир до 7455 млн. лир., т. е. лишь в 3,1 раза⁴⁶.

Правда, в дальнейшем прослеживался опережающий рост ссуд Сельскохозяйственного банка кредитным кооперативам, что отчасти обуславливалось, очевидно, стремлением государства обеспечить материальные предпосылки для более широкого вовлечения в общественное производство преобладавших в турецкой деревне мелких хозяйств. В результате доля бытовых кооперативов в общей сумме ссуд Сельскохозяйственного банка кредитным и бытовым кооперативам с 85,8% в 1979 г. сократилась до 77,9% в 1983 г. и 64,0% в 1984 г.⁴⁷

В 1975 г. в турецкой деревне функционировало 658 бытовых кооперативов в составе 330,4 тыс. членов, которые обычно также состояли членами кредитных кооперативов. В 1980 г.

число сбытовых кооперативов достигло 848, в 1981 г. — 854, а число их членов увеличилось до 535,4 тыс. и 591,9 тыс.⁴⁸. Сбытовые кооперативы, объединявшие главным образом хозяйства, которые занимались производством высокотоварных технических и садовых культур, при материальной и иной поддержке государства образовывали зачастую довольно крупные союзы, в значительной части монополизировавшие реализацию продукции отдельных культур. В 1980 г. в турецкой деревне было зарегистрировано 34 таких союза, в которые входило 71,3% всех сбытовых кооперативов и 96,4% их членов⁴⁹. Наиболее мощные из союзов сбытовых кооперативов представляли собой крупные торгово-промышленные объединения, имевшие предприятия по переработке и хранению сельскохозяйственной продукции, разветвленную сеть сбытовых отделений внутри страны и за ее пределами⁵⁰.

При этом распределялись кооперативы по сельскохозяйственным районам в Турции крайне неравномерно, что проявлялось прежде всего в необычайно слабом развитии сети коллективных обществ в восточных областях страны. Если в целом по Турции кооперативы были в 16,5% деревень с населением до 5 тыс. человек, то в северо-восточных областях — в 7,7%, в юго-восточных — в 3,6% деревень. По материалам сельскохозяйственной переписи 1980 г., в восточных районах фактически совсем не было сбытовых кооперативов⁵¹, что свидетельствует о слабом развитии капиталистического предпринимательства в земледельческом производстве этих районов, особенно среди зажиточных крестьянских хозяйств.

В условиях сравнительно слабого развития и неравномерного распределения кредита сельскохозяйственных кооперативов (и организованного сельскохозяйственного кредита в целом) бедняцкие и середняцкие слои турецкой деревни по-прежнему в значительной мере удовлетворяли свои нужды в кредите за счет торгово-ростовщических ссуд. Прибегали к привлечению торгово-ростовщических ссуд и зажиточные слои турецкой деревни, но и представители этих слоев зачастую выступали и в качестве займодавцев, причем для предоставления ссуд они использовали нередко денежные средства, которые получали в виде кредита в сельскохозяйственных государственных учреждениях⁵².

Торгово-ростовщические ссуды в 60—70-х годах предоставлялись из расчета 24—40% в год, а порой даже из расчета 100—200%. Особенно широко практиковались торгово-ростовщические операции в Восточной Анатолии, где в большинстве районов традиционные (прежде всего полуфеодалные) отношения сохраняли еще прочные позиции, а организованный кредит не стал ведущим в системе сельскохозяйственного кредита⁵³. По оценке П. П. Моисеева, основывающейся на данных за 1967 г., сельскохозяйственное население Турции около 60% своих потребностей в кредите удовлетворяло за счет ссуд из неор-

ганизованных источников⁵⁴. В провинции Денизли в бедняцких группах хозяйств на частные источники приходилось 47% кредита, в середняцких — 56%, в зажиточных и богатых — 28%. Аналогичные показатели для Эрзерумской равнины (Восточная Анатолия) составляли 57%, 28% и 38%. В провинции Денизли доля кооперативов в кредите бедняцких групп хозяйств составляла 25%, середняцких — 17%, зажиточных и богатых — 16%, а в Эрзерумской области — лишь 2%, 3% и 5%⁵⁵.

В 60-х — первой половине 80-х годов многоцелевые кооперативы и близкие к ним по характеру коллективные общества, преобладавшие в сельской кооперативной системе стран капиталистического развития, составляли основу этой системы и в ряде освободившихся стран Азии и Африки, придерживающихся социалистической ориентации. Это отражало взгляды руководства названных стран на аграрные преобразования на настоящем этапе общественной эволюции, а также зачастую нехватку у государства материальных ресурсов для переустройства аграрной структуры на базе преимущественного развития исторически прогрессивных общественных и коллективных хозяйств. Сказывалось и давление ряда чинных факторов, в частности упорное противодействие осуществлению таких кардинальных программ разнообразных прокапиталистических сил.

Такое положение в кооперативном строительстве в деревне отчетливо прослеживалось, например, в Сирийской Арабской Республике (САР), где в 60-х — начале 80-х годов правительство в кооперативной политике руководствовалось принципом преимущественного развития многоцелевых обществ. Правда, намечалось постепенное перерастание многоцелевых кооперативов в производственные общества⁵⁶. Так, в августе 1970 г. (в связи с завершением основных проектов аграрной реформы по перераспределению обрабатываемого фонда) в Сирии был опубликован закон о сельскохозяйственных кооперативах, который предусматривал значительное расширение материальной и технической помощи коллективным обществам и государственным фермам, намечал шаги по «переходу от кооперативов различных форм, соответствующих настоящим объективным условиям развития, к кооперативам производственного типа»⁵⁷. Тем не менее производственное кооперирование в деревне САР ограничивалось главным образом организацией товариществ по совместному возделыванию земли. С 1969 по 1976 г. в сирийской деревне было создано лишь пять коллективных хозяйств, в которых обобществлялся не только труд, но и основные средства производства. Правда, в 1977 г. в САР была обнародована программа, предусматривавшая организацию в деревне 121 производственного общества. Однако по этой программе было создано только одно (в 1977 г.) новое коллективное хозяйство, что довело их общее число до шести. То же число производственных кооперативов (в составе трех растениеводческих и трех животноводческих коллективных хозяйств) было зафиксиро-

ровано в сирийской деревне и в конце 1983 г. Таким образом, производственное кооперирование крестьянских хозяйств в сирийской деревне еще не вышло за пределы экспериментальной стадии. К тому же следует отметить, что деятельность первых производственных обществ в сельскохозяйственных районах САР не дала обнадеживающих результатов⁵⁸.

Невысокая экономическая эффективность первых коллективных хозяйств, серьезные трудности, с которыми государство столкнулось в ходе создания и особенно в организации производственного процесса в этих хозяйствах, — вероятно, основные причины того, что принятая в 1977 г. программа создания 121 коллективного хозяйства (которая в случае успешного претворения в жизнь могла бы стать базой для массового производственного кооперирования трудящихся сирийской деревни) фактически была заморожена на неопределенный срок.

Национально-демократическое руководство САР, не отказываясь в принципе от массового производственного кооперирования трудящихся деревни и рассматривая его в качестве одного из главных рычагов на пути создания новой социально-экономической структуры деревни, посчитало, очевидно, несвоевременным переход к кардинальным методам переустройства аграрной структуры в условиях огромных трудностей, порождавшихся во многом длительным пребыванием САР на положении «прифронтового» (а порой и «фронтового») государства.

В немалой степени по тем же причинам не прослеживалось в сирийской деревне и значительных сдвигов в организации и развитии государственных сельскохозяйственных предприятий, к созданию которых в САР приступили в 1965 г.⁵⁹ Более того, во второй половине 70-х годов, судя по данным статистических органов САР, положение этих предприятий ухудшилось. В 1975 г. в сирийской деревне функционировало 12 растениеводческих хозяйств, располагавших 115,4 тыс. га обрабатываемых земель (2,1% фонда возделываемых земель). К 1981 г. площадь обрабатываемых земель этих хозяйств постепенно сократилась до 41,7 тыс. га⁶⁰, а их доля в фонде возделываемых земель — до 0,7%⁶¹. Вместе с тем в сирийской деревне в 1978 г. имелось семь скотоводческих государственных ферм, которые обеспечивали 2,3% производства молочной продукции в стране⁶².

К 1984 г. общее число растениеводческих и скотоводческих государственных ферм в сирийской деревне возросло до 23. Кроме того, в конце 70-х — начале 80-х годов было создано восемь государственных птицеводческих предприятий. В 1982 г. их доля в промышленной поставке битой птицы составляла (вместе с птицеводческими кооперативами) 12%, яиц — 17%⁶³.

В то же время с принятием в 1970 г. закона о развитии и ускорении сельского кооперативного строительства в сирийской деревне наблюдался значительный рост многоцелевых обществ.

Общее число кооперативов в сельских районах САР с 1565

в 1970 г.⁶⁴ увеличилось до 3432 в 1977 г. и 3596 в 1980 г., а число их членов с 92,9 тыс. возросло до 267,3 тыс. и 325,9 тыс. В 1980 г. из общего числа сельских коллективных обществ 3031 кооператив (или 84,3%) — многоцелевые общества, а подавляющее большинство остальных — различные животноводческие кооперативы⁶⁵. В 1980 г. коллективные общества в сирийской деревне объединяли 29,9% сельскохозяйственного самостоятельного населения (10,9% в 1970 г.) и на их долю приходилось 25,4% всех обрабатываемых земель⁶⁶.

В 1982 г. в сельских районах САР было зарегистрировано 3811 коллективных обществ в составе 376,9 тыс. членов, в 1983 г. — 3903 в составе 408,6 тыс. членов⁶⁷. Кооперативы объединяли около 40% сельскохозяйственного населения САР.

Невзирая на заметные сдвиги, которые в 70-х — начале 80-х годов происходили в САР в области сельскохозяйственного кооперативного строительства, около 60% сельского населения страны еще оставалось вне сферы действия коллективных обществ, а в значительной мере и вне сферы действия государственных кредитных учреждений вообще. В таких условиях в сирийской деревне сохранялись широкие возможности для развития торгово-ростовщических операций. По приблизительным оценкам, на долю частных источников в начале 70-х годов приходилось не менее 40% общей суммы сельскохозяйственного кредита, а в середине 70-х годов — около 35%⁶⁸. Зачастую за ссудами к торгово-ростовщической буржуазии (нередко была представлена помещиками и зажиточными крестьянами) обращались и члены кооперативов, так как государство не располагало достаточными возможностями для оказания необходимой материальной помощи трудящимся деревни. К тому же часть материальной помощи, выделявшейся государством коллективным обществам, попадала в руки зажиточных крестьян, которые (не без попустительства местной бюрократии) захватили командные посты в большинстве сельских кооперативов и использовали свое положение для обогащения и расширения предпринимательской деятельности⁶⁹.

Третий этап кооперативного движения, который характеризуется выдвижением на передовые позиции в кооперативной системе деревни производственных обществ, в странах капиталистического развития (как уже говорилось) фактически еще не наступил. Мероприятия по созданию производственных кооперативных обществ в сельских районах этих стран остановились, по сути дела, на стадии эксперимента.

Нет пока и серьезных оснований утверждать, что производственные общества, невзирая на насущную необходимость их использования для эффективного вовлечения мелких хозяйств в общественное производство, ослабления проблемы занятости в деревне и т. д., и в ближайшем будущем займут сколько-нибудь заметное место в сельской кооперативной системе стран капиталистического развития. Так, при монархическом режиме

в иранской деревне с апреля 1972 г. по март 1978 г. было создано только 39 производственных обществ в составе около 11 тыс. крестьянских хозяйств с фондом обрабатываемых земель в 57 тыс. га⁷⁰. В иранской деревне, как зачастую и в сельских районах других стран капиталистического развития, такие кооперативы создавались по образцу акционерных компаний, что нередко способствовало не только сохранению имущественного неравенства среди членов коллективных хозяйств, но и его углублению.

Не получили в сельских районах монархического Ирана сколько-нибудь заметного распространения и другие виды производственных объединений крестьянских хозяйств. Тем не менее следует отметить, что по инициативе и при материальной помощи государства в опытным порядке проводились мероприятия по объединению крестьянских хозяйств в группы для совместного осуществления различных сельскохозяйственных проектов. В 1977/78 г. такие группы, включавшие 2,3 тыс. хозяйств, были созданы в 151 сельском населенном пункте⁷¹. Предпринимались шаги и по организации производственных кооперативов среди полукочевых племен⁷².

Не прослеживалось в иранской деревне заметных сдвигов в развитии производственных объединений крестьянских хозяйств и в период исламской республики, где основное внимание также уделялось многоцелевым кооперативам.

Общая для стран капиталистического развития тенденция сельскохозяйственного кооперативного движения в значительной степени подтверждается тем положением, в котором оказались производственные общества в деревне Египта после изменения в стране ориентации общественного развития. В середине 60-х годов в двух провинциях Египта на базе многоцелевых кооперативов было создано 429 производственных обществ, которые получили значительную материальную и техническую помощь от государства. Они добились заметных успехов в производственной деятельности и повышении доходов своих членов. Их опыт предполагалось распространить и на другие провинции. Однако, по-видимому, из-за роста капиталистических тенденций в египетской деревне и с увеличением в конце 60-х годов экономических трудностей государства эта сеть производственных кооперативов была свернута⁷³.

Нельзя не напомнить также о печальном опыте производственного кооперирования крестьянских хозяйств в деревне Туниса в соответствии с 10-летним планом социально-экономического развития страны (1962—1971). Причем следует отметить, что мероприятия по производственному кооперированию трудящихся деревни в Тунисе превосходили по своим масштабам (а не окончательным результатам) аналогичные мероприятия не только в других странах Ближнего и Среднего Востока, но и в освободившихся странах Азии и Северной Африки в целом. Объявив, что производственное кооперирование — основа для

форсированного роста растениеводства и животноводства, для повышения доходов сельских трудящихся, правительство Туниса в 1962—1969 гг. осуществило (частично методами принуждения) обширную программу объединения крестьянских хозяйств в производственные общества. В 1969 г. в распоряжении этих обществ находилось около 4,5 млн. га государственных и частных сельскохозяйственных угодий (около 60% от их общей площади).

Однако производственные общества, хотя они получали львиную долю сельскохозяйственных кредитов государства, оказались не в состоянии выполнить поставленные перед ними задачи. 80% производственных обществ были убыточными, что пагубно сказывалось как на развитии растениеводства и животноводства, так и на материальном положении крестьянских семей — членов этих обществ⁷⁴.

Опыт массового производственного кооперирования крестьянских хозяйств в Тунисе особенно наглядно продемонстрировал, что в большинстве освободившихся стран еще не созрели социально-экономические и политические предпосылки для быстрого и эффективного переустройства аграрного строя на базе преимущественного развития коллективных и общественных хозяйств. Вместе с тем опыт Туниса свидетельствовал о необходимости при решении проблемы производственного кооперирования учитывать, во-первых, объективные и субъективные, экономические и политические возможности государства и, во-вторых, возможности сельской среды на настоящем уровне социально-экономического и политического развития деревни (в условиях господства частнособственнической психологии, весьма широкого влияния традиционной и буржуазной сельской элиты и т. д.) воспринимать коллективные формы хозяйства.

Опыт Туниса предостерегал от поспешности в решении проблемы производственного кооперирования сельских трудящихся, от нарушения принципа добровольности при вступлении в производственные общества, от чрезмерного вмешательства административных органов в деятельность коллективных хозяйств, а также свидетельствовал о необходимости тщательной подготовки программ производственного кооперирования и их постепенного осуществления. Соблюдение этих и других необходимых требований, очевидно, позволило бы в значительной степени избежать нежелательных экономических последствий и социально-политических осложнений, не допустить дискредитации самой идеи производственного кооперирования, что в заметной мере прослеживалось в Тунисе. Стоило правительству Туниса (в связи с негативными последствиями массового производственного кооперирования) в сентябре 1969 г. объявить о целесообразности кооперирования лишь в зерновых районах и восстановить принцип добровольности при вступлении в производственные общества, как уже к началу 1970 г. большинство этих обществ самораспустилось. Сохранилось лишь 241 сельское

производственное общество с числом членов 10,8 тыс. Они располагали 217,7 тыс. га обрабатываемых земель. В 1975 г. в деревне Туниса оставалось лишь 228 производственных кооперативов с 9,4 тыс. членов, площадь обрабатываемых земель этих кооперативов составляла 196,6 тыс. га⁷⁵.

Серьезными экономическими, социальными и политическими трудностями и осложнениями сопровождалось осуществление программы массового производственного кооперирования трудящихся деревни в Алжире. В 60—70-х годах национально-демократическое руководство республики, минуя этап объединения крестьян в кредитных и многоцелевых коллективных обществах, предприняло энергичные шаги по переустройству традиционных аграрных структур на базе преимущественного развития исторически прогрессивных общественных и коллективных хозяйств. Напомним, что программа переустройства традиционных (докапиталистических) аграрных структур на основе радикальных аграрных преобразований, преимущественного развития исторически прогрессивных общественных и коллективных форм производства наряду с программой индустриализации, покоящейся на доминирующем развитии государственного сектора, занимает центральное место в стратегии общественного развития стран социалистической ориентации, направленной на преодоление экономической, социальной и культурной отсталости этих стран, достижение экономической самостоятельности, ликвидацию зависимости от империалистических держав, расширение всесторонних отношений со странами социалистического содружества.

Однако именно в аграрной сфере прогрессивные начинания руководства стран социалистической ориентации встречают особенно значительные трудности. Они проистекают прежде всего из общей неподготовленности трудящихся деревни к восприятию современных общественных и коллективных методов сельскохозяйственного производства в условиях распространения в деревне мелкотоварного производства и капиталистического предпринимательства, господства частнособственнической психологии, сильного влияния старой (традиционной) и новой (буржуазной) элиты. В то же время в странах социалистической ориентации (во всяком случае, в странах Ближнего и Среднего Востока) прослеживалось увлечение осуществлением обширных программ индустриализации народного хозяйства, что на практике оборачивалось ослаблением внимания к развитию в деревне общественных и коллективных форм производства, к развитию растениеводства и животноводства в целом. На Ближнем и Среднем Востоке это особенно отчетливо проявилось в Алжире⁷⁶.

Обобщая опыт осуществления прогрессивных аграрных преобразований в странах социалистической ориентации, группа видных советских ученых отмечала, что при недостаточной государственной помощи общественным и коллективным формам

сельскохозяйственного производства реконструкция социально-экономического строя деревни на прогрессивной базе «неизбежно превращается в очень сложный и длительный процесс, который далеко не всегда может протекать гладко, без срывов, временных неудач и отступлений»⁷⁷.

При оценке характера проведения и результатов аграрных преобразований, осуществлявшихся в 60-х — начале 80-х годов в странах социалистической ориентации Ближнего и Среднего Востока, следует также учитывать, что на настоящем этапе общественной эволюции социалистическая ориентация, по словам К. Н. Брутенца, — это прежде всего определенная «политическая воля». В экономическом базисе этих стран, особенно в сельском хозяйстве, как подчеркивал К. Н. Брутенц, «продолжаются процессы стихийного развития, ведущие к росту частнобывших отношений, капиталистических отношений, и он во многих важных чертах остается сходным с базисом в странах капиталистического пути»⁷⁸.

Трудности и противоречия, возникавшие в странах социалистической ориентации в процессе осуществления программ переустройства традиционных аграрных структур в интересах трудящихся деревни, наглядно проявлялись в Алжире и Сирии. При этом особенно пристального внимания заслуживает опыт Алжира, где в ходе национально-демократической революции в сельскохозяйственном производстве был создан мощный полугосударственный самоуправляемый сектор — ядро новой деревни, соответствующей социалистическому выбору, и база для кардинального переустройства аграрного строя Алжира в целом.

Аграрные преобразования в Алжире начались в 1962—1963 гг. с национализации 24,9 тыс. имений французских колонистов общей площадью 2720 тыс. га. Это были главным образом обрабатываемые земли, причем по плодородию в 2—4 раза превосходившие земли алжирских помещиков и крестьян⁷⁹. Принимая во внимание более высокий уровень технической оснащенности и организации труда на фермах французских колонистов, более высокий удельный вес прибыльных культур в структуре их производства, иностранный сектор, который охватывал $\frac{1}{3}$ обрабатываемого фонда, давал около 60% валовой продукции сельского хозяйства⁸⁰.

На изъятых у французских колонистов землях было создано 2,3 тыс. крупных самоуправляемых хозяйств⁸¹. Основные фонды этих хозяйств принадлежали государству. Административное и техническое руководство самоуправляемыми хозяйствами осуществлялось при непосредственном (причем решающем) участии представителей официальных органов.

Создание мощного общественного сектора в деревне явилось крупным шагом вперед в прогрессивном развитии аграрного строя Алжира. Вырвав из сферы частного хозяйства значительную и самую продуктивную часть обрабатываемых земель, национально-демократическое руководство Алжира тем самым не

только поставило серьезные преграды для роста капиталистического предпринимательства в деревне, но и обеспечило предпосылки для переустройства аграрного строя в целом в соответствии с принципами социалистической ориентации. В первую очередь именно поэтому, очевидно, можно говорить, что в деревне Алжира в сравнении с подавляющей частью стран социалистической ориентации сложились гораздо более благоприятные (в известной мере уникальные) условия для реконструкции аграрного строя на исторически прогрессивной основе, на началах преимущественного развития общественных и коллективных хозяйств под эгидой национально-демократического государства.

В данной связи также можно, хотя в определенной мере и проблематично, утверждать, что в деревне Алжира возникали благоприятные социально-экономические предпосылки для того, чтобы в определенных пределах миновать этап капиталистического развития сельского хозяйства или, во всяком случае, не допустить выдвигания капиталистического уклада на передовые позиции в деревне, превращения его в системообразующий уклад.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, представляется, что анализ осуществления и итогов прогрессивных аграрных преобразований в Алжире (одной из крупных стран Ближнего и Среднего Востока) является необычайно плодотворным для выяснения того, в какой мере у государств социалистической ориентации имеются возможности достаточно быстро и в достаточно широких масштабах добиться реконструкции традиционного аграрного строя (уже в немалой степени затронутого влияниями капиталистического предпринимательства) на базе преимущественного развития общественных и коллективных хозяйств, предотвратить в условиях неблагоприятного продовольственного положения трансформацию аграрной структуры по капиталистическому образцу. Естественно, подразумевается, что общественные и коллективные современные хозяйства не только займут преобладающее место в социально-экономической структуре деревни стран социалистической ориентации, но и станут основой для форсированного роста растениеводства и животноводства, общего подъема деревни этих стран, что в конечном счете обеспечит превращение сельских районов в общественную и политическую опору революционно-демократической власти.

В первой половине 70-х годов национально-демократическое руководство Алжира, опираясь на самоуправляемый сектор, осуществило в рамках «аграрной революции» обширную программу по объединению крестьян, получавших земельные участки в ходе аграрной реформы, в разного рода производственные кооперативы. В середине 1980 г. в деревне АНДР было зафиксировано 5929 коллективных хозяйств⁸².

Основу системы коллективных хозяйств в алжирской дерев-

не составляли производственные кооперативы аграрной революции, в которых обобществлялся не только труд, но и производственные фонды. Число таких кооперативов с 1992 в 1973 г. увеличилось до 4846 в 1977 г., а число их членов — с 31 тыс. до 79,1 тыс.⁸³. Однако в середине 1980 г. в алжирской деревне было зарегистрировано 4840 кооперативов аграрной революции в составе 66,6 тыс. членов⁸⁴. Налицо, таким образом, значительное сокращение числа членов коллективных хозяйств, что отражало, очевидно, ухудшение положения дел в этих хозяйствах в связи с общим замедлением во второй половине 70-х годов темпов прогрессивных аграрных преобразований, ослаблением внимания национально-демократического руководства АНДР к развитию коллективных и общественных хозяйств.

По официальным данным, в 1977/78 г. сектор аграрной революции, включавший главным образом земли, переданные крестьянам в коллективное и индивидуальное пользование, охватывал 902 тыс. га (12,8%) обрабатываемых площадей, из них 499,4 тыс. га (14,8%) под однолетними и многолетними культурами. Не менее $\frac{2}{3}$ сельскохозяйственных угодий сектора аграрной революции находилось в пользовании производственных кооперативов. Доля коллективных хозяйств в общем фонде возделываемых земель составляла в 1977/78 г. 8,5%, а в совокупной площади земель под однолетними и многолетними культурами — 9,9%.

Таким образом, создание в Алжире в ходе проведения аграрной реформы коллективных хозяйств в немалой степени способствовало усилению влияния государства социалистической ориентации в сельских районах, расширению опорной базы некапиталистического развития в алжирской деревне в лице самоуправляемого сектора. В 1977/78 г. самоуправляемый сектор располагал, по официальным сведениям, 1906,7 тыс. га (27,1%) обрабатываемых земель и 1321 тыс. га (39%) земель под однолетними и многолетними культурами⁸⁵.

Оценивая материальные ресурсы общественных и коллективных хозяйств, необходимо добавить, что в целом их земли были более плодородными, чем частные земли⁸⁶. И эти хозяйства намного превосходили частные хозяйства по техническому оснащению⁸⁷, обеспечению минеральными удобрениями, сортовыми семенами, саженцами и другими средствами интенсификации производства. Учитывая все эти и другие факторы, представляется очевидным, что общественные и коллективные хозяйства при приблизительно равной с частными хозяйствами площади земель под различными культурами по крайней мере в 2 раза превосходили частный сектор по обеспечению материальными ресурсами, по материальным возможностям развития производства в сфере растениеводства.

Однако реализация материальных возможностей общественными и особенно коллективными хозяйствами (правда, земли последних по естественному плодородию почти не отличались,

а нередко и уступали частным землям) протекала очень медленными темпами и еще далеко не достигла приемлемого уровня. Это отчасти проявлялось в том, что урожайность различных культур на землях самоуправляемого сектора лишь в довольно незначительной степени превышала урожайность аналогичных культур на частных землях. Так, в 1977/78 г. урожайность зерновых культур и других злаков на землях самоуправляемых хозяйств составила 7,7 ц с 1 га, на землях производственных кооперативов — 5,1 ц с 1 га, на частных землях — 5 ц с 1 га. Общественные и коллективные хозяйства, на которые в 1977/78 г. приходилось около 43% всех земель под зерновыми культурами и другими злаками, давали около 50% продукции названных культур. Они занимали преобладающее (зачастую господствующее) положение в большинстве высокотоварных отраслей растениеводства — в производстве технических культур (79% общей площади под этими культурами), винограда (85,7%), цитрусовых (87,7%), прочих садовых культур (54,3%). Правда, в овощеводстве и бахчеводстве преобладающее положение сохранялось за частным сектором (58,3% общей посевной площади в этих отраслях). Следует также отметить, что частный сектор по-прежнему занимал господствующие позиции в скотоводстве. В 1977/78 г. на его долю (не считая скота, который принадлежал полукочевому населению степной зоны) приходилось 92% поголовья крупного и 75% поголовья мелкого рогатого скота⁸⁸.

Таким образом, общественные и коллективные хозяйства заняли ведущие позиции в большинстве основных отраслей алжирского растениеводства. В 70-х годах на их укрепление направлялась подавляющая масса ассигнований и кредитов, выделявшихся государством на развитие сельскохозяйственного производства⁸⁹, и они располагали немалыми материальными и техническими возможностями для ускорения темпов роста производства. Однако по ряду объективных и субъективных причин общественные и коллективные хозяйства оказались не в состоянии справиться с поставленными перед ними задачами⁹⁰.

В непосредственной связи со сложившейся в алжирской деревне ситуацией в 1980 г. в АНДР разгорелась серьезная дискуссия о путях развития сельскохозяйственного производства, о месте различных общественных секторов (самоуправляемого, кооперативного и частного) в этом развитии. Высказывалось даже мнение о целесообразности упразднения самоуправляемого сектора из-за его невысокой эффективности и необходимости создания условий для развития частного предпринимательства в сельскохозяйственном производстве⁹¹. Жаркие споры продолжались и в дальнейшем. В опубликованном 1 февраля 1983 г. заявлении Партии социалистического авангарда Алжира с тревогой отмечалось, что ряд влиятельных членов руководства АНДР выступал за проведение политики «открытых дверей» (вариант египетского «инфитаха»), за выдвижение на передо-

вые позиции в сельскохозяйственном развитии страны частного сектора⁹². Вносились предложения о сдаче в аренду частным лицам земель самоуправляемого сектора. Эти проекты были отклонены. Тем не менее руководство АНДР санкционировало роспуск части производственных кооперативов⁹³.

Прямым отражением всех этих споров и дискуссий, поисков конструктивных путей ускорения роста сельскохозяйственного производства стала также разработка правительством АНДР ряда проектов, направленных на повышение экономической эффективности общественных и коллективных хозяйств. В соответствии с этими проектами в 1982 г. были предприняты шаги по укрупнению производственных кооперативов аграрной революции. В результате их число сократилось до 364. В 1983 г. они вместе с реорганизованными в 1980—1982 гг. самоуправляемыми хозяйствами были включены в Сектор социалистических сельскохозяйственных предприятий, который объединил около 3,4 тыс. хозяйств⁹⁴.

В данной связи одобренный на внеочередном съезде ФНО план социально-экономического развития Алжира на 1980—1984 гг. предусматривал устранение диспропорций в распределении государственных капиталовложений, увеличение ассигнований на развитие сельскохозяйственного производства и ирригационного строительства, намечал меры по повышению доходов и потребления различных слоев трудящихся, в том числе и деревни. Наряду с осуществлением проектов повышения рентабельности общественных и коллективных хозяйств предусматривалось увеличение государственной материальной поддержки частному сектору в деревне. Осуществление этой программы (судя по предварительным данным) сопровождалось ощутимыми сдвигами в развитии сельскохозяйственного производства, особенно его высокотоварных отраслей⁹⁵.

Заложенная в основу плана на 1980—1984 гг. новая социально-экономическая стратегия правительства АНДР получила дальнейшее развитие в программе на 1985—1989 гг. В соответствии с рекомендациями руководства ФНО предпочтение в этой программе отдается сельскохозяйственному производству и ирригационному строительству. Предусматриваются также меры по развитию экономической и социальной инфраструктуры в деревне. Провозглашается необходимость «гармоничного и взаимодополняющего развития» в сельскохозяйственных районах общественного и частного секторов⁹⁶.

Меры по укреплению и повышению рентабельности общественных хозяйств в деревне подтверждают неуклонную решимость национально-демократического руководства АНДР сохранить ведущее положение этих хозяйств в аграрном строе республики в качестве основы формирующейся в деревне новой социально-экономической структуры, соответствующей целям страны, избравшей социалистическую перспективу общественно-го развития.

Исследование основных итогов аграрных преобразований в Алжире, развития общественных и коллективных хозяйств убедительно свидетельствует о том, что создание в деревне большинства стран социалистической ориентации исторически прогрессивных форм общественного и коллективного производства, превращение их в господствующее звено аграрного строя, способное внести решающий вклад в обеспечение основных нужд этих стран в продукции растениеводства и животноводства, сопряжено с такими трудностями, что едва ли можно ожидать их преодоления в ближайшем будущем. Во всяком случае, возможности фронтального наступления на позиции частного сектора при современном уровне экономического, социального, культурного и политического развития стран социалистической ориентации, в условиях непрекращающейся классовой борьбы в этих странах представляются ограниченными.

В подобных условиях в ближайшей перспективе эффективные результаты, как показывает опыт Алжира и других стран социалистической ориентации, очевидно, возможны лишь в ограниченных пределах. Речь идет о крупных странах. В малых странах, таких, как Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ), при прочих равных условиях вполне можно рассчитывать и на успешное фронтальное наступление на позиции частного сектора в деревне. Так, в НДРЙ в результате проведения прогрессивной аграрной реформы и иных мероприятий по реконструкции традиционного аграрного строя господствующие позиции в социально-экономической структуре земледельческих районов страны заняли общественные и коллективные хозяйства. В 1978 г. в их руках находилось более 70% обрабатываемых площадей, а их доля в валовой продукции сельскохозяйственного производства превышала 60%⁹⁷. Это является очень важным достижением революционно-демократического руководства НДРЙ, его авангардной партии. Естественно, возникает вопрос о возможностях использования опыта НДРЙ в осуществлении аграрных преобразований другими странами социалистической ориентации. При этом, однако, не следует забывать, что таких крупных прогрессивных сдвигов в аграрном развитии удалось добиться в сравнительно небольшой стране, фонд обрабатываемых земель которой составляет лишь около 100 тыс. га. Уже только поэтому успешное использование опыта НДРЙ для кардинального переустройства социально-экономической структуры (во всяком случае, в сколько-нибудь значительном объеме) представляется весьма трудным делом.

Глава III

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Буржуазные аграрные реформы, прямым и косвенным образом способствуя разрушению традиционных (докапиталистических) форм землевладения и землепользования, создавали важные социально-экономические предпосылки для ускорения развития мелкотоварного производства и капиталистического предпринимательства в растениеводстве и животноводстве стран Ближнего и Среднего Востока.

Вместе с тем следует напомнить, что законодательством об аграрных реформах капиталистическое предпринимательство в растениеводстве и животноводстве стран капиталистической ориентации фактически никак не ограничивалось. Это послужило важным стимулом для расширения инвестиций богатых полуфеодалных собственников в развитие этих отраслей, в переустройство их на базе использования индустриальных методов труда. Вопросам капиталистического предпринимательства в 60-х и особенно в 70-х — первой половине 80-х годов отводилось важное значение в государственных программах сельскохозяйственного развития стран капиталистической ориентации, в аграрных разделах долгосрочных планов социально-экономического развития, в программах сельскохозяйственных банков и других кредитных учреждений этих стран и т. д. При этом развитие капиталистического предпринимательства поощрялось на всех его уровнях. Но постепенно предпочтение все более отдавалось организации крупных и средних (акционерных и индивидуальных) современных земледельческих хозяйств, промышленных скотоводческих и птицеводческих ферм, агропромышленных комплексов. Это особенно отчетливо проявилось в сельскохозяйственном производстве Ирана и Турции, где государство стало ведущей силой в развитии капиталистического предпринимательства в 60—70-е годы. Прежде всего это касалось Ирана, что в значительной степени объяснялось ростом доходов от эксплуатации нефтяных месторождений и рядом иных факторов, а также спецификой предшествующей аграрной эволюции страны.

Проблема капиталистической трансформации сельскохозяйственного производства в Иране (как и в других странах Ближнего и Среднего Востока) возникла еще в последней четверти

XIX—первой четверти XX в., когда (в связи с вступлением мирового капиталистического хозяйства в монополистическую стадию развития и тесным включением хозяйства Ирана в систему мировых экономических и общественных отношений) резко увеличился спрос внешнего рынка на продукцию иранского растениеводства и животноводства. В результате в ряде отраслей сельскохозяйственного производства Ирана, на продукцию которых предъявлял спрос внешний рынок, постепенно складывались предпосылки для переустройства феодальных хозяйств в капиталистические. Однако этот процесс (в значительной мере из-за неустойчивости и недостаточной емкости внешнего рынка, а также общей экономической отсталости страны) остановился фактически на промежуточной стадии полуфеодального издольного хозяйства,

В 20—30-е годы тенденции к трансформации полуфеодальных хозяйств в капиталистические также не проявились в сколько-нибудь заметной степени. Это во многом определялось тем, что в Иране с упрочением центральной власти и проведением ряда госкапиталистических мероприятий, направленных на преодоление экономической отсталости, наблюдалось значительное расширение возможностей для частных инвестиций в промышленность, торговлю и т. д., т. е. в гораздо более прибыльные в сравнении с растениеводством и животноводством отрасли. Тормозящим воздействием этого фактора на рост частных инвестиций в растениеводство и животноводство во многом объясняется необычайно важное значение в дальнейшем стимулирующей, регулирующей и другой деятельности государства в переустройстве сельского хозяйства Ирана на современной основе, в развитии и укреплении там позиций капиталистического предпринимательства и мелкотоварного производства.

Процесс капиталистической трансформации сельскохозяйственного производства довольно отчетливо проявился в Иране только во второй половине 40-х и в 50-х годах. Однако он имел очаговый характер и охватывал лишь несколько районов, а главным образом шахрестан Горган, где в 50-х годах под влиянием спроса на хлопок и продукцию зерновых культур наблюдался интенсивный рост механизированных земледельческих хозяйств, формировавшихся как в результате капиталистической трансформации полуфеодальных помещичьих хозяйств и организации капиталистических хозяйств представителями городских деловых кругов, так отчасти и на основе развития мелкотоварных хозяйств зажиточных крестьян. В большинстве сельскохозяйственных районов Ирана господствующее положение в конце 50-х годов по-прежнему занимали полуфеодальные издольные хозяйства, которые уже давно показали свою несостоятельность в модернизации растениеводства и животноводства, в удовлетворении возрастающего спроса на продукцию этих отраслей¹.

Новый этап в капиталистической трансформации сельскохо-

зяйственного производства Ирана начался в 60-х годах в связи с осуществлением аграрной реформы, призванной обеспечить социально-экономические предпосылки для ускорения развития в деревне мелкотоварных и капиталистических хозяйств. Предпринимались и другие меры по стимулированию капиталистического предпринимательства, в том числе по расширению финансовой помощи обуржуазившимся помещикам и зажиточным крестьянам, по улучшению снабжения их сельскохозяйственными машинами и иными элементами современного производства.

При этом в первой половине 60-х годов государство в Иране основное внимание, как и ранее, уделяло стимулированию переустройства полуфеодалных хозяйств помещиков в капиталистические. Однако здесь государство не добилось значительных успехов, так как полуфеодалные помещики зачастую отказывались от инвестиций в растениеводство и животноводство, предпочитая вложения в различные прибыльные предприятия в сфере услуг и промышленности. В этой связи во второй половине 60-х годов основные усилия в развитии капиталистического предпринимательства в растениеводстве и животноводстве Ирана постепенно были сосредоточены на организации (при содействии и нередко при прямом участии государства) разного рода компаний и иных капиталистических объединений, которые вели хозяйство с применением индустриальных методов производства. Причем поощрялось участие в капиталистических объединениях помещиков, представителей городских деловых кругов и иностранных компаний. К участию в капиталистических объединениях, принимавших нередко форму своеобразных акционерных обществ, привлекались и крестьяне — собственники земельных участков. Крестьяне также в значительной мере удовлетворяли нужды этих акционерных обществ в рабочей силе. С 1968/69 по 1977/78 г. было создано 93 таких общества в составе 35,4 тыс. помещиков и крестьян, располагавших в целом 326,3 тыс. га сельскохозяйственных угодий. По состоянию на 1977/78 г., каждое акционерное общество в среднем имело по 3508,6 га сельскохозяйственных угодий, в том числе 1397,8 га земель под однолетними и многолетними культурами².

Организация акционерных обществ с участием помещиков и крестьян предусматривала создание крупных современных хозяйств, что в значительной степени должно было обеспечиваться материальной и технической помощью государства. Обществам предоставлялись безвозвратные ссуды и льготные кредиты, внеочередные займы на строительство ирригационных сооружений, предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья и т. д. Общества получили преимущественное право на приобретение сельскохозяйственных машин, минеральных удобрений, сортовых семян, породистого скота, а также на первоочередную помощь сельскохозяйственных и технических специалистов. В 1968/69—1974/75 гг., государство выделило акционерным обществам 6005 млн. риалов, в том числе 4800 млн. риалов

(79,9%) в виде безвозвратных ссуд и льготных кредитов и 1205 млн. риалов (20,1%) в виде займов. Финансовая помощь и кредиты государства в 6,1 раза превзошли капитал акционерных обществ, составлявший 992 млн. риалов в 1974/75 г.³

При возрастающей материальной и технической помощи государства в хозяйствах акционерных обществ прослеживалось довольно быстрое вытеснение традиционных методов производства индустриальными, осуществление проектов «зеленой революции» и развития промышленного животноводства. Поскольку хозяйства акционерных обществ в основном велись на плодородных поливных землях, в большинстве их наблюдались заметное повышение урожайности и ощутимый рост производства⁴.

Интенсивное развитие производства в акционерных обществах сопровождалось заметным повышением доходов их членов. Это неустанно рекламировалось в монархическом Иране как пример благотворного воздействия деятельности акционерных обществ и иных капиталистических объединений на материальное положение трудящихся деревни. Однако официальные органы обычно оперировали средними показателями и как бы забывали, что основная масса прибылей попадала в руки не трудящихся, а бывших помещиков и других представителей сельской верхушки — собственников крупных пакетов акций. Их «участие» в производстве обычно ограничивалось получением доли в прибылях. В то же время крестьяне — собственники мелких пакетов акций нехватку доходов из доли в прибылях вынуждены были восполнять за счет зарплаты, причитавшейся им за выполнение тех или иных работ в хозяйствах общества⁵.

Во второй половине 70-х годов в акционерных обществах наблюдалось замедление темпов роста производства, что, учитывая усиление инфляции, сказывавшейся прежде всего на реальных доходах низкооплачиваемых прослоек населения, сопровождалось ухудшением материального положения собственников мелких пакетов акций. В этой связи в иранской прессе указывалось на обострение противоречий между крупными и мелкими держателями акции. Вместе с тем отмечался рост недовольства среди занятых в хозяйствах акционерных обществ наемных рабочих, которые из-за низкой оплаты труда (в сравнении с преваляровавшими на рынке труда ставками) зачастую покидали хозяйства. Вследствие нехватки рабочей силы в акционерных обществах наблюдалось сокращение площадей под трудоемкими культурами⁶. Так, общая площадь посевов однолетних и многолетних культур в хозяйствах акционерных обществ уменьшилась со 130 тыс. га в 1977/78 г. до 114 тыс. га в 1978/79 г.⁷

Хотя организации акционерных обществ с участием помещиков и крестьян отводилось важное место в правительственных программах, направленных на модернизацию сельскохозяйственного производства Ирана по капиталистическому образцу,

главное место в них занимали проекты, призванные обеспечить предпосылки для ускорения роста инвестиций частных национальных и иностранных компаний и отдельных лиц в создание современных земледельческих и животноводческих хозяйств и агропромышленных комплексов. В качестве опорной финансовой базы для осуществления этих проектов по закону от 24 апреля 1968 г. был открыт Банк сельскохозяйственного развития⁸. Особенно поощрялись инвестиции частного сектора в создание агропромышленных комплексов, что наглядно проявлялось в размещении капиталовложений по линии этого банка. В 1973/74—1975/76 гг. на инвестиции в строительство агропромышленных комплексов приходилось 42,6% от общей суммы капиталовложений, санкционированных Банком сельскохозяйственного развития⁹.

В претворении в жизнь крупных агропромышленных проектов зачастую непосредственное участие принимало государство, которое брало на себя основные затраты по сооружению наиболее капиталоемких объектов. Одним из таких объектов был самый мощный в Иране агропромышленный комплекс в Муганской степи. Основные работы по его строительству были завершены в 1978/79 г. Под строительство комплекса было выделено 48,4 тыс. га плодородных земель, в том числе 29 тыс. га поливных, которые орошаются при помощи ирригационной сети гидроузла на р. Аракс, воздвигнутого в сотрудничестве и при технической поддержке СССР. Основное направление комплекса — животноводческое. Кормовые ресурсы скотоводческих и птицеводческих ферм комплекса составляют выращиваемые на его полях фуражные культуры — ячмень, кукуруза, люцерна и т. д. Значительное внимание уделялось возделыванию сахарной свеклы, а особенно садовых культур, под посадки которых было выделено около 6 тыс. га поливных земель. Комплекс располагал рядом предприятий по переработке и хранению животноводческой и земледельческой продукции¹⁰.

Государству принадлежит и крупный животноводческий комплекс в Фарсе. Основное его назначение — снабжение внутреннего рынка мясом (проектная мощность — 35 тыс. т мяса в год¹¹). Во второй половине 70-х годов аналогичный комплекс с проектной мощностью 24 тыс. т мяса в год был построен государством в Лурестане¹².

Государству в Иране принадлежат также два крупных агропромышленных комплекса по выращиванию и переработке сахарного тростника. Первый из них был открыт еще в 1961/62 г. в районе Хафт-тепе на базе самого крупного в Иране гидроузла на р. Диз. В 1977/78 г. посадки сахарного тростника в этом районе осуществлялись на площади около 10 тыс. га. Продукция поступала на сахарный завод с годовой мощностью 100 тыс. т продукции, а отходы производства — на бумажную фабрику мощностью 30 тыс. т. В 1973/74 г. в районе Деймече государство приступило к созданию второго крупного комплек-

са по выращиванию и переработке сахарного тростника. Под строительство отводилось 33 тыс. га, в том числе 30 тыс. га поливных земель, орошаемых при помощи ирригационной системы гидроузла на р. Карун. Посевами сахарного тростника предполагалось занять 24,5 тыс. га. Для его переработки намечалось строительство сахарного завода мощностью 230 тыс. т в год, а также бумажной фабрики мощностью 100 тыс. т¹³. Сооружение этого комплекса, однако, так и не было завершено.

К реализации крупных агропромышленных проектов монархический режим зачастую привлекал транснациональные компании (ТНК), рассчитывая на использование их опыта и передовой технологии. Основным полем деятельности ТНК стали земли в Хузестане, орошаемые при помощи ирригационной системы в районе плотины на р. Диз. Эти земли площадью 62,2 тыс. га в 1969—1971 гг. были переданы четырем учрежденным с участием иностранного капитала компаниям для строительства на них агропромышленных комплексов¹⁴. Однако, как отмечалось в иранской печати, только компания «Иран — Америка» добилась успехов в развитии индустриальных форм растениеводства и животноводства. Три остальные смешанные компании, столкнувшись с серьезными трудностями, особенно нехваткой квалифицированных кадров и задержкой строительства ирригационной сети, не добились сколько-нибудь заметных успехов в развитии производства. Из выделенных смешанным компаниям земель в 1977/78 г. возделывалось лишь несколько более одной трети¹⁵.

При непосредственном участии иностранных компаний (как в виде прямых инвестиций, так и на подрядных условиях) в иранской деревне осуществлялось немало других проектов, особенно по развитию промышленного скотоводства и птицеводства. Активное участие в развитии этих отраслей принимал и национальный частный капитал, что предопределялось постоянно возрастающим спросом на животноводческую продукцию.

В значительной мере для удовлетворения растущих потребностей населения Тегерана и других крупных административных, промышленных, торговых и культурных центров Ирана в продовольственных товарах монархический режим всячески способствовал развитию в растениеводстве и животноводстве индивидуальных капиталистических хозяйств, представленных фермами обуржуазившихся помещиков, кулацкими хозяйствами и т. д. Такие фермы основывались прежде всего в окрестностях крупных городов (в первую очередь Тегерана) и в близлежащих к ним или соединенных с ними удобными путями сообщения районах.

Учитывая усиление внимания частного сектора к развитию сельскохозяйственного производства, предполагалось, что в конце 1977/78 г. земледельческие и животноводческие капиталистические фермы будут созданы более чем на 1,2 млн. га (30%)

поливных земель. Помимо того предполагалось, что на 338 тыс. га (8%) поливных земель будут действовать агропромышленные предприятия и на 504 тыс. га (12%) поливных земель — акционерные общества и производственные кооперативы. В целом предусматривалось, что современные хозяйства будут функционировать более чем на 2 млн. га (около 50% поливных земель)¹⁶. Однако подобные надежды не имели оснований. В иранской печати отмечалось, что правительство, разрабатывая «грандиозные проекты» переустройства сельскохозяйственного производства на передовой технической базе, в достаточной мере не учитывало «отсутствие опыта в организации и управлении крупными предприятиями», нехватку квалифицированных специалистов и ряд других факторов¹⁷.

Тем не менее капиталистическое предпринимательство в иранском растениеводстве достигло в 60-х — середине 70-х годов значительных масштабов. По оценке Х. Катузиана, индивидуальные капиталистические хозяйства, акционерные общества и агропромышленные комплексы располагали в 1976/77 г. 3,2 млн. га богарных и поливных земель (19,1% фонда обрабатываемых земель)¹⁸.

Однако в 1976/77—1978/79 гг. прослеживались признаки спада капиталистического предпринимательства в растениеводстве и животноводстве. Это, как отмечалось в иранской прессе, вызывалось ухудшением условий для инвестиций, что, в свою очередь, было в заметной степени следствием усиления инфляции, поставившей растениеводство и животноводство в невыгодное положение в сравнении с другими сферами экономической деятельности¹⁹.

Замедление темпов капиталистического предпринимательства в сельскохозяйственном производстве Ирана в 1976/77—1978/79 гг. ни в коей мере не затушевывает того факта, что при монархическом режиме были достигнуты значительные успехи в капиталистической трансформации растениеводства и животноводства. И если в начале 60-х годов капиталистические отношения в иранской деревне (за отдельным исключением) прослеживались преимущественно в сфере обращения, то к концу 70-х годов они в заметной степени пронизывали и сферу производства. Тем не менее в большинстве областей Ирана преобладали крестьянские хозяйства, объединенные в многоцелевые кооперативы, которые вели производство в основном на мелко-товарной основе.

В первые годы после свержения монархии в растениеводстве и животноводстве Ирана происходило, как уже говорилось, заметное сужение сферы капиталистического предпринимательства, что было следствием прежде всего конфискации земель обуржуазившихся помещиков — приверженцев монархии, противников нового режима, прекращения операций крупных смешанных агропромышленных компаний в районе Дизфуля и т. д. Кроме того, зачастую на агропромышленных предприятиях, в

крупных и средних земледельческих и животноводческих хозяйствах наблюдалось сокращение производства в связи с резким уменьшением материальной и технической поддержки государства, утечкой иностранных и национальных специалистов. Нельзя не сказать и об известной неуверенности в неприкосновенности своих земель и инвестиций, распространившейся среди состоятельных прослоек деревни в связи с неустанно повторявшимися лозунгами нового режима о необходимости восстановления «социальной справедливости», а также в связи с репрессивными действиями «стражей исламской революции». Однако эти опасения вскоре в значительной мере были рассеяны, чему в значительной мере способствовало обнародование в 1980—1981 гг. серии законопроектов об аграрной реформе, которые при условии лояльности к религиозному руководству исламской республики ограждали от отчуждения земли современных земледельческих и животноводческих хозяйств и поощряли развитие в сельскохозяйственном производстве капиталистического предпринимательства. Более того, Наблюдательный совет, призванный следить за соответствием тех или иных законопроектов догматам ислама, после длительных проволочек наложил вето на одобренный меджлисом 2 марта 1982 г. законопроект об аграрной реформе. Этот акт получил одобрение аятоллы Р. Хомейни. Таким образом, «обозначился открытый отход руководства исламской республики от обещаний, раздававшихся после революции»²⁰.

Кроме того, в период исламской республики, хотя не так явно и в меньшем объеме, чем при монархическом режиме, фактически не прекращалось оказание финансовой и технической помощи развитию различных капиталистических хозяйств, в первую очередь агропромышленных комплексов, скотоводческих и птицеводческих ферм²¹.

Учитывая заинтересованность руководства исламской республики в ускорении темпов роста сельскохозяйственного производства и особенно его продовольственных отраслей, стремление правительства к решению этой важной задачи наиболее быстрым и эффективным для сегодняшней иранской деревни способом, можно, пожалуй, ожидать не только восстановления, но и расширения и укрепления позиций капиталистического предпринимательства в растениеводстве и животноводстве, ослабленных в первые годы существования исламской республики.

Невзирая на серьезные сдвиги, которые прослеживались в капиталистической трансформации сельскохозяйственного производства в 60—70-х годах, Иран по масштабам и уровню капиталистического предпринимательства в растениеводстве и животноводстве в целом по-прежнему намного уступал Турции. Принимая во внимание гораздо более высокий исходный уровень капиталистической трансформации сельскохозяйственного производства Турции, такой разрыв в развитии капиталистического предпринимательства в деревне названных стран в значи-

тельной мере объясняется необычайно высокой для стран Ближнего и Среднего Востока активностью частного сектора в сельскохозяйственных районах Турции. Следует учитывать также, что в Турции аграрная политика государства больше, чем в других странах, была подчинена интересам капиталистического преобразования растениеводства и животноводства.

В отличие от Ирана в сельскохозяйственном производстве Турции капиталистическое предпринимательство, как уже говорилось, заметное распространение получило еще до второй мировой войны. В дальнейшем, особенно в 70-х — первой половине 80-х годов, его развитие намного ускорилось. Это стимулировалось прежде всего расширением возможностей поставок продукции указанных отраслей на внешний, а также внутренний рынок. При этом с развитием промышленности, ростом городов и урбанизации, углублением специализации в сельскохозяйственном производстве значение внутреннего рынка все более повышалось, и он постепенно превращался в основную опору капиталистического предпринимательства в деревне.

Очень важную роль в укреплении позиций капиталистического предпринимательства в сельскохозяйственном производстве Турции играло государство. Рассматривая капиталистическое предпринимательство как основное средство преодоления кризиса аграрного строя, ускорения темпов роста растениеводства и животноводства, решения продовольственного вопроса, снабжения промышленности сырьем и расширения поставок на экспорт, государство оказывало ему преимущественную и все возрастающую финансовую поддержку, облегчало условия реализации продукции на внешнем и внутреннем рынке, приобретения сельскохозяйственных машин, минеральных удобрений и иных материалов, необходимых для ведения современного производства.

В послевоенный период развитие капиталистического предпринимательства в сельскохозяйственном производстве Турции, как и раньше, происходило в основном по линии переустройства полуфеодальных хозяйств в капиталистические. Ведущими носителями этого процесса по-прежнему были крупные и средние полуфеодальные помещики. Но вместе с тем в процесс капиталистического предпринимательства все более втягивались мелкие помещики и зажиточные крестьяне, а также представители состоятельных слоев города.

В процесс капиталистической трансформации сельскохозяйственного производства Турции в 70-х — первой половине 80-х годов постепенно включались и национальные монополии, занимающиеся переработкой сельскохозяйственного и животноводческого сырья. Они создавали крупные хозяйства, которые обеспечивались сельскохозяйственными машинами и другими элементами современного производства, квалифицированными кадрами, автомобильным транспортом, складскими помещениями и т. д. Вместе с тем в сельскохозяйственных районах наблюдал-

ся заметный рост акционерных компаний, которые создавали крупные современные хозяйства, использовавшие индустриальные методы труда. При этом все более частым явлением становилось создание агропромышленных комплексов, которые основывались при активном участии промышленной и торговой буржуазии и нередко при участии государства. С 1975 г. значительные кредиты на создание агропромышленных комплексов и других капиталистических хозяйств выделял Международный банк реконструкции и развития²².

Важное место в капиталистическом преобразовании растениеводства Турции, как и других стран капиталистической ориентации на Ближнем и Среднем Востоке, занимало создание агропромышленных комплексов в сфере производства и переработки продукции высокотоварных культур. Центрами организации таких агропромышленных комплексов обычно были государственные, частные и смешанные предприятия по переработке продукции тех или иных культур. Названные предприятия, как правило, не имели земледельческих ферм, но через систему контракций, авансирования и т. д. они настолько подчиняли себе хозяйства, производящие соответствующую их профилю продукцию, что собственники этих хозяйств фактически превращались в своеобразных капиталистических рабочих на дому.

Особенно отчетливо механизм деятельности рассматриваемых агропромышленных комплексов проявлялся в производстве и переработке сахарной свеклы. Компания сахарных заводов (государственных, смешанных и частных) ежегодно заключала соглашения с различными группами свекловодческих хозяйств, в которых оговаривались размеры производства в районе того или иного завода и условия закупок продукции. Компания предоставляла свекловодам денежные ссуды, оказывала помощь квалифицированными кадрами и т. д. В рамках рассматриваемых агропромышленных комплексов Компании сахарных заводов действовали кооперативы свекловодов, которые в 1976 г. объединяли 442,5 тыс. крестьян²³. Через эти кооперативы осуществлялось снабжение свекловодов сельскохозяйственными машинами и другими элементами современного производства. Материальную помощь (как непосредственно, так и через кооперативы) Компания сахарных заводов осуществляла в зависимости от состоятельности хозяйств, что способствовало укреплению, расширению и капиталистической трансформации зажиточных хозяйств. Надо также отметить, что при сахарных заводах на базе отходов производства создавались капиталистические животноводческие фермы со стойловым содержанием скота²⁴.

Важную роль в развитии агропромышленных комплексов играли также сбытовые кооперативы, которые обслуживали в первую очередь нужды зажиточных крестьян — поставщиков товарной продукции на внутренний и внешний рынок и пользовались неослабным вниманием государства, оказывавшего им все возрастающую финансовую поддержку²⁵. Союзу сбытовых кооперати-

вов Эгейского района (он объединял 41 тыс. хозяйств) в конце 70-х годов принадлежала самая мощная в Турции фабрика по производству хлопчатобумажной пряжи, крупные предприятия по производству растительного масла, виноградного сока и т. д. Этот союз на условиях, аналогичных тем, какие наблюдались в сахарном производстве, контролировал производство и переработку хлопчатника и ряда других культур. Такую же в принципе роль играли: в производстве и переработке хлопчатника в юго-восточных районах Турции Союз бытовых кооперативов «Чукобирлик», а в производстве и переработке фундука в причерноморских областях — «Фискобирлик»²⁶.

В 70-х годах — первой половине 80-х годов ускорились (преимущественно под влиянием расширения внутреннего спроса) развитие капиталистического предпринимательства и в животноводстве, что проявилось прежде всего в создании в окрестностях крупных городов (Стамбула, Анкары и других) и близлежащих сельских районах скотоводческих и птицеводческих ферм, ориентировавшихся на снабжение этих потребительских центров мясной и молочной продукцией, яйцами и т. д. В этих хозяйствах особенно отчетливо проявился постепенный переход к индустриальным методам производства. Их внедрению в животноводстве в немалой степени способствовала деятельность государства, которое всячески поощряло и принимало непосредственное участие в строительстве предприятий по переработке продукции животноводства и комбикормовых заводов, оказывало финансовую и иную поддержку частному сектору в создании скотоводческих и птицеводческих ферм, в организации сбыта их продукции и т. д. Протекционистские мероприятия государства стимулировали развитие капиталистического предпринимательства и в районах, где в животноводстве преобладали традиционные методы ведения хозяйства (использование пастбищ в качестве основной кормовой базы). И хотя в этих районах капиталистическое предпринимательство по-прежнему охватывало преимущественно сферу обращения, и прежде всего реализацию продукции, тем не менее и здесь уже заметную роль играли хозяйства капиталистического типа. Рост капиталистического предпринимательства в животноводстве, как и в растениеводстве, сопровождался усилением специализации отдельных районов на производстве определенных видов скотоводческой или птицеводческой продукции²⁷.

По ориентировочным подсчетам П. П. Моисеева, в капиталистических хозяйствах, которые велись на собственной, а частично и арендованной у полуфеодалных помещиков и низших групп крестьян земле, во второй половине 60-х годов было сосредоточено 35—40% обрабатываемых площадей. На их долю приходилось не менее 50% валовой продукции растениеводства и подавляющая часть его товарной продукции²⁸. Нельзя, однако, не сказать, что такой высокий удельный вес частного капиталистического сектора в турецком растениеводстве в извест-

ной мере имел условный характер. На это указывало в первую очередь весьма широкое использование во многих хозяйствах капиталистического сектора (и прежде всего в тех, которые формировались на базе переустройства полуфеодалных хозяйств в капиталистические) традиционных форм эксплуатации крестьян и наемных рабочих.

Исходя из особенностей аграрной эволюции и основываясь на данных о распределении обрабатываемых площадей между различными группами хозяйств, о масштабах распространения сельскохозяйственных машин и потребления минеральных удобрений в турецком растениеводстве, можно ориентировочно предположить, что на рубеже 70—80-х годов не менее 50% возделываемых земель находилось в распоряжении разного типа капиталистических хозяйств и хозяйств, вступивших на путь капиталистического предпринимательства. В этой связи представляется очевидным, что капиталистический уклад, несмотря на «засоренность» его различными формами традиционных отношений, уже занимал в турецкой деревне (принимая во внимание и перспективы развития) господствующее положение. По мнению Н. Г. Киреева, капиталистическое предпринимательство в большинстве сельскохозяйственных районов Турции достигло такого размаха, что в той или иной форме подчиняло себе всю экономическую жизнь деревни²⁹.

Рост капиталистического предпринимательства в растениеводстве и животноводстве Турции не сопровождался, однако, достаточным выходом продукции названных отраслей. И это в немалой степени определялось тем, что даже в рамках крупных капиталистических хозяйств и агропромышленных комплексов растениеводство и животноводство Турции отличались низким уровнем организации производства и агрономической службы, страдали от нехватки квалифицированных кадров, трудностей сбыта и т. д. В результате, невзирая на широкое применение тракторов, комбайнов, минеральных удобрений и иных средств интенсификации производства, растениеводство и животноводство Турции, по мнению западных экспертов, сохраняли во многом отсталый характер и не обеспечивали необходимых темпов роста продукции, хотя по природно-климатическим условиям Турция может быть житницей стран Ближнего и Среднего Востока³⁰.

Капиталистическая трансформация сельскохозяйственного производства в Турции сопровождалась усилением имущественной и социальной дифференциации в деревне, ростом обезземеливания крестьян и сгона их с обрабатываемых участков, углублением процесса разорения и обнищания среди низших прослоек сельскохозяйственного населения³¹. Прямым следствием этих и других негативных итогов роста капиталистического предпринимательства в сельскохозяйственном производстве (итогов, в принципе общих для значительной части стран Ближнего и Среднего Востока, но в Турции особенно ярко выражен-

ных) стало усиление недовольства трудящихся деревни, которое нередко перерастало в открытые выступления крестьян и сельскохозяйственных рабочих и объективно все более приобретало антикапиталистическую окраску³².

Развитие капиталистического предпринимательства в сельскохозяйственном производстве Египта имеет длительную и довольно сложную историю, отличается серьезными особенностями, которые проявились прежде всего в том, что с осуществлением в 50—60-х годах аграрной реформы на передовые позиции в капиталистической трансформации растениеводства и животноводства выдвинулись хозяйства зажиточных крестьян, мелких и отчасти средних обуржуазившихся помещиков.

Между тем, как показывает в своем фундаментальном исследовании аграрной эволюции Египта в последней четверти XIX — первой половине XX в. Л. А. Фридман, в предшествующий аграрным преобразованиям период ведущее место в капиталистической трансформации сельскохозяйственного производства страны занимали средние и крупные обуржуазившиеся помещики. Они прежде всего под влиянием повышения спроса на мировом рынке на хлопок и иную продукцию египетского растениеводства на части своих земель зачастую переходили сначала к организации самостоятельного хозяйства на базе отработочной ренты, а затем и к возделыванию этих земель на базе применения сельскохозяйственных машин и использования наемного труда. Этот процесс накануне аграрных преобразований получил в египетской деревне заметное развитие. По масштабам использования сельскохозяйственных машин и иных элементов современного производства Египет на рубеже 40—50-х годов, как отмечал Л. А. Фридман, обгонял другие страны Ближнего и Среднего Востока, включая Турцию³³.

С началом осуществления в Египте с 1952 г. аграрной реформы и программы массового кооперирования крестьян, с проведением в деревне (в рамках официально объявленного в 1962 г. курса на социалистическую ориентацию общественного развития) серии антикапиталистических мероприятий (во всяком случае, на первых порах) прослеживалось значительное замедление темпов капиталистической трансформации сельскохозяйственного производства, сужение сферы крупного капиталистического предпринимательства.

Сдерживающее воздействие на формирование фонда накопления в растениеводстве Египта оказывала жесткая система обязательных поставок основных видов земледельческой продукции по твердым (как правило, очень низким) закупочным ценам, серьезно тормозившая процесс модернизации и расширения производства как в капиталистических, так и в мелкотоварных хозяйствах.

Кроме того, усиление и без того мощного демографического давления на землю (с заложенными в нем источниками обострения социальных и политических противоречий) серьезно тор-

мозило развитие капиталистического предпринимательства в растениеводстве и животноводстве Египта.

Невзирая на все это, в сельскохозяйственном производстве Египта в 60-х годах наблюдалось заметное расширение сферы капиталистического предпринимательства, которое пользовалось немалой поддержкой государства³⁴.

По оценке итогов аграрных преобразований 50—60-х годов представителем прогрессивной египетской общественности А. аль-Масри, развитие капиталистического предпринимательства в сельскохозяйственном производстве свидетельствует о том, что аграрные преобразования в египетской деревне не были радикальными и поэтому не могли «помешать непрерывному воспроизводству капиталистических отношений в деревне, где сельская буржуазия становилась господствующим классом»³⁵. Расширение капиталистического предпринимательства в деревне и усиление экономической и политической активности сельскохозяйственной буржуазии Египта, очевидно, явилось одним из факторов, обусловивших (после смерти Г. А. Насера в сентябре 1970 г.) постепенный отход египетского правительства от курса на социалистическую ориентацию общественного развития³⁶.

По мнению большинства зарубежных исследователей, в 60-х — начале 70-х годов доминирующие позиции в египетской деревне заняли хозяйства зажиточных крестьян и мелких помещиков с участками размером от 10 до 50 федд. (от 4,2 до 21 га). В значительной части этих хозяйств производство велось капиталистическими методами и все же, особенно в нижних группах этих хозяйств, широко использовался ручной труд. Так, по данным проведенного в 1979 г. обследования пяти селений в дельте Нила, в хозяйствах с участками от 10 до 50 федд. на труд с использованием сельскохозяйственных машин приходилось 13% рабочего времени, на труд с использованием рабочего скота — 3,8%, на ручной труд — 83,2%³⁷. Косвенно на преобладание ручного труда в богатых хозяйствах указывал и необычайно высокий удельный вес наемных рабочих в общем числе занятых в растениеводстве и животноводстве³⁸.

Наиболее широкое применение сельскохозяйственных машин и наемного труда было характерно для хозяйств средних помещиков, обладавших земельными участками от 50 до 100 федд.³⁹

Зажиточные крестьяне, обуржуазившиеся мелкие и средние помещики составили в египетской деревне основу новой элиты, которая блокировалась с городской буржуазией и выступала против углубления аграрных преобразований, за «либерализацию» аграрной политики⁴⁰. Следует, однако, напомнить, что среди крупных землевладельцев в египетской деревне с осуществлением аграрной реформы проявлялась известная инертность к организации на своих землях капиталистического производства. Такие настроения в заметной степени сохранялись и после вступления на пост президента А. Садата, который в 1974 г.

открыто провозгласил курс «либерализации» экономической жизни и проведения политики «открытых дверей». В соответствии с новым курсом в египетской деревне приступили к осуществлению серии мероприятий, противоречивших целям аграрной реформы и стимулировавших рост капиталистического предпринимательства в растениеводстве и животноводстве.

Представителям сельскохозяйственной буржуазии государство обеспечивало льготные условия приобретения сельскохозяйственных машин, минеральных удобрений и других элементов современного производства. Так, при покупке сельскохозяйственных машин им предоставлялись льготные ссуды, отпускалось топливо по субсидируемым ценам и т. д.⁴¹ В соответствии с планом развития на 1982/83—1986/87 гг. намечалось открыть 150 станций по обслуживанию сельскохозяйственных машин, и 27 таких станций к середине 1985 г. уже вступили в строй. При них организуются центры по обучению крестьян новым методам сельскохозяйственного производства⁴².

Кроме того, улучшаются условия покупки и аренды государственных земель представителями сельскохозяйственной буржуазии и городских деловых кругов⁴³. Обширные массивы государственных земель передаются в аренду национальным, смешанным и иностранным компаниям для осуществления на них различных проектов в сфере растениеводства и животноводства⁴⁴, в том числе для строительства агропромышленных комплексов⁴⁵.

Рост капиталистического предпринимательства в сельскохозяйственном производстве Египта проявился прежде всего в расширении фонда обрабатываемых земель зажиточных крестьян и помещиков (до середины 70-х годов отмечалась тенденция к его сокращению). Фонд обрабатываемых земель хозяйств, которые располагали участками размером 10 федд. и более и велись преимущественно капиталистическими методами, увеличился с 1091,2 тыс. федд. (458,3 тыс. га) в 1974 г. до 1226,9 тыс. федд. (515,3 тыс. га) в 1977 г., или на 12,4%. Удельный вес возделываемых площадей рассматриваемых хозяйств в общем фонде обрабатываемых земель повысился с 18,2% до 20%⁴⁶.

Позиции капиталистического предпринимательства в сельскохозяйственном производстве Египта еще более упрочились в конце 70-х — первой половине 80-х годов в связи с усилением курса правительства, направленного на стимулирование частной инициативы в сфере растениеводства и животноводства.

Активизировалась деятельность состоятельных хозяйств частного сектора в овощеводстве и особенно в садоводстве, на которые не распространялась система обязательных поставок и продукция которых пользовалась устойчивым спросом на внутреннем и внешнем рынке. Еще в 1961 г. богатым хозяйствам с участками 20 федд. и более принадлежало 66% земель под фруктовыми насаждениями⁴⁷. Во многом за счет расширения производства в этих хозяйствах площадь под садовыми культу-

рами с 55 тыс. га в 1960 г. увеличилась до 102 тыс. га в 1970 г., 152 тыс. га в 1980 г. и 170 тыс. га в 1983 г.⁴⁸

Укреплялись позиции капиталистического предпринимательства и в животноводстве, чему в немалой степени способствовало предоставление состоятельным хозяйствам правительством Египта в 70-х — начале 80-х годов различных льгот в области налогообложения, поставок комбикормов и т. д. Правда, в животноводстве интересы богатых хозяйств опраничивались в основном сферой птицеводства, где они наряду с государственными хозяйствами занимали господствующее положение⁴⁹.

В то же время состоятельные хозяйства в египетской деревне, несмотря на известные сдвиги, не овладели в 70-х — начале 80-х годов сколько-нибудь значительными позициями в скотоводстве, где, как показывают различные обследования, по-прежнему преобладали мелкотоварные хозяйства⁵⁰. Между тем в большинстве арабских стран Ближнего и Среднего Востока ведущее место в скотоводстве занимали богатые высокотоварные хозяйства. Такое положение наблюдалось, например, в скотоводстве Саудовской Аравии и даже Алжира⁵¹.

Развитие капиталистического предпринимательства в египетской деревне сопровождалось ростом имущественного и социального неравенства среди сельскохозяйственного населения, расширением миграции жителей деревни в городские центры и за рубеж⁵². При этом миграция достигала такого размера, что в период посева и уборки нередко ощущалась нехватка рабочей силы⁵³.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что рост капиталистического предпринимательства в сельскохозяйственном производстве (около $\frac{1}{4}$ фонда обрабатываемых земель) не сопровождался заметным повышением выхода продукции растениеводства и животноводства.

Такие итоги еще раз подтверждают, что в условиях необычайно высокого демографического давления на землю и огромной парцелляции землевладения и землепользования в Египте курс на модернизацию сельскохозяйственного производства на базе частного капиталистического предпринимательства (вопреки ощущающейся в египетской деревне объективной потребности в производственном кооперировании крестьян) представляется бесперспективным как с экономической, так и особенно с социальной точки зрения. Продолжение в будущем этого курса (как отчасти показывает опыт 70-х — первой половины 80-х годов) едва ли вызовет позитивные сдвиги в растениеводстве и животноводстве, но, несомненно, приведет к дальнейшему обострению и углублению социальных противоречий в египетской деревне.

О масштабах распространения капиталистического предпринимательства в растениеводстве и животноводстве стран Ближнего и Среднего Востока, придерживающихся капиталистического пути развития, в немалой степени свидетельствуют данные о

Таблица 8

Применение тракторов в сельскохозяйственном производстве Турции, Ирана и Египта в 1960—1983 гг. *

Год	Турция			Иран			Египет		
	Посевная площадь, тыс. га	Число тракторов, тыс.	Площадь на 1 трактор, га	Посевная площадь, тыс. га **	Число тракторов, тыс.	Площадь на 1 трактор, га	Посевная площадь, тыс. га	Число тракторов, тыс.	Площадь на 1 трактор, га
1960	15 305	42,1	364	5954	5,8	1027	4300	11,5	374
1965	15 294	54,7	280	6497	14,5	448	4275	14,5	295
1970	15 591	105,9	147	8191	21,5	381	4413	17,3	255
1971	15 924	118,8	134	8607	22,9	376	4407	17,6	250
1972	16 047	136,7	118	9002	26,9	335	4445	18,5	240
1973	16 062	156,1	103	9519	31,7	300	4480	20,0	224
1974	16 154	200,1	81	9817	35,5	277	4514	20,9	216
1975	16 241	243,1	67	9935	41,3	248	4568	21,5	212
1976	16 343	281,8	58	9629	48,5	199	4577	22,0	208
1977	16 531	320,6	52	9462	56,1	189	4532	22,5	201
1978	16 349	370,3	44	9522	—	—	4540	23,5	192
1979	16 607	402,8	41	9503	70,9	134	4576	24,5	187
1980	16 372	437,4	37	9506	—	—	4523	25,0	181
1981	16 711	458,7	36	9800	—	—	4583	25,5	180
1982	16 967	494,0	35	10 243	93,1***	110	4525	—	—
1983	17 164	513,5	33	10 390	—	—	4478	—	—

* Составлено и подсчитано по: Кашаниан Х. Сармайегозари-йе кешаварзи дар Иран. Тегран, 1968, с. 71—73; Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи сал-е 1351 (1972/73). Тегран, 1974, с. X; Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи сал-е 2533 (1974/75). Тегран, 1977, с. III; Иран дар аянэ-йе амар. Тегран, 1982, с. 36; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1361 (1982/83). Тегран, 1984; Statistical Yearbook of Turkey, 1977. Ankara, 1978, с. 165, 177; Statistical Yearbook of Turkey, 1981. 1982, с. 188—189; Statistical Yearbook of Turkey, 1985. 1986, с. 210, 230; Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1972. Cairo, 1973, с. 27; Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1977. 1978, с. 23; National Bank of Egypt. Economic Bulletin. Cairo, 1985, № 1, с. 76; Statistical Yearbook, 1971. N. Y., 1972, с. 93—94; Statistical Yearbook, 1977. 1978, с. 100—102; Statistical Yearbook, 1982, 1985, с. 551—552.

** Преимущественно оценка в связи с отсутствием обобщающих данных за ряд лет и значительными расхождениями в сведениях о площадях под посевными зерновыми культурами, и прежде всего пшеницей.

*** Без Курдистана и Западного Азербайджана.

динамике использования в сельском хозяйстве Турции, Ирана и Египта элементов современного производства, и прежде всего сельскохозяйственных машин.

Значительный рост в 60-х и особенно 70-х — начале 80-х годов использования машин в растениеводстве и животноводстве во многом способствовал ускорению темпов капиталистической трансформации сельскохозяйственного производства, ибо в условиях господства частной собственности на основные средства производства «применение машин к земледелию, — как подчеркивал В. И. Ленин, — носит капиталистический характер, т.е. ведет к образованию капиталистических отношений и к дальнейшему развитию их»⁵⁴.

Особенно интенсивно процесс механизации сельскохозяйственного производства протекал в Турции, о чем наглядно свидетельствует сопоставление данных о росте применения тракторов в сельскохозяйственных районах Турции, Ирана и Египта (табл. 8).

В турецкой деревне число тракторов увеличилось с 42,1 тыс. в 1960 г. до 105,9 тыс. в 1970 г. и 437,4 тыс. в 1980 г., что отражает высокие темпы технического переоснащения растениеводства, осуществлявшегося при непосредственной и все возрастающей поддержке государства. И если в 1960 г. в среднем один трактор приходился на 364 га посевных площадей, то в 1970 г. — на 147 га и в 1980 г. — на 37 га. Если в 1965 г. по обеспечению тракторами (в расчете на единицу посевных площадей) турецкое земледелие превосходило земледелие Ирана в 1,6 раза, а Египта в 1,1 раза, то в 1980 г. уже в 3,6 раза и в 4,9 раза.

При этом, однако, распределение сельскохозяйственных машин (как и иных средств интенсификации производства) по экономическим районам отличалось в Турции крайней неравномерностью. Так, если в 1980 г. (по данным сельскохозяйственной переписи) по республике в целом один трактор приходился на 40,8 га обрабатываемых земель⁵⁵, в Эгейском районе — на 24,2 га, в Мраморноморском — на 20,2 га, в Средиземноморском — на 33,4 га, то в Северо-восточном — на 118,9 га и Юго-восточном районе — на 175,1 га. Аналогичная ситуация наблюдалась и в распределении по районам большинства других видов сельскохозяйственных машин⁵⁶.

Такое распределение средств механизации — убедительное подтверждение того, что в сельскохозяйственном производстве восточных областей Турции еще преобладало применение традиционных орудий труда, даже вспашка по-прежнему зачастую осуществлялась при помощи деревянных плугов-карасапанов. Немалое число подобных сельскохозяйственных хозяйств, особенно среди их низших групп, сохранялось и в других областях страны⁵⁷.

Тем не менее если рассматривать сельскохозяйственное производство Турции в целом, то можно сказать, что техническую базу большинства хозяйств обуржуазившихся помещиков и зажиточных крестьян уже в значительной мере составляли механизированные орудия производства. Механизация в той или иной степени постепенно охватывала середняцкие и даже бедняцкие хозяйства. Косвенно об этом свидетельствуют, например, данные о том, что в 1973 г. тракторы использовали 31,1% хозяйств с участками до 2 га, 45,9% — с участками от 2 до 5 га, 70,9% — с участками от 5 до 10 га, 74,1% — с участками от 10 до 20 га, 84% — с участками от 20 до 50 га, 80,6% хозяйств с участками от 50 до 100 га и 100% хозяйств с участками 100 га и более⁵⁸.

При этом земли мелких крестьянских хозяйств возделывались сельскохозяйственными машинами преимущественно на условиях аренды, которая получила широкое распространение в сельскохозяйственном производстве Турции⁵⁹. В качестве арендо-

датель выступали богатые землевладельцы, получавшие от этих операций немалые добавочные доходы, а также представители так называемой машинной буржуазии, которая превратилась во влиятельную силу в турецкой деревне⁶⁰.

Довольно высокие темпы роста применения в турецкой деревне сельскохозяйственных машин отражали прежде всего и главным образом рост капиталистического предпринимательства, усиление его наступления как на позиции полуфеодалных помещиков, так и на позиции крестьян-собственников. Применение зерноуборочных комбайнов⁶¹, культиваторов и иных машин достигло в турецком земледелии таких масштабов, что позволяет поговорить о вступлении турецкого растениеводства (хотя и в ограниченных формах и в границах, очерченных главным образом распространением капиталистического предпринимательства) в стадию комплексной механизации производства. Вместе с тем следует отметить, что в 70-х — первой половине 80-х годов прослеживался довольно быстрый рост использования современных орудий труда и в животноводстве⁶².

Рост разрыва в обеспечении сельскохозяйственными машинами между земледелием Турции, с одной стороны, и Египта и Ирана — с другой, ни в коей мере не отрицает значительных сдвигов, которые в 60—70-х годах прослеживались в механизации растениеводства последних двух стран, и прежде всего Ирана.

Под влиянием роста капиталистического предпринимательства в растениеводстве и животноводстве Ирана, осуществления под эгидой государства проектов «зеленой революции» и других мероприятий, призванных обеспечить предпосылки для форсированного переустройства сельскохозяйственного производства на индустриальной основе, число тракторов в иранской деревне увеличилось с 6,7 тыс. в 1962/63 г. до 22,9 тыс. в 1971/72 г., 35,5 тыс. в 1974/75 г. и 56,1 тыс. в 1977/78 г., зерноуборочных комбайнов — с 1,2 тыс. в 1965/66 г. до 2,5 тыс. в 1974/75 г. и 2,8 тыс. в 1977/78 г.⁶³. В растениеводстве расширялось и применение других сельскохозяйственных машин⁶⁴.

По сравнению с предреформенным периодом механизация производства в иранском растениеводстве в той или иной степени охватывала значительную часть земледельческих районов страны. Наиболее широкое использование сельскохозяйственных машин наблюдалось в остане Мазендеран, в котором шахрестан Горган был районом почти сплошной механизации. В 1971/72 г. на Мазендеран приходилось 17,9% тракторов, 53,2% комбайнов и 49,5% остальных сельскохозяйственных машин, в 1974/75 г. — 13,8% тракторов, 25,5% комбайнов, 51,8% — культиваторов⁶⁵. Довольно высокий (по иранским стандартам) уровень механизации растениеводства прослеживался и в ряде районов торгового земледелия Центрального остана, Западного и Восточного Азербайджана, Курдистана, Керманшаха, Исфахана, Фарса, Хорасана, Хузестана. Однако в большинстве сель-

скохозяйственных районов страны механизация производства находилась на довольно низком уровне и зачастую ограничивалась применением тракторов при вспашке полей.

По данным сельскохозяйственной переписи, в 1974/75 г. вспашка полей при помощи тракторов в иранском земледелии охватывала 64,4% посевных площадей. При этом в хозяйствах с участками 100 га и более она осуществлялась на 94,4% земель под посевами однолетних культур, в хозяйствах с участками от 50 до 100 га — на 85,4%, от 10 до 50 га — на 64,7%, от 5 до 10 га — на 56,5%, от 2 до 5 га — на 44,9%, от 1 до 2 га — на 30,3%, в хозяйствах с участками до 1 га на 25,2% земель под посевами однолетних культур⁶⁶. Эти данные (хотя они, очевидно, несколько преувеличенные) свидетельствуют о том, что механизация производства в иранском растениеводстве (во всяком случае, на ее первичной стадии) получила весьма значительное развитие не только в капиталистических, но в заметной степени и в мелкотоварных крестьянских хозяйствах.

В 1976/77—1978/79 гг. в иранской деревне прослеживалось, однако, замедление темпов механизации растениеводства, что подтверждается сокращением платежеспособного спроса на сельскохозяйственные машины⁶⁷. Это, в свою очередь, как отмечалось в иранской прессе, во многом предопределялось резким повышением цен на сельскохозяйственные машины, нехваткой и дороговизной запасных частей и ремонтного обслуживания, недостатком квалифицированных рабочих и технических специалистов и т. д.⁶⁸.

Низкие темпы механизации наблюдались в иранской деревне и в 1979/80—1980/81 гг., что в значительной мере было следствием общего спада экономической деятельности в стране, заметного сужения сферы капиталистического предпринимательства в сельскохозяйственном производстве на начальной стадии существования исламской республики, сокращения материальной и технической помощи государства растениеводству и животноводству и воздействия ряда иных факторов. Однако в 1981/82 и особенно в 1982/83 г. появились явные признаки того, что механизация сельскохозяйственного производства в Иране вновь набирает силу. Это объяснялось постепенной стабилизацией экономического положения в стране; расширением государственных мероприятий, призванных форсировать модернизацию сельскохозяйственного производства и на этой базе повысить темпы роста растениеводства и животноводства; усилением спроса в деревне на различные средства интенсификации производства, в том числе на сельскохозяйственные машины. Следует отметить, что повышение спроса на сельскохозяйственные машины в иранской деревне было и следствием известного оживления там капиталистического предпринимательства. Этому в немалой степени способствовало то, что в аграрной политике исламской республики при решении насущных сельскохозяйственных задач постепенно все более обнаруживалось

стремление опереться на зажиточные слои деревни. Это довольно отчетливо проявилось и при сбыте государством сельскохозяйственных машин. Так, при продаже тракторов в индивидуальное пользование предпочтение отдавалось лицам, имеющим участки размером не менее 40 га оливной или 60 га богарной земли и непосредственно занятым в сельскохозяйственном производстве⁶⁹.

По официальным данным, в 1980/81 г. в иранской деревне было продано 12,8 тыс. тракторов (в 1977/78 г. — 10,3 тыс.), в 1981/82 г. — 14,7 тыс., в 1982/83 г. — 29 тыс., в 1983/84 г. — 32,9 тыс. тракторов. Намного возросла и продажа других сельскохозяйственных машин⁷⁰. Спрос на сельскохозяйственные машины не ослабевал и в дальнейшем, причем в основном он удовлетворялся за счет продукции заводов сельскохозяйственных машин в Тебризе и Араке⁷¹.

В формировании в иранской деревне довольно высокого спроса на сельскохозяйственные машины важную роль играет и то, что государство в 1984 г. с помощью подведомственных ему организаций приступило к осуществлению обширных проектов «зеленой революции» на богарных землях под посевами пшеницы. Для реализации этих и других проектов развития сельскохозяйственного производства оно всячески стимулировало использование средств механизации⁷².

В связи с провозглашением широких программ модернизации растениеводства и животноводства в иранской прессе неоднократно высказывалась серьезная озабоченность неподготовленностью деревни (прежде всего с точки зрения обеспечения ее квалифицированными кадрами) к внедрению современных средств интенсификации производства, к эффективному использованию сельскохозяйственных машин⁷³. Эта проблема, в принципе общая для всех стран Ближнего и Среднего Востока, в Иране ощущалась особенно остро из-за утечки из страны технических специалистов⁷⁴, из-за «исламских реформ» системы просвещения и т. д.

По темпам роста механизации сельскохозяйственного производства Египет в 60—70-х годах уступал не только Турции, но и Ирану (табл. 8). Это обуславливалось как меньшими размерами государственной помощи развитию растениеводства и животноводства, так и спецификой орошаемого земледелия, преобладанием в египетской деревне мелких и средних капиталистических хозяйств, очень емким рынком рабочей силы, необычайно широкой парцелляцией землепользования и рядом иных причин.

Тем не менее и в египетском растениеводстве в 60—70-х годах наблюдался значительный рост механизации производства. Так, число тракторов в египетской деревне увеличилось с 11,5 тыс. в 1960 г. до 17,3 тыс. в 1970 г. и 25 тыс. в 1980 г. (табл. 8), а зерноуборочных комбайнов — с 1,7 тыс. в 1969—1971 гг. до 2,4 тыс. в 1980 г.⁷⁵. Возросло и применение различ-

ных поливочных машин, необходимых для эффективного производства в условиях орошаемого земледелия.

С осуществлением аграрной реформы сельскохозяйственные машины нередко стали приобретать и мелкие хозяйства, особенно включенные в орбиту кооперативов аграрной реформы. Сельскохозяйственные машины приобретали на паях даже хозяйства с участками до 5 федд. (2,1 га). Число тракторов в этих хозяйствах увеличилось с 1950 по 1961 г. с 242 (2,4% всех тракторов) до 848 (6,6%), а стационарных поливочных машин — с 1097 (7,2%) до 5039 (17,1%). В середняцких и зажиточных крестьянских хозяйствах (с участками от 5 до 10 федд. и от 10 до 20 федд.) число тракторов за те же годы возросло с 527 (5,3%) до 2510 (19,6%), стационарных поливочных машин — с 4213 (27,8%) до 10 530 (35,8%).

Таким образом, уже в период осуществления программы первого этапа аграрной реформы наблюдались заметные изменения в технической базе крестьянских хозяйств. Вместе с тем изменения в технической оснащенности крупных хозяйств (с участками 20 федд. и более) в 1950—1961 гг. были сравнительно невелики, что отчасти объяснялось сокращением в ходе аграрной реформы землевладения богатых собственников и их опасениями дальнейшего ограничения имений. Число тракторов в крупных хозяйствах увеличилось с 1950 по 1961 г. с 9203 до 9479, стационарных поливочных машин — с 9860 до 13 817, но их доля в общей численности этих сельскохозяйственных машин в стране уменьшилась соответственно с 92,3% до 73,8% и с 65% до 47,1%. Тем не менее крупные хозяйства (2,1% земледельческих хозяйств), которые в 1961 г. располагали 32,6% обрабатываемых земель, намного превосходили остальные хозяйства в техническом оснащении⁷⁶.

В зажиточных крестьянских и помещичьих хозяйствах и в дальнейшем концентрировалась преобладающая часть сельскохозяйственных машин⁷⁷. В значительной мере на базе этих хозяйств формировалась так называемая «машинная буржуазия», которая стала играть заметную роль в деревне как Египта, так и большинства других стран Ближнего и Среднего Востока.

Представители «машинной буржуазии» предоставляли в аренду заинтересованным лицам современные средства производства, выполняли за обусловленную плату разнообразные работы в различных хозяйствах, в том числе и в маломощных крестьянских хозяйствах. При этом возрастала зависимость бедняцких и середняцких хозяйств, принимавших такие «услуги» от богатых крестьян и помещиков — собственников средств механизации⁷⁸.

И все же египетское растениеводство (зачастую даже в рамках капиталистических хозяйств) отличалось сравнительно низким уровнем механизации. Подтверждением этого служит тот факт, что (по данным обследований) в 1978 г. лишь 40% пред-

посевных работ и 20% работ по молотье урожая велось с применением сельскохозяйственных машин. На остальные процессы земледельческого производства механизация распространялась в гораздо меньшей степени. При этом парк сельскохозяйственных машин был в значительной мере представлен устаревшими и изношенными машинами, находившимися в довольно запущенном состоянии⁷⁹. Правда, в конце 70-х — первой половине 80-х годов в результате стимулирующих мероприятий государства и в связи с нехваткой рабочей силы среди обуржуазившихся богатых крестьян и помещиков стало появляться стремление к комплексной механизации своих хозяйств⁸⁰.

Вместе с тем земледелие Египта в заметной степени превосходило растениеводство Турции и Ирана по потреблению минеральных удобрений (табл. 9). В данной связи, не останавливаясь на хорошо известном вопросе о том, что орошаемое земледелие является наиболее благоприятным объектом для эффективного применения минеральных удобрений, следует подчеркнуть, что решающую роль в росте потребления минеральных удобрений в основных отраслях египетского растениеводства сыграли правительственные мероприятия. Именно правительство, озабоченное необходимостью добиться роста поставок на мировой рынок продукции хлопчатника и ряда иных культур, во имя обеспечения этих поставок организовало через кооперативы планомерное снабжение земледельческих хозяйств минеральными удобрениями. Не приходится сомневаться, что значительная доля направлявшихся в растениеводство удобрений попадала в руки зажиточных хозяйств, находившихся в привилегированном положении в большинстве сельских кооперативов Египта.

По состоянию на 1980 г., растениеводство Ирана и Турции по потреблению минеральных удобрений (из расчета на 1 га обрабатываемых земель — без пара) отставало от земледелия Египта приблизительно в 2,5 раза (табл. 9). Учитывая, что климатические и природные условия Турции и особенно Ирана допускают эффективное использование минеральных удобрений лишь на половине обрабатываемых земель, представляется возможным с известными оговорками утверждать, что наблюдавшийся в начале 60-х годов серьезный разрыв в потреблении удобрений в земледелии Египта и земледелии этих стран к середине 80-х годов был фактически устранен.

По сведениям статистических органов Турции, минеральные удобрения в 1975 г. вносились на 24% обрабатываемых земель, в 1980 г. — на 43,6%, в 1982 г. — на 54,7% обрабатываемых земель⁸¹.

Довольно быстрый рост потребления минеральных удобрений и применения ядохимикатов первоначально происходил (как неоднократно отмечалось в турецкой прессе) за счет повышения спроса на них состоятельных земледельческих хозяйств, особенно тех, которые велись капиталистическими мето-

Таблица 9

Потребление минеральных удобрений в растениеводстве Турции, Ирана и Египта в 1960—1983 гг.*

Год	Турция			Иран			Египет		
	Обрабатываемая площадь **, тыс. га	Потребление удобрений		Обрабатываемая площадь **, тыс. га	Потребление удобрений		Обрабатываемая площадь **, тыс. га	Потребление удобрений	
		всего, тыс. т	на 1 га, кг		всего, тыс. т	на 1 га, кг		всего, тыс. т	на 1 га, кг
1960	17 365	37,1	2,1	6 286	17,2	2,7	4355	215,8	49,6
1965	17 599	149,1	8,5	6 910	34,0	4,9	4347	340,5	78,3
1970	18 634	430,8	23,1	8 750	95,0	10,9	4515	372,9	82,6
1971	19 006	494,6	26,0	9 177	177,0	19,3	4512	372,4	82,5
1972	19 230	633,4	32,9	9 623	200,5	20,8	4552	418,7	92,0
1973	19 336	722,6	37,4	10 146	328,8	32,4	4588	404,5	88,2
1974	19 422	723,8	37,2	10 443	332,5	31,8	4629	425,6	92,8
1975	19 474	891,2	45,8	10 555	336,0	31,8	4688	501,2	106,9
1976	19 803	1141,5	57,6	10 249	384,5	37,5	4709	497,2	105,6
1977	19 988	1298,7	65,0	10 082	388,6	38,5	4667	543,2	116,4
1978	19 842	1252,7	63,1	10 197	287,7	28,2	4680	581,2	124,2
1979	20 237	1295,1	64,0	10 217	437,8	42,6	4720	604,2	128,0
1980	19 987	1456,0	72,8	10 382	572,0	55,1	4675	663,5	141,9
1981	20 309	1351,6	66,5	10 530	678,3	64,4	4730	707,9	149,7
1982	20 677	1460,0	70,6	10 970	890,9	81,2	4689	826,6	176,3
1983	20 965	1534,0	64,6	11 120	1038,0	93,3	4648	890,8	191,7

* Подсчитано по материалам национальной и международной статистики: Кашаниан Х. Сармайегозарн-йе кешаварзи дар Иран, с. 71—73; Нетаедже амаргири-йе кешаварзи сал-е 1351 (1972/73), с. X; Нетаедже амаргири-йе кешаварзи... сал-е 2533 (1974/75), с. III; Иран дар аянэ-йе амар. 1982, с. 36; Сальнаме-йе амари-йе кешав сал-е 1361 (1982/83), с. 335—336; Statistical Yearbook of Turkey, 1985, с. 210; Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1972, с. 27; Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1977, с. 23; National Bank of Egypt. Economic Bulletin, 1985, № 1, с. 76; Statistical Yearbook, 1968. N. Y., 1969, с. 512—517; Statistical Yearbook, 1978. 1979, с. 634—650; FAO. Monthly Bulletin of Statistics. 1980, № 3, с. 19—20, 1982, № 3, с. 20—21, 1984, № 3, с. 17—18, 1985, № 4, с. 37—38; UN Statistical Yearbook for Asia and the Pacific, 1983, Bangkok, 1984, с. 252—253.

** Без площадей под паром.

*** Оценка.

дами. Но постепенно эти средства интенсификации производства по инициативе государства и при его поддержке стали использоваться большинством земледельческих хозяйств. Это в значительной степени объясняется тем, что в конце 60-х годов государство выступило инициатором осуществления крупных проектов «зеленой революции» на землях под зерновыми культурами, и прежде всего под посевами пшеницы⁸². В 1973 г. минеральные удобрения применялись уже 68,7% земледельческих хозяйств, ядохимикаты — 60,4%. По данным на тот же год, доля различных групп хозяйств в использовании минеральных удобрений и ядохимикатов характеризуется следующими показателями (%) ⁸³:

Группа хозяйств по размерам обрабатываемой площади, га		Менее 2	2—5	5—10	10—20	20—50	50—100	100 и более
Минеральные удобрения		66,3	66,2	81,1	63,1	68,1	76,6	100,0
Ядохимикаты		53,9	62,8	75,0	58,0	63,0	80,6	95,3

Использование минеральных удобрений и иных средств интенсификации производства в восточных областях, где еще в довольно широких масштабах сохранялись докапиталистические формы эксплуатации трудящихся деревни, намного отставало от их применения в тех сельскохозяйственных районах, которые сравнительно далеко продвинулись в развитии капиталистического предпринимательства. Это подтверждается данными сельскохозяйственной переписи 1980 г. о применении минеральных удобрений и ядохимикатов в различных экономических районах страны. Так, в Эгейском районе минеральные удобрения применялись на землях 95,3% селений, ядохимикаты — на землях 95% селений, Мраморноморском — 98,2% и 91,0%, в Средиземноморском — 98,2% и 81,3%, Черноморском — 95,7% и 57,8%, в Северо-восточных районах 63,5% и 39,3%, в Юго-восточных — 68,6% и 31,5%⁸⁴.

Не менее серьезные сдвиги в применении минеральных удобрений и ядохимикатов происходили в 60—70-х годах и в Иране, что было следствием не только роста капиталистического предпринимательства, но и реализации государством проектов «зеленой революции», предоставления крестьянским хозяйствам, вовлеченным в осуществление названных проектов, минеральных удобрений и ядохимикатов по льготным ценам. По данным сельскохозяйственной переписи, в 1974/75 г. минеральные удобрения применялись в 33,4% земледельческих хозяйств Ирана, на которые приходилось 32,4% земель под однолетними и многолетними культурами. При этом верхние группы хозяйств опережали другие группы по использованию минеральных удобрений, а нижние группы, и прежде всего хозяйства с участками размером до 1 га, занимавшиеся преимущественно выращиванием садовых и иных высокотоварных культур, превосходили остальные группы хозяйств по уровню потребления минеральных удобрений. Так, в 1974/75 г. минеральные удобрения применяли 56,3% хозяйств с участками 100 га и более, 42,9% хозяйств с участками от 50 до 100 га, 23,9% — с участками от 10 до 50 га, 28,4% — с участками от 5 до 10 га, 34,1% — от 2 до 5 га, 47% — от 1 до 2 га, 33,9% хозяйств с участками менее 1 га. Потребление минеральных удобрений в этих группах хозяйств в расчете на 1 га возделываемых земель (без пара) соответственно составляло: 76,2 кг, 51,3 кг, 35,2 кг, 38,1 кг, 62,4 кг, 135,3 кг, 371,6 кг⁸⁵.

Значительно возросло потребление минеральных удобрений в Иране в период исламской республики, что объясняется усилиями государства по обеспечению предпосылок для форсированного роста производства продовольственных культур. В ре-

зультате в начале 80-х годов Иран по внесению минеральных удобрений на единицу площади под однолетними и многолетними культурами в заметной степени обогнал Турцию (табл. 9).

В отличие от стран капиталистической ориентации, где масштабы капиталистического предпринимательства и размеры капиталистических ферм в растениеводстве и животноводстве фактически никак не ограничивались, в странах социалистической ориентации капиталистическое предпринимательство в сельскохозяйственных районах допускалось в известных пределах. Установление этих пределов в каждой отдельной стране находилось в тесной зависимости от возможностей (материальных, технических и т. д.) государства обеспечить решение насущных задач экономического и социального развития деревни на базе создания и укрепления общественных и коллективных хозяйств, расстановки классовых сил (включая расстановку сил на нижних и верхних уровнях национально-демократической власти). Однако такими возможностями (учитывая слабую восприимчивость прудящимися деревни с их частнособственнической психологией новых общественных и коллективных форм производства, влияние традиционной и зарождавшейся буржуазной сельской элиты и т. д.) государство в странах социалистической ориентации в достаточной мере не обладало. И оно было вынуждено в тех или иных масштабах использовать капиталистическое предпринимательство для решения неотложных задач развития сельскохозяйственного производства, особенно его продовольственных отраслей. Поэтому в странах социалистической ориентации, особенно в странах, в сельскохозяйственном производстве которых коллективные и общественные хозяйства еще не завоевали прочных позиций, развитие капиталистического предпринимательства в растениеводстве и животноводстве не только допускалось, но в определенных масштабах даже стимулировалось, хотя и под строгим контролем государства. В результате в растениеводстве и животноводстве ряда стран социалистической ориентации, например в Сирии, наблюдался заметный рост капиталистического предпринимательства, укрепление позиций сельскохозяйственной буржуазии в деревне⁸⁶.

Расширение влияния сельскохозяйственной буржуазии, обычно блокирующей с торговой и промышленной буржуазией города и деревни, а отчасти и с традиционной элитой, способствует, как свидетельствует опыт Египта, упрочению позиций прокапиталистических сил, таит угрозу ослабления революционно-демократической власти. В этой связи перед руководством стран социалистической ориентации встают необычайно важные задачи: не выпускать из-под контроля процесс капиталистического предпринимательства; в процессе расширения и углубления аграрных реформ добиться постепенного вытеснения сельскохозяйственной буржуазии; стимулировать рост и укрепление коллективных и государственных хозяйств, способных заменить

сельскохозяйственную буржуазию в модернизации производства в деревне, в поставках продукции растениеводства и животноводства на городские рынки.

В 60-х и особенно в 70-х — первой половине 80-х годов в растениеводстве и животноводстве стран Ближнего и Среднего Востока в связи с ускорением роста капиталистического предпринимательства прослеживалось довольно быстрое расширение сферы капиталистического применения наемного труда, заметное повышение удельного веса лиц наемного труда в общей массе сельскохозяйственного населения этих стран. Расширение масштабов капиталистической эксплуатации проявлялось прежде всего в росте использования постоянной рабочей силы (особенно квалифицированных рабочих, занятых обслуживанием сельскохозяйственных машин, подготовкой и внедрением различных средств интенсификации производства), а также сельскохозяйственных специалистов среднего и высшего звена.

Особенно ощутимые сдвиги в капиталистическом применении наемного труда прослеживались в сельскохозяйственном производстве Турции, которая среди стран Ближнего и Среднего Востока отличалась наиболее высоким уровнем развития современного производства в растениеводстве и животноводстве.

В 1960 г. число лиц наемного труда в сельскохозяйственном производстве Турции оценивалось статистическими органами республики в 677 тыс., из которых 100—150 тыс. составляли постоянные рабочие⁸⁷. В 1975 г., по данным всеобщей переписи населения, в различных отраслях сельскохозяйственного производства (включая лесоводство, рыболовство и охоту⁸⁸) было занято 1020,6 тыс. наемных рабочих, основную часть которых составляли постоянные сельскохозяйственные рабочие преимущественно в хозяйствах обуржуазившихся помещиков и зажиточных крестьян, других капиталистических предприятий в растениеводстве и животноводстве. К 1981 г., судя по материалам очередной переписи населения Турции, число лиц наемного труда в сельскохозяйственном производстве страны уменьшилось до 614,5 тыс.⁸⁹. Однако можно с немалым основанием утверждать, что данные о резком сокращении наемной рабочей силы не отражают действительного положения, поскольку показатели 1975 г., по-видимому, включали не только постоянных, но в значительной степени и сезонных сельскохозяйственных рабочих, а данные 1980 г. — лишь постоянных рабочих, причем не учитывалось незанятое население.

По оценке П. П. Моисеева, в середине 70-х годов число постоянных сельскохозяйственных рабочих в Турции составляло около 600 тыс., а общее число наемных рабочих в растениеводстве и животноводстве страны несколько превышало 1 млн.⁹⁰, что в целом соответствует данным переписи 1975 г. о численности лиц наемного труда в сельскохозяйственном производстве страны. Таким образом, едва ли можно говорить о сколько-нибудь ощутимом сокращении числа постоянных сель-

Таблица 10

Использование в турецкой деревне различных видов труда по группам сельскохозяйственных хозяйств с участками до 100 га (1980 г.) *
%

Группа хозяйств по размерам обрабатываемых площадей, га	Семейный труд		Семейный и наемный труд		Наемный труд	
	Хозяйства	Площадь	Хозяйства	Площадь	Хозяйства	Площадь
Менее 5	72,9	69,7	24,1	27,7	3,0	2,6
5—10	61,5	61,0	36,4	36,8	2,1	2,2
10—20	57,1	56,3	41,3	42,1	1,6	1,6
20—50	52,8	52,8	45,6	45,7	1,6	1,5
50—100	45,9	44,6	51,8	53,6	2,3	1,8
Всего . . .	67,2	58,3	30,2	39,8	2,6	1,9

* Подсчитано по материалам сельскохозяйственной переписи: Statistical Yearbook of Turkey. 1983, с. 228—229.

скохозяйственных рабочих в турецкой деревне. Правильнее, очевидно, говорить о том, что с 1975 по 1980 г. рост наемной рабочей силы в растениеводстве и животноводстве Турции не только затормозился, но и почти не происходил. Это обуславливалось прежде всего ускорением темпов механизации сельскохозяйственного производства, все более приобретающей комплексный характер, расширением применения семейного труда для обслуживания сельскохозяйственных машин и использования иных средств интенсификации производства. В то же время с 1975 по 1980 г. число сезонных сельскохозяйственных рабочих увеличилось с 450 тыс. до 800 тыс.⁹¹.

Приводимые данные об использовании в сельскохозяйственном производстве Турции труда постоянных и сезонных рабочих позволяют составить ориентировочное представление о расширении масштабов капиталистической эксплуатации наемного труда в растениеводстве и животноводстве страны, однако, как неоднократно отмечали советские авторы, далеко не охватывали всю сферу применения наемного труда в этих отраслях. Эти данные не учитывали значительную часть временных (главным образом поденных) рабочих, и прежде всего батраков с наделом, относимых в статистике к крестьянам, имевшим «свое хозяйство», и поэтому не включавшимся в разряд «наемных рабочих»⁹². Между тем число таких временных рабочих было велико. Правда, их труд (как и отчасти труд сезонных и постоянных рабочих) использовался преимущественно в хозяйствах полупоместных помещиков и в полунатуральных и мелкотоварных крестьянских хозяйствах как вспомогательный труд. Тем не менее капиталистическая эксплуатация наемного труда получа-

ла все более широкое распространение и среди временных рабочих.

В сельскохозяйственном производстве Турции в составе сезонных и других категорий временных рабочих преобладали выходцы из различных земледельческих хозяйств, в первую очередь из их низших прослоек; они хотя и вели самостоятельное хозяйство, но сводили бюджет с дефицитом и пытались поправить дела отходничеством. В 1980 г., согласно данным сельскохозяйственной переписи, в разного рода хозяйствах было занято 654,5 тыс. таких временных рабочих, 74% которых составляли лица, имевшие земельные участки размером до 5 га⁹³.

Прямым отражением значительного расширения в 70-е годы капиталистической эксплуатации наемного труда в растениеводстве Турции, принимая во внимание, естественно, и быстрый рост механизации производства, было (по материалам сельскохозяйственных переписей за 1970 и 1980 гг.) значительное повышение удельного веса земледельческих хозяйств, которые (полностью и особенно частично) вели производство на базе использования наемного труда (табл. 10).

Если в 1970 г. наемный труд использовали 16,4% хозяйств с участками до 100 га, располагавших 25% обрабатываемых земель, то в 1980 г. — 32,8% таких хозяйств, обладавших 41,7% возделываемых земель. О крупных хозяйствах с участками размером 100 га и более подробные сведения отсутствуют. Но, судя по опубликованным выборочным данным по крупным хозяйствам, в 1970 г. с привлечением наемного труда вели производство 89,1% таких хозяйств (89,3% обрабатываемых в их рамках земель)⁹⁴, в 1980 г. — 96,9% хозяйств (98,4% обрабатываемых земель)⁹⁵.

В середине 70-х годов в Турции лица наемного труда составляли (по оценочным данным) 15% населения, занятого в сельском хозяйстве. Это сравнительно невысокий показатель для стран Ближнего и Среднего Востока, и на первый взгляд он несовместим с данными о широком распространении капиталистического предпринимательства в растениеводстве и животноводстве Турции. Вполне вероятно, что названный показатель несколько занижен, но вместе с тем, как справедливо отмечалось Л. А. Фридманом, сравнительно невысокий показатель использования наемного труда в растениеводстве и животноводстве Турции отражал широкие масштабы и довольно высокий уровень механизации сельскохозяйственного производства, а также сохранение немалого числа районов, слабо затронутых капиталистическим предпринимательством⁹⁶. В данной связи следует напомнить, что масштабы и уровень механизации сельскохозяйственного производства в Турции намного превосходили соответствующие показатели в других странах Ближнего и Среднего Востока. К тому же среди капиталистических хозяйств в турецкой деревне явно преобладали крупные и средние современные фермы, активно использовавшие сельскохозяйст-

венные машины, но по сравнению с мелкокапиталистическими хозяйствами мало привлекавшие (в расчете на единицу возделываемой площади) труд наемных рабочих.

Такое же в принципе распределение наемного труда между различными группами земледельческих хозяйств отчетливо прослеживалось и в арабских странах Ближнего и Среднего Востока, в частности в Ираке и Саудовской Аравии. Так, в Ираке, по состоянию на 1970 г., в земледельческих хозяйствах в среднем использовалось по 43 постоянных и 45 временных рабочих на каждые 100 га обрабатываемых земель. Ниже приводятся данные об использовании в разных группах хозяйств постоянных и временных рабочих в расчете на каждые 100 га обрабатываемой площади ⁹⁷:

Группа хозяйств по размерам обрабатываемой площади, га	Постоянные рабочие	Временные рабочие
1—2,5	112	215
2,5—5	61	123
5—10	32	64
10—20	20	33
20—50	11	16
50—100	10	11
100—200	8	8
200—500	6	4
500 и более	4	2

В Саудовской Аравии, по данным на 1971—1974 гг., в земледельческих хозяйствах было занято в среднем по 50 постоянных и временных рабочих на каждые 100 га, причем в хозяйствах с участками от 1 до 2 га — по 290 постоянных и временных рабочих, в хозяйствах с участками от 2 до 3 га — по 170, от 3 до 4 га — по 100, от 4 до 5 га — по 150, от 5 до 10 га — по 50, от 10 до 20 га — по 30, от 20 до 50 га — по 20, от 50 до 100 га — по 10, а в хозяйствах с участками 100 га и более — лишь по 5 постоянных и временных рабочих ⁹⁸.

В отличие от Турции в Египте, где крупное капиталистическое «машинное» предпринимательство в растениеводстве и животноводстве не получило столь значительного размаха, а в социально-экономической структуре деревни преобладали мелкотоварные и мелкокапиталистические хозяйства, капиталистическое использование наемного труда в сельскохозяйственном производстве получило менее активное развитие, хотя в целом наемный труд был распространен намного шире. Следует также учитывать, что земледелие в Египте велось исключительно на поливных землях (причем с них собирали обычно по два, а иногда и по три урожая) и в растениеводстве значительная часть земель отводилась под возделывание трудоемких технических, а также огородных и садовых культур.

В сельскохозяйственном производстве Египта число постоянных рабочих с 1961 по 1974 г. увеличилось с 608 тыс. до 1086 тыс., а их удельный вес в занятом в растениеводстве и жи-

вотноводстве населения возрос с 12,8% до 25,8%. Вместе с тем в 1974 г. в египетской деревне было зафиксировано 568 тыс. сезонных и других временных сельскохозяйственных рабочих⁹⁹, которые не включались в официальный реестр самодеятельного сельскохозяйственного населения. Около половины всех временных рабочих составляли бродячие, кочующие рабочие¹⁰⁰.

По данным переписи населения, в 1976 г. общее число лиц наемного труда в сельскохозяйственном производстве¹⁰¹ Египта оценивалось в 2179,3 тыс.¹⁰² В то же время современный пролетариат в Египте и в ряде других арабских стран составлял, по оценке С. Л. Стоклицкого, Л. А. Фридмана и П. Ф. Андруковича, только 10—15% наемных рабочих, занятых в растениеводстве и животноводстве этих стран. Основная масса сельскохозяйственных рабочих в рассматриваемых странах была представлена постоянными, сезонными и поденными рабочими, занятыми ручным трудом в мелкотоварных, мелкокапиталистических и полукapиталистических хозяйствах. Большинство наемных рабочих в растениеводстве и животноводстве арабских государств «во многих отношениях существенно отличались от современного сельскохозяйственного пролетариата и вместе с тем в известном смысле по-прежнему составляли специфическую часть крестьянства как класса-сословия переходного типа»¹⁰³. Постоянные и временные сельскохозяйственные рабочие рекрутировались преимущественно из числа безземельных жителей деревни. Но в 70-х — начале 80-х годов армия временных рабочих все более пополнялась собственниками земельных наделов до 1 федд., а отчасти и представителями других групп полупролетарских и бедняцких хозяйств. При этом земледельческие хозяйства низших категорий зачастую выступали в качестве и продавцов и покупателей наемного труда¹⁰⁴.

Естественно, что низшие группы хозяйств (с участками площадью до 5 федд.) выступали в основном как продавцы наемного труда. Их роль в качестве покупателей была сравнительно невелика. В 1961 г. постоянные рабочие составляли 3% рабочей силы в хозяйствах с участками до 2 федд. и 7,4% рабочей силы в хозяйствах с участками от 3 до 5 федд. В этих группах хозяйств, представленных преимущественно полупролетарскими и бедняцкими хозяйствами, было занято 45% всех временных рабочих. В 1964 г. услугами наемных рабочих (как правило, эпизодически) пользовались 24% хозяйств с участками до 2 га и 36% хозяйств с участками от 3 до 5 га.

В середняцких (с участками от 5 до 10 федд.) и зажиточных (с участками от 10 до 20 федд.) крестьянских хозяйствах постоянные рабочие в 1961 г. составляли 21,6% рабочей силы. В этих хозяйствах было занято также 29,7% всех временных рабочих. В 1964 г. наемный труд использовали 53% середняцких хозяйств и подавляющее большинство зажиточных хозяйств.

В богатых крестьянских и помещичьих хозяйствах (с участками 20 федд. и более) постоянные наемные рабочие составля-

ли 63,5% и временные рабочие — 25,3% всей рабочей силы, занятой в этих хозяйствах ¹⁰⁵.

Аналогичная в целом картина распределения наемной рабочей силы в сельскохозяйственном производстве наблюдалась в Египте и в конце 70-х — начале 80-х годов, о чем свидетельствуют материалы различных обследований, проведенных в этот период в деревне. По данным выборочного обследования, проведенного в 1977 г., доля наемного труда в общих затратах труда (в человеко-днях) составляла в хозяйствах с наделами до 1 федд. 6,2%, в хозяйствах с участками от 1 до 3 федд. — 18,7%, от 3 до 5 федд. — 29,9%, от 5 до 10 федд. — 39,7%, в хозяйствах с участками 10 федд. и более — 45,9%. В целом за счет наемного труда покрывалось 37% всех затрат труда в охваченных обследованием хозяйствах ¹⁰⁶.

Как свидетельствуют приведенные выше данные, удельный вес наемного труда в жилищных крестьянских и помещичьих хозяйствах лишь в незначительной степени превышал аналогичный показатель в середняцких хозяйствах. Однако надо учитывать, что наемный труд, привлекавшийся богатыми хозяйствами, отличался более высокими профессиональными качествами и, естественно, более высокой продуктивностью, поскольку в этих хозяйствах широко внедрялись механизация и современная агрикультура. В связи с этим представляется целесообразным привести хорошо аргументированную оценку масштабов использования наемного труда в жилищных крестьянских и помещичьих хозяйствах в египетской деревне, сделанную Э.Тейлор. Согласно этой оценке, в конце 70-х — начале 80-х годов наемный труд преобладал в хозяйствах с участками от 10 до 20 федд., а в хозяйствах с участками 20 федд. и более составлял почти всю рабочую силу ¹⁰⁷.

Значительные сдвиги в капиталистическом использовании наемного труда наблюдались и в сельскохозяйственном производстве Ирана в связи с осуществлением там в 60-х — середине 70-х годов весьма обширной программы буржуазных аграрных преобразований. По официальным данным, число лиц наемного труда в сельскохозяйственном производстве страны увеличилось с 247 тыс. в 1966/67 г. до 662 тыс. в 1976/77 г. ¹⁰⁸, что составило 22% от численности всех занятых в растениеводстве и животноводстве (против 8% в 1966/67 г.) ¹⁰⁹.

К сожалению, из-за недостатка, а по отдельным периодам и отсутствия дифференцированных данных о применении наемного труда в растениеводстве и животноводстве Ирана и других стран Ближнего и Среднего Востока не представляется возможным достаточно полно определить масштабы и формы эксплуатации наемного труда в различных типах хозяйств, провести отчетливую границу между хозяйствами, в которых наемный труд является органической составной частью производства, и хозяйствами, в которых он служит лишь дополнительным (хотя и необходимым) элементом производства. Из-за недостатка дан-

Таблица 11

Использование различных видов труда
в сельскохозяйственном производстве Ирана по группам хозяйств
(1974/75 г.) *

Хозяйства, га	Всего хозяйств, тыс.	Семейный труд		Семейный и наемный труд		Наемный труд	
		Хозяйства, тыс.	%	Хозяйства, тыс.	%	Хозяйства, тыс.	%
Земледельческие хозяйства . . .	2480,0	1505,8	60,7	840,9	33,9	133,3	5,4
В том числе хозяйства площадью, га:							
менее 1	734,3	549,1	74,8	152,6	20,8	32,6	4,4
1—2	322,2	196,9	61,1	111,5	34,6	13,8	4,3
2—5	541,6	331,6	61,2	184,9	34,1	25,3	4,7
5—10	427,9	235,4	55,0	174,4	40,8	18,1	4,2
10—50	428,1	189,2	44,2	207,5	48,5	31,4	7,3
50—100	16,3	2,9	17,8	7,4	45,4	6,0	36,8
100 и более	9,6	0,9	9,4	2,6	27,1	6,1	63,5
Неземледельческие хозяйства .	513,4	469,1	91,4	35,6	6,9	8,7	1,7
Итого . . .	2993,4	1974,9	66,0	876,5	29,3	142,0	4,7

* Подсчитано по Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи... 2533 (1974/75), с. 7, 15.

ных невозможно с достаточной обстоятельностью разрешить необычайно важный вопрос о соотношении использования наемного труда в капиталистических и некапиталистических хозяйствах и особенно выявить масштабы эксплуатации наемного труда внутри этих двух основных типов хозяйств, и прежде всего капиталистических ¹¹⁰.

Относительно полное представление о распространении и характере использования наемного труда в растениеводстве и животноводстве стран Ближнего и Среднего Востока можно почерпнуть из материалов сельскохозяйственных переписей, проводившихся в различных странах региона.

В растениеводстве и животноводстве Ирана в 1974/75 г., по данным сельскохозяйственной переписи, наемный труд использовали 34% земледельческих и неземледельческих хозяйств. При этом, однако, в 29,3% хозяйств наемный труд применялся как вспомогательный, и лишь в 4,7% хозяйств он играл основную роль в процессе производства. В земледельческих хозяйствах эти показатели составляли 33,9% и 5,4% (табл. 11). В 1974/75 г. земледельческим хозяйствам, применявшим наемный труд, принадлежало 9529,8 тыс. га, или 58,1% обрабатываемых площадей Ирана ¹¹¹.

О хозяйствах, в которых наемный труд играл основную роль

в производстве, можно, очевидно, говорить как о хозяйствах, практиковавших капиталистическую эксплуатацию наемного труда. В рамках таких хозяйств в 1974/75 г. обрабатывалось 2736,3 тыс. га (16,7% фонда возделываемых земель), из которых 1557,6 тыс. га (или 56,9%) приходилось на крупные хозяйства с участками 100 га и более¹¹². В рассматриваемой группе производство на базе наемного труда вели 63,5% всех хозяйств (табл. 11). Приводимые данные об использовании наемной рабочей силы в верхней группе земледельческих хозяйств, учитывая довольно высокий уровень механизации производства, ориентацию большинства этих хозяйств на выпуск товарной продукции и т. д., лишние раз подтверждают, что среди крупных земледельческих хозяйств в иранской деревне преобладали разного рода современные капиталистические фермы. Те же показатели свидетельствуют и о распространении капиталистического предпринимательства в хозяйствах с участками от 50 до 100 га и отчасти в хозяйствах с участками от 10 до 50 га.

Принимая во внимание высокий выход товарной продукции и широкие масштабы механизации производства в крупных и части средних помещичьих, а также в иных богатых хозяйствах, можно утверждать, что капиталистическая эксплуатация рабочей силы в значительной степени охватывала и хозяйства, в которых наемный труд использовался как вспомогательный.

Рост капиталистической эксплуатации наемного труда в растениеводстве и животноводстве Ирана (как и большинства других стран Ближнего и Среднего Востока) проявлялся и в значительном повышении удельного веса постоянных работников в общем числе сельскохозяйственных рабочих. Если до аграрной реформы в иранской деревне преобладало использование труда временных рабочих, то в 1971/72 г. их доля составляла около 40% (139 тыс. из 348 тыс.)¹¹³. Приводимые данные, хотя и с серьезными оговорками (прежде всего потому, что нет сведений о характере труда той или иной категории рабочих), позволяют утверждать, что использование наемного труда в сельскохозяйственном производстве Ирана постепенно все больше приобретало характер капиталистической эксплуатации наемных рабочих. Таким образом, с учетом того, что в 70-х годах этот процесс ускорился, можно, очевидно, констатировать важные качественные сдвиги в использовании наемного труда в иранской деревне. Об этом косвенно свидетельствовало вступление в силу с 1978/79 г. закона о сельскохозяйственном труде, который распространялся на рабочих, занятых на государственных фермах, в агропромышленных комплексах и на механизированных фермах¹¹⁴. Правда, с установлением исламской республики (в 1979—1980 гг.) в связи с сужением сферы капиталистического предпринимательства в деревне в растениеводстве и животноводстве Ирана прослеживалось сокращение капиталистического применения наемного труда. Однако в дальнейшем этот процесс постепенно вновь набрал силу.

Таблица 12

Использование различных видов труда в земледелии Ирака по группам хозяйств (1970 г.) *

Группы хозяйств по размерам обрабатываемых площадей, га	Всего хозяйств, тыс.	Семейный труд		Семейный и наемный труд		Наемный труд	
		Хозяйства, тыс.	%	Хозяйства, тыс.	%	Хозяйства, тыс.	%
Менее 1	119,2	110,2	92,4	6,8	5,7	2,2	1,9
1—2	89,8	80,8	90,0	8,1	9,0	0,9	1,0
2—5	83,4	76,0	91,1	6,6	7,9	0,8	1,0
5—10	126,7	117,1	92,4	8,6	6,8	1,0	0,8
10—20	109,6	97,6	89,0	10,6	9,7	1,4	1,3
20—50	53,1	41,1	77,4	9,2	17,3	2,8	5,3
50—100	5,8	3,4	58,6	1,9	32,8	0,5	8,6
100 и более	3,5	1,1	31,4	1,4	40,0	1,0	28,6
Итого . . .	591,1	527,3	89,2	53,2	9,0	10,6	1,8

* Подсчитано по: Khan N. A. Patterns of Agricultural Development in Arab Countries. Kuwait, 1979, с. 149—198.

Материалы по Ирану, свидетельствующие об ускорении роста капиталистической эксплуатации наемного труда в сельскохозяйственном производстве, о том, что оно в 70-х годах уже охватывало значительную часть крупных и немалую часть средних помещичьих, а также иных самостоятельных хозяйств, отражают общие тенденции в динамике сельскохозяйственной рабочей силы в большинстве стран Ближнего и Среднего Востока. Это, например, подтверждается данными по Ираку и Саудовской Аравии.

В Ираке в 1970 г., по данным сельскохозяйственной переписи, к найму рабочей силы прибегало 63,8 тыс. земледельческих хозяйств, или 10,8% от их общего числа (591,1 тыс.). Эти хозяйства располагали 1595,8 тыс. га возделываемых земель, что составляло 27,8% фонда обрабатываемых земель (табл. 12).

Среди земледельческих хозяйств, которые использовали наемный труд, 2,4 тыс. (3,8%) составляли крупные хозяйства с земельными участками 100 га и более. Эти хозяйства, отличавшиеся высоким уровнем механизации¹¹⁵, концентрировали 52,7% всех обрабатываемых земель, возделывавшихся с привлечением наемного труда. На 74,4% обрабатываемых земель крупных хозяйств применялся наемный труд, причем 36,1% этих земель приходилось на хозяйства, где он играл главную роль в процессе производства, а 38,3% — на хозяйства, где он имел вспомогательное значение¹¹⁶.

Такое же в целом положение в использовании наемного труда наблюдалось в сельскохозяйственном производстве Саудовской Аравии. В соответствии с материалами сельскохозяйственной переписи 1971—1974 гг. в деревне Саудовской Аравии наем-

Таблица 13

Использование различных видов труда
в земледелии Саудовской Аравии по группам хозяйств
(1971—1974 гг.) *

Группа хозяйств по размерам обрабатываемых площадей, га	Всего хозяйств, тыс.	Семейный труд		Семейный и наемный труд		Наемный труд	
		Хозяйства, тыс.	%	Хозяйства, тыс.	%	Хозяйства, тыс.	%
Менее 1	67,9	51,9	76,4	12,5	18,4	3,5	5,2
1—2	36,2	27,4	75,7	7,3	20,2	1,5	4,1
2—3	15,9	11,7	73,6	3,4	21,4	0,8	5,0
3—4	11,1	8,2	73,9	2,4	21,6	0,5	4,5
4—5	5,0	3,2	64,0	1,5	30,0	0,3	6,0
5—10	17,0	11,6	68,2	4,4	25,9	1,0	5,9
10—20	11,7	7,5	64,1	3,3	28,2	0,9	7,7
20—50	6,3	3,6	57,1	2,0	31,8	0,7	11,1
50—100	1,9	0,8	42,1	0,7	36,8	0,4	21,1
100 и более	1,5	0,3	20,0	0,7	46,7	0,5	33,3
Итого . . .	174,5	126,2	72,3	38,2	21,9	10,1	5,8

* Подсчитано по: *Khan N. A. Patterns of Agricultural Development in Arab Countries*, с. 171, 214.

ный труд использовался в 27,7% сельскохозяйственных хозяйств, которые располагали 606,7 тыс. га обрабатываемых площадей (52,8% фонда обрабатываемых земель страны); при этом 206,3 тыс. га (17,9%) приходилось на хозяйства, в которых наемный труд преобладал в процессе производства, а 400,4 тыс. (34,9%) — на хозяйства, в которых он имел второстепенное значение. С привлечением наемного труда в деревне Саудовской Аравии вели производство 80% крупных сельскохозяйственных хозяйств (с участками размером 100 га и более). Эти хозяйства концентрировали 320,5 тыс. га — 52,8% всех земель, возделывавшихся с использованием наемного труда (табл. 13). Подавляющую часть крупных хозяйств составляли, очевидно, фермы капиталистического типа, что в значительной степени подтверждается данными о том, что 81,4% крупных хозяйств ориентировались на выпуск товарной продукции¹¹⁷.

Таким образом, в 60-х и особенно в 70-х — первой половине 80-х годов в сельскохозяйственном производстве большинства стран Ближнего и Среднего Востока происходило прогрессирующее расширение сферы капиталистического применения наемного труда. Наиболее интенсивно этот процесс протекал в основных отраслях растениеводства, но заметное развитие он получил и в ряде отраслей животноводства, в первую очередь в птицеводстве.

Капиталистическая эксплуатация наемного труда охватывала прежде всего различные помещичьи хозяйства, которые к концу рассматриваемого периода в основной массе вели произ-

водство на базе использования машин и других элементов современного производства, а также зажиточные крестьянские хозяйства, среди которых выделилась заметная прослойка капиталистических ферм. Немалое число лиц наемного труда было занято в хозяйствах акционерных обществ и компаний, на агропромышленных комплексах, в создании и деятельности которых нередко активное участие принимали иностранные монополии. При этом следует подчеркнуть, что современные капиталистические хозяйства в деревне стран Ближнего и Среднего Востока испытывали серьезную нехватку квалифицированных рабочих, сельскохозяйственных специалистов среднего и высшего звена. Это наряду с другими факторами оказывало сдерживающее воздействие на развитие современных форм капиталистического предпринимательства в растениеводстве и животноводстве стран региона.

Тем не менее капиталистическое предпринимательство в его современных формах при прямой и косвенной поддержке государства захватило в той или иной мере ведущее положение в сельскохозяйственном производстве большинства стран Ближнего и Среднего Востока, придерживающихся капиталистической ориентации общественного развития. В ближайшей перспективе в этой группе стран следует, очевидно, ожидать дальнейшего расширения позиций капиталистического предпринимательства, укрепления его технической базы, повышения экономической эффективности капиталистических хозяйств. Нельзя исключить и возможностей заметного роста капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве отдельных стран социалистической ориентации, в частности Алжира, где наряду с мерами по укреплению и модернизации самоуправляемых и коллективных хозяйств со второй половины 70-х годов прослеживается тенденция к расширению разносторонней помощи частному сектору в развитии растениеводства и животноводства.

Глава IV

ПРОБЛЕМА ЗАНЯТОСТИ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ

Проблема занятости и трудовых ресурсов — одна из центральных (стержневых) проблем социально-экономической жизни освободившихся стран Азии и Северной Африки¹. Значение этой проблемы особенно возросло в 60—70-х годах в связи с ее обострением в значительной части государств Азии и Северной Африки.

Обострение проблемы занятости в освободившихся странах Азии и Северной Африки выразилось, с одной стороны, в росте полной и частичной (открытой и скрытой) безработицы, а с другой — в замедленной качественной трансформации рабочей силы, в росте нехватки квалифицированных кадров, способных освоить и рационально использовать современные формы и методы производства. Особенно тяжелое положение наблюдалось в сельских районах. При этом обострение проблемы занятости в деревне оказывало влияние на ее состояние в городах, вызывая расширение там очагов безработицы, ухудшение условий трудоустройства, а тем самым и рост социальных противоречий.

Едва ли будет преувеличением сказать, что на настоящем этапе общественного развития освободившихся стран в решении проблемы занятости во многом содержится ключ не только для достижения ряда насущных экономических и социальных целей (ускорения роста производства, упразднения лауперизма, бедности и нищеты), но и для решения важных политических вопросов, обусловленных ростом социальных противоречий на базе обострения проблемы занятости.

В 1975 г. в соответствии с данными МОТ в освободившихся странах Азии, Африки и Латинской Америки было 283 млн. безработных и не полностью занятых, что составляло около 38% их самодостаточного населения. Из этого числа 33 млн. человек (11,7%) приходилось на безработных и 250 млн. человек (88,3%) на частично занятых, связанных преимущественно с традиционным сектором и различными переходными формами — от традиционных к современным видам производства. Из этих 283 млн. полностью и частично безработных на молодые государства Азии приходилось 187 млн. человек (66,1%), включая 18 млн. полностью и 169 млн. частично безработных, или

54,5% и 67,6% общего числа этих основных категорий безработных².

В 1977 г. по сведениям МОТ, общее число различных категорий безработных и не полностью занятых достигло в освободившихся странах 331 млн. (полностью безработных — 40 млн., частично занятых — 291 млн.), увеличившись на 17% в сравнении с 1975 г. Удельный вес безработных в самодельном населении с 37,9% в 1975 г. поднялся до 42,3% в 1977 г. Это отражало резкое несоответствие между темпами роста безработных с одной стороны, и самодельного и занятого населения, с другой стороны. Так, темп роста безработных составлял в 1975 — 1977 гг. 8,15% (безработных — 10,1%, не полностью занятых — 7,9%), тогда как самодельного населения — 2,4%, занятого населения — 2,35%. В молодых государствах Азии разрыв между ростом безработных, самодельного и занятого населения не был так велик, как в освободившихся странах в целом. Тем не менее и в этих странах темп роста безработных в 1975 — 1977 гг. (5,7%) в 2,4 раза превышал темп роста самодельного населения (2,35%) и в 2,5 раза — занятого населения (2,3%). При сохранении таких темпов движения основных потоков трудовых ресурсов общее число безработных в странах Азии увеличилось бы с 209 млн. в 1977 г. до 247 млн. в 1980 г. (полностью безработных — с 20 млн. до 23 млн., не полностью занятых — со 189 млн. до 224 млн.). При этом удельный вес безработных и не полностью занятых в самодельном населении повысился бы с 38% в 1975 г. до 40,6% в 1977 г. и 44,7% в 1980 г.³ Такая ориентировочная оценка, судя по материалам международных организаций и различных исследований, которые свидетельствуют об ухудшении в конце 70-х годов социально-экономической ситуации в значительной части молодых государств Азии и особенно в крупных странах, обострении там проблемы занятости, расширении сферы бедности и нищеты⁴, представляется в немалой степени правомерной и довольно близкой к действительности.

Крупные страны Южной Азии (Индия, Бангладеш, Пакистан) и Индонезия по-прежнему остаются основными районами распространения безработицы и особенно неполной занятости в освободившихся странах. Названные страны, относящиеся к группе государств с низким доходом, в 1978 г. концентрировали около 43% населения и не менее 50% полностью и частично безработных освободившихся стран, 69% населения и более 80% незанятого и частично занятого населения молодых государств Азии⁵.

Таким образом, решение проблемы занятости в странах Азии — это прежде всего и главным образом решение проблемы занятости в названных четырех странах, и в первую очередь в Индии.

При этом преимущественного внимания в рассматриваемых странах, как и в освободившихся государствах в целом, требу-

ет деревня, которая не только аккумулирует основную массу незанятого и особенно частично занятого населения, но и является главным источником пополнения и разбухания сферы безработицы. По оценке МОТ, в 1975 г. на деревню в освободившихся странах приходилось 80,6% общего числа безработных (57,6% — полностью безработных и 83,6% — частично занятых). В применении к сельским районам молодых государств Азии эти показатели выглядели еще более удручающими: они составляли соответственно 86,1%, 66,7% и 88,2%⁶.

В дальнейшем с ростом трансформации традиционных видов производства, расширением городского строительства, ускорением сельской миграции в городские центры с их весьма невысокой абсорбирующей способностью во многих освободившихся странах Азии (хотя и в далеко не равной степени) усилилась тенденция к перемещению безработицы в городские районы. Совершенно очевидно, что удельный вес сельских жителей в общем числе безработных несколько понизился. Это, однако, ничуть не свидетельствует об абсолютном сокращении безработицы и особенно неполной занятости в восточной деревне, об уменьшении, если так можно выразиться, «плотности» безработицы в сельских районах. Более того, материалы различных исследований свидетельствуют об обострении проблемы занятости в деревне большинства стран Азии и Северной Африки.

Все эти аспекты проблемы занятости довольно отчетливо проявились в сельских районах стран Ближнего и Среднего Востока, хотя в большинстве их они не приобрели таких масштабов и болезненного звучания, какие наблюдались в крупных, густонаселенных странах Южной Азии (Индии, Бангладеш и Пакистане), а также в Индонезии. Это объясняется отчасти тем, что большинство стран Ближнего и Среднего Востока имели сравнительно высокий для освободившихся стран Азии и Северной Африки уровень национального дохода на душу населения⁷. При прочих равных условиях это отражало наличие в большинстве государств Ближнего и Среднего Востока сравнительно благоприятных материальных предпосылок для решения насущных социально-экономических задач, в том числе и проблемы занятости.

Вместе с тем следует отметить, что страны Ближнего и Среднего Востока (за исключением Египта) в сопоставлении с крупными странами Южной Азии и Индонезией испытывают гораздо менее сильное демографическое давление на землю и имеют гораздо более широкие возможности для увеличения обрабатываемого фонда за счет освоения целинных и залежных земель. Нельзя не сказать и о том, что страны Ближнего и Среднего Востока располагали более благоприятными внешними возможностями для ослабления проблемы занятости. Значительное число городских и сельских жителей Турции, Египта и ряда других стран Ближнего и Среднего Востока находило работу в странах Западной Европы⁸ и богатых нефтедобываю-

ших государствах региона (в Саудовской Аравии, Ливии и т. д.).

Тем не менее в 60-х — первой половине 70-х годов ситуация в сфере занятости в сельских районах наиболее крупных стран Ближнего и Среднего Востока оставалась довольно напряженной, что проявлялось прежде всего в сохранении в деревне высокого уровня аграрного перенаселения при ухудшении качественного состава рабочей силы и возраставшей нехватке квалифицированных кадров.

В начале 60-х годов, по оценке экспертов ФАО и МОТ, удельный вес безработных и не полностью занятых в самостоятельном сельскохозяйственном населении стран Северной Африки (Египта, Алжира, Туниса, Марокко) колебался от 30 до 50%, а стран Западной Азии (включая страны Среднего Востока) — от 28 до 64%⁹. В 60-х годах в сельских районах ряда стран Ближнего и Среднего Востока (в частности, в Египте и Иране) под воздействием аграрных преобразований и под влиянием других факторов весьма отчетливо обнаружилась тенденция к понижению уровня безработицы в деревне, в том числе и в сельскохозяйственной сфере — основном очаге неполной занятости в деревне. Однако этот процесс не сопровождался существенными и устойчивыми сдвигами в решении проблемы занятости в деревне. В 70-х — первой половине 80-х годов в сельских районах ряда крупных стран региона обнаружились явные признаки обострения проблемы занятости, получившие выражение в первую очередь в заметном росте неполной занятости среди сельскохозяйственного населения деревни. Так, в Египте масштабы безработицы в сельских районах на протяжении рассматриваемого периода неоднократно менялись.

По египетским данным, в 1974/75 г. общее число безработных и частично занятых в египетской деревне оценивалось в 2442 тыс. человек¹⁰, из которых 82% приходилось на сельскохозяйственное и 18% на несельскохозяйственное население деревни. Удельный вес не полностью занятых в рабочей силе египетской деревни (98,2% частично и 1,8% полностью безработных) составлял в 1974/75 г. около 38%, причем их доля в сельскохозяйственном населении составляла 42,1%, а в несельскохозяйственном населении — 32,4%¹¹.

Приводимые расчеты уровня безработицы и неполной занятости в египетской деревне (особенно в ее сельскохозяйственной сфере) являются весьма ориентировочными, ибо исходные данные в недостаточной степени отражают внутреннее содержание неполной занятости, учитывают фактически только две основные группы сельскохозяйственного населения, охваченного открытой и скрытой безработицей. В соответствии с этими данными в 1974/75 г. 85,7% безработных и не полностью занятых в сельскохозяйственной сфере составляли так называемые «субмаргинальные фермеры», владевшие участками до 1 федд. (0,42 га), и занятые в этих хозяйствах семейные и другие рабочие, а

14,3% — временные сельскохозяйственные рабочие¹². Таким образом, при оценке числа сельскохозяйственных тружеников, страдающих от неполной занятости, совершенно не учитывались собственники хозяйств с участками от 1 до 2 федд. (от 0,42 до 0,84 га), постоянные сельскохозяйственные рабочие и т. д. Вместе с тем представляется неправомерным почти поголовное (на 96,3%) включение в состав «субмаргинальных фермеров» собственников хозяйств с участками до 1 федд. В египетской деревне (как и в деревне других стран Ближнего и Среднего Востока) немалое число таких хозяйств, особенно в пригородных районах, вело интенсивное производство и получало дополнительные доходы от разведения молочного скота и домашней птицы, от возделывания высокоприбыльных культур (например, овощей)¹³. Подобные натяжки допускались и при определении масштабов безработицы в несельскохозяйственных отраслях египетской деревни.

В связи с этим представляется целесообразным рассматриваемые расчеты уровня безработицы и неполной занятости в египетской деревне сопоставить с приводимыми Б. Хансеном и С. Радваном оценками масштабов распространения бедности в сельских районах Египта. По этим оценкам, в 1974/75 г. сельские семьи, чьи доходы не достигали линии бедности, составляли 44% (1833 тыс. из 4166 тыс.) всех семей египетской деревни¹⁴. Эта цифра в известных пределах отражала и уровень неполной занятости в египетской деревне.

Представляется, что новая ориентировочная оценка, дополнительно учитывающая в сравнении с прежними расчетами 286 тыс. семей, ближе к истине, хотя и она, очевидно, несколько приукрашивает реальное положение в египетской деревне. Исходя из того, что расчеты делались на базе консервативной оценки линии бедности, можно предположить, что от различных видов безработицы и неполной занятости страдало в 1974/75 г. около половины сельских семей в Египте. Такой высокий уровень безработицы и неполной занятости прослеживался в Египте и в конце 40-х — начале 50-х годов, т. е. накануне осуществления в египетской деревне аграрной реформы и ряда иных социально-экономических мероприятий, сопровождавшихся заметным сокращением масштабов безработицы в сельских районах¹⁵.

Такое положение в деревне Египта было в значительной мере следствием ухудшения ситуации в сельскохозяйственном производстве во второй половине 60-х — первой половине 70-х годов, роста парцелляции землевладения и землепользования, расширения наступления на позиции сельских трудящихся состоятельных прослоек деревни, усиления косвенного налогообложения крестьян.

Под воздействием названных факторов в период с 1964/65 по 1974/75 г. число сельских семей, имевших доходы ниже линии бедности и в определенной степени охваченных теми или

иными видами безработицы и неполной занятости, увеличилось с 903 тыс. до 1833 тыс., а их доля в общем числе семей египетской деревни возросла с 26,8 до 44%. В дальнейшем, правда, прослеживалось известное улучшение материального положения малоимущих прослоек крестьян и других сельских жителей. По сведениям Б. Хансена и С. Радвана, с 1974/75 по 1977/78 г. удельный вес сельских семей с доходами ниже линии бедности сократился в общем числе семей египетской деревни с 44% до 37,3%¹⁶. Это, однако, не было следствием роста доходов от растениеводства и животноводства. Ведущую роль здесь, по-видимому, сыграл рост доходов малоимущих жителей египетской деревни (включая собственников маргинальных хозяйств) от не-сельскохозяйственной деятельности (как внутри, так и особенно вне деревни)¹⁷, а также значительное повышение реальной зарплаты сельскохозяйственных рабочих, которая в предшествующий период имела явную тенденцию к понижению¹⁸. Но в начале 80-х годов кривая показателей бедности в египетской деревне вновь поползла вверх. В 1983 г. удельный вес семей с доходами ниже линии бедности оценивался в сельских районах АРЕ в 45%¹⁹.

Высокий уровень аграрного перенаселения наблюдался и в Турции, где, по подсчетам П. П. Моисеева, в середине 60-х годов различными видами безработицы и неполной занятости было охвачено около 50% сельскохозяйственного самодельного населения²⁰. Такой же приблизительно уровень безработицы и неполной занятости, судя по материалам Г. И. Старченкова, прослеживался в турецкой деревне и в конце 70-х годов²¹.

Согласно материалам национальных статистических органов, с июля 1973 г. по июнь 1974 г. в турецкой деревне 47,4% лиц, занятых в различных областях народного хозяйства, работало в среднем менее 21 дня в месяц, в том числе 3,5% — 1—5 дней, 10,8% — 6—10 дней, 13,6% — 11—15 дней, 19,5% — 16—20 дней в месяц. Такое плачевное положение объяснялось прежде всего ростом капиталистического предпринимательства в сельскохозяйственной сфере, где в рассматриваемый период концентрировалось около 90% самодельного населения турецкой деревни. В сельскохозяйственном производстве с июля 1973 г. по июнь 1974 г. менее 16 дней в месяц работало 29,7% занятых, менее 21 дня в месяц — 48,9%, а в не-сельскохозяйственных отраслях — 13,9 и 24,7%²².

Высокий уровень безработицы и особенно неполной занятости в деревне Турции в значительной мере подтверждается и данными о широком распространении бедности среди сельскохозяйственного населения. В 1973 г. семьи с доходами ниже линии бедности (12 тыс. лир) составляли 49,1% всех сельскохозяйственных семей²³. Около 70% сельскохозяйственных семей располагало в 1973 г. доходами в размере ниже официального минимума (20,6 тыс. лир)²⁴.

В последующий период ситуация в аграрной сфере едва ли

изменилась к лучшему, о чем косвенно свидетельствуют данные о непрекращавшемся общем росте безработицы в Турции. Доля безработных в самодеятельном населении страны увеличилась с 12,2% в 1973—1976 гг. до 13,5% в 1978 г., 15,4% в 1980 г., 18,1% в 1982 г. и 18,8% в 1983 г.²⁵ Исходя из этих данных, можно с немалым основанием предполагать, что зафиксированный в 1973—1974 гг. уровень неполной занятости в Турции, в том числе и в деревне, в дальнейшем не только не понизился, но даже несколько повысился. Правда, не следует забывать о том, что во второй половине 70-х годов прослеживалось абсолютное сокращение сельскохозяйственного населения²⁶, сопровождавшееся ростом миграции из деревни в город и расширением там очагов «маргинальной занятости»²⁷.

Широкие масштабы полной и главным образом частичной безработицы отмечались в 60—70-х годах и в сельских районах других стран Ближнего и Среднего Востока (Тунисе, Сирии, Иране, Ираке). Тем не менее эти страны по уровню аграрного перенаселения в заметной степени уступали Турции.

Широкое и устойчивое распространение среди низших прослоек деревни (и прежде всего сельскохозяйственного населения) различных видов безработицы и неполной занятости, отражавшее бедственное материальное положение значительной части жителей деревни в странах Ближнего и Среднего Востока, послужило основной базой для прогрессирующего роста в 60-х — первой половине 80-х годов миграции сельского населения в городские районы и особенно в крупные городские центры. Этот рост во многом предопределялся тем, что в странах региона, отличавшихся высоким уровнем аграрного перенаселения и взявших курс на достижение экономической самостоятельности, в рассматриваемый период осуществлялись довольно обширные программы индустриализации, городского строительства, проекты развития экономической и социальной инфраструктуры. По мере превращения крупных городских центров в очаги современной цивилизации и усиления притягательного воздействия «внешнего мира» в поток сельской миграции наряду с представителями бедняцких прослоек деревни все более включались представители благополучных семей, квалифицированные рабочие, технические и другие специалисты.

До 60-х годов базой массовой миграции сельских жителей служило главным образом пауперизованное население деревни, формировавшееся в результате роста эксплуатации крестьян полуфеодальными и торгово-ростовщическими методами под воздействием прежде всего усилившегося втягивания хозяйства стран Ближнего и Среднего Востока в систему мировых экономических связей. В 60-х — первой половине 80-х годов с названными группами пауперизованного населения в образовании этой базы уже зачастую на равных началах участвовали неимущие и малоимущие слои деревни, вытеснявшиеся из сферы растениеводства и животноводства под прямым влиянием развития

товарно-денежных и капиталистических отношений на национальной основе.

Рост сельской миграции в странах Ближнего и Среднего Востока наиболее отчетливо проявился в увеличении ее вклада в рост городского населения.

По приблизительным подсчетам экспертов демографической службы ООН, в 1970—1975 гг. доля сельской миграции в формировании роста городского населения в странах Северной Африки и Западной Азии составляла 43%, т. е. находилась на уровне освободившихся стран в целом. Правда, эксперты демографической службы ООН несколько преувеличивали роль сельской миграции в формировании городского населения в освободившихся странах, поскольку они фактически включали в ее состав не только сельских отходников, переходивших в разряд городских жителей, но и жителей деревень, получавших городской статут, и жителей деревень, включавшихся в состав городских центров. Между тем на эти источники урбанизации приходилось 8—10% прироста городского населения²⁸. Однако такие дифференцированные данные, как правило, отсутствуют, что вынуждает при оценке роли сельской миграции в формировании городского населения в государствах Ближнего и Среднего Востока использовать в расчетах принципы демографической службы ООН.

Из рассматриваемых стран Ближнего и Среднего Востока особенно высокий уровень миграции в городские центры наблюдался в Турции — государстве, которое среди стран региона наиболее продвинулось по пути капиталистического развития, отличалось довольно широким распространением современных форм капиталистического предпринимательства в деревне, и прежде всего механизированных земледельческих хозяйств. В 1955—1965 гг. за счет сельских жителей, преимущественно отходников из деревни, городское население Турции²⁹ в среднем ежегодно пополнялось на 232,3 тыс. человек, в 1965—1975 гг. — на 447,9 тыс., в 1975—1982 гг. — на 912,7 тыс. человек. Вклад сельской миграции в рост городского населения в 1955—1965 гг. составлял 58,5%, в 1965—1975 гг. — 62,6%, в 1975—1982 гг. — 71,2%³⁰.

Высокий уровень сельской миграции в города прослеживался и в монархическом Иране, где в 60-х — середине 70-х годов реализовались обширные программы промышленного, транспортного, коммунального и культурного строительства, что намного повышало воздействие «притягательной силы внешнего мира» на жителей деревни. В 1956—1966 гг. городское население Ирана³¹ в среднем ежегодно пополнялось на 241 тыс. сельских жителей, в 1966—1976 гг. — на 301,4 тыс. Вклад сельской миграции в рост городского населения в 1956—1966 гг. составлял 55,1%, в 1966—1976 гг. — 49,9%³². По сведениям Ф. Каземи, в 1966—1976 гг. на долю сельской миграции приходилось около 50%³³.

В период исламской республики, исходя из официальных данных, вклад сельской миграции в рост городского населения в Иране уменьшился почти в 2 раза и составлял лишь 28% ³⁴. Однако объяснялось это не сокращением сельской миграции — она, по мнению западных и иранских обозревателей, оставалась на высоком уровне. Основная причина заключалась в почти полном прекращении пополнения городского населения в связи со сведением до минимума строительства новых и расширения старых городских центров, что находилось в тесной связи с затуханием в Иране экономического строительства в первые годы исламской республики и его низкими темпами в последующие годы. При оценке сельской миграции в период исламской республики надо также учитывать мобилизацию в связи с войной с Ираком сельской молодежи в армию, в корпус «стражей исламской революции» и иные военные организации, бегство значительного числа городских жителей за границу из-за непрекращавшихся репрессий властей и ряд других факторов.

В Египте в сравнении с монархическим Ираном и особенно Турцией вклад сельской миграции в рост городского населения был намного ниже и составлял: в 1960—1966 гг. 40,2%, в 1966—1976 гг. 27,2% ³⁵. Это обуславливалось, очевидно, прежде всего тем, что в Иране и Турции воздействие на сельское население «внешнего мира» было в сравнении с Египтом гораздо более значительным. Правда, в Египте очень широкий размах приобрела сезонная миграция сельской рабочей силы в городские центры. Увеличивалась и временная миграция сельской рабочей силы за рубеж.

Косвенным (но весьма примечательным) показателем роста сезонной (и отчасти постоянной) миграции сельских жителей (и в первую очередь сельскохозяйственного населения) служит увеличение в общей массе доходов жителей деревни заработков от различных видов несельскохозяйственной деятельности, особенно за пределами деревни. В Египте, например, доходы от несельскохозяйственной деятельности составляли в 1977 г. около 50% всех доходов жителей деревни. При этом внешние поступления (без учета переводов из-за границы) составляли 24,5% общих доходов сельского населения и служили важным (а зачастую и главным) источником пополнения бюджета для 30,4% сельских семей ³⁶.

Воздействие «притягательной силы внешнего мира» на жителей сельских (и городских) районов стран Ближнего и Среднего Востока, обладавших огромными резервами трудоспособного населения, в значительной степени увеличивалось благодаря наличию довольно широких и весьма выгодных возможностей трудоустройства в близлежащих богатых нефтедобывающих государствах региона, а до недавнего времени и в странах Запада. В связи с этим нельзя не сказать о стимулирующем влиянии очень высокого разрыва в ставках зарплаты в трудоекспортирующих и трудомпортирующих странах. Так, по состоянию

на июнь — июль 1973 г., среднемесячная зарплата тунисских квалифицированных рабочих на промышленных предприятиях государственного сектора Ливии составляла 105 тыс. тунисских динаров, частного сектора — 42 тыс., в строительстве — 120 тыс., в животноводстве — 82 тыс., тогда как на родине они получали соответственно 18 тыс., 13 тыс., 42 тыс. и 22 тыс. тунисских динаров. Аналогичное соотношение в уровне зарплаты (естественно, с известными отклонениями) прослеживалось и между другими трудоэкспортирующими и трудоимпортирующими государствами³⁷.

В дальнейшем в связи с резким повышением доходов нефтедобывающих стран разрыв в ставках зарплаты между трудоэкспортирующими и трудоимпортирующими арабскими странами еще более возрос. В 1977 г. египетские специалисты с университетским образованием получали в нефтедобывающих странах зарплату, которая в среднем в 6,2 раза превышала их заработок на родине, преподаватели — в 9,4 раза, строительные рабочие — в 9,9 раза³⁸.

Движение рабочей силы в страны Западной Европы и богатые нефтедобывающие государства Ближнего и Среднего Востока всячески поощрялось правительствами ряда стран, которые таким путём рассчитывали, с одной стороны, добиться ослабления проблемы занятости и избежать социально-политических осложнений, а с другой — обеспечить приток в казну крупных дополнительных сумм иностранной валюты.

Наиболее значительный размах внешняя миграция рабочей силы приобрела в Египте, Турции и ряде иных стран региона, отличавшихся высоким уровнем безработицы. При этом если из Египта и арабских стран Азии внешняя миграция трудоспособного населения направлялась преимущественно в богатые нефтедобывающие арабские страны, то из Турции и стран Магриба — в государства Западной Европы. Правда, с середины 70-х годов движение рабочей силы из стран Ближнего и Среднего Востока в государства Западной Европы в связи с охватившим капиталистический мир экономическим кризисом и под воздействием других факторов постепенно все более сокращалось, что заставляло Турцию и страны Магриба изыскивать новые объекты приложения «избыточной» рабочей силы.

В середине 70-х годов в ведущую трудоэкспортирующую страну на Ближнем и Среднем Востоке превратился Египет, что находилось в тесной связи с провозглашением правительством А. Садата политики «открытых дверей», обострением проблемы занятости, попытками государства добиться ее смягчения путем расширения миграции рабочей силы за рубеж. С 1973 г. прослеживался довольно резкий рост так называемой временной миграции рабочей силы из Египта в богатые нефтедобывающие арабские государства. Значительную часть мигрантов составляли крестьяне, которые отправлялись за границу на срок до семи месяцев. По подсчетам Б. Хансена и С. Радвана, времен-

ная миграция рабочей силы из Египта с 58 тыс. человек в 1968 г. увеличилась до 79 тыс. в 1972 г., 219 тыс. в 1973 г., 374 тыс. в 1975 г., 642 тыс. в 1977 г., 967 тыс. в 1979 г. и 1063 тыс. человек в 1980 г.³⁹. Продолжалась и так называемая постоянная миграция рабочей силы, которая включала лиц, отбывавших из Египта на семь месяцев и более. В 1980 г. число таких лиц в богатых нефтедобывающих арабских государствах, по сведениям МОТ, составляло около 696 тыс.⁴⁰, а по данным авторов специального исследования вопросов миграции рабочей силы из Египта — 803 тыс.⁴¹.

Общее число египетских рабочих и специалистов за рубежом оценивалось в начале 80-х годов в 1,6 млн. Они составляли 11,5% рабочей силы Египта, тогда как в середине 70-х годов — только около 5%⁴².

Весомую и возрастающую часть внешней миграции из Египта составляли крестьяне и другие сельские жители. Особенно велика была доля крестьян во временной миграции, которая осуществлялась зачастую нелегально. Внешняя миграция затрагивала значительное число египетских деревень, причем в отдельных из них она охватывала почти половину мужского дееспособного населения. В богатых нефтедобывающих странах египетские крестьяне использовались преимущественно на строительных, ирригационных и сельскохозяйственных объектах⁴³.

Основная масса египетских рабочих и специалистов вплоть до недавнего времени концентрировалась в Саудовской Аравии и Ливии, но с конца 70-х годов мощный поток египетской миграции устремился в Ирак. И уже в 1980 г. в различных отраслях народного хозяйства Ирака сосредоточилось 223 тыс. египетских рабочих и специалистов (в Ливии — 250 и в Саудовской Аравии — 255 тыс.)⁴⁴. Правда, в 1983 г. в связи с ухудшением условий трудоустройства обнаружилась тенденция к сокращению египетской рабочей силы в Ираке⁴⁵.

Переводы египетских рабочих и специалистов из-за границы со 116,8 млн. долл. в 1973 г. увеличились до 365,5 млн. долл. в 1975 г., 928,2 млн. в 1977 г., 2213,2 млн. в 1979 г. и 2695,5 млн. долл. в 1980 г.⁴⁶. Однако в 1981/82 финансовом году они составляли лишь 2065,9 млн. долл.⁴⁷, что отчасти, очевидно, было следствием ухудшения условий занятости граждан Египта и иных трудоэкспортирующих арабских стран в богатых нефтедобывающих государствах Ближнего и Среднего Востока в связи с возрастающей конкуренцией со стороны рабочих и специалистов из Пакистана, Индии и других неарабских стран Азии⁴⁸. Тем не менее с расширением миграции рабочей силы из Египта переводы от египетских граждан из-за границы увеличились до 3165 млн. долл. в 1982/83 и 3931 млн. долл. в 1983/84 финансовом году. Правда, затем они несколько сократились и, по предварительным данным, в 1984/85 финансовом году составили 3785 млн. долл.⁴⁹.

В 1973 г. переводы египетских граждан из-за границы со-

ставляли 10,4% поступлений Египта от коммерческого вывоза, в 1980 г. — 88,5%, в 1984/85 г. — 96,4%. В 1973 г. эти переводы покрывали 12,7%, в 1980 г. — 55,5%, в 1984/85 г. — 38,1% импортных затрат страны⁵⁰. Вместе с тем следует отметить, что в переводах из-за рубежа быстро увеличивалась доля натуральных поступлений — с 3% в 1974 г. до 47% в 1978 г.⁵¹, в 1979/80 — 1984/85 финансовых годах удельный вес натуральных поступлений превышал 60%⁵². При этом, как подчеркивал Б. Н. Гашев, около 37% натуральных поступлений приходилось (по состоянию на 1976 г.) на потребительские товары⁵³.

Переводы из-за рубежа стали важным источником доходов для весьма широкой прослойки населения Египта. Хотя значительная часть переводов оседала в городских районах, немалая доля попадала и в руки сельского населения. Так, в 1977 г. на переводы приходилось 5,2% всех доходов жителей египетской деревни, для 23,2% сельских семей они являлись основным источником доходов⁵⁴.

Крупным поставщиком рабочей силы (в основном неквалифицированной) в богатые нефтедобывающие страны является также Йеменская Арабская Республика (ЙАР). По уровню использования рабочей силы за рубежом ЙАР в заметной степени превосходила все остальные трудоэкспортирующие страны Ближнего и Среднего Востока. В 1980 г., по данным МОТ, в различных отраслях народного хозяйства богатых нефтедобывающих государств, главным образом Саудовской Аравии, было занято 336 тыс. граждан ЙАР, преимущественно выходцев из сельских районов. В конце 70-х годов за границей находилось около трети рабочей силы ЙАР⁵⁵.

Денежные переводы от граждан ЙАР из-за рубежа в 1980 г. достигли 1255,5 млн. долл., что почти в 100 раз превышало поступления государства от коммерческого вывоза⁵⁶. Но в дальнейшем вследствие прежде всего падения спроса на неквалифицированную рабочую силу в богатых нефтедобывающих арабских государствах обнаружилась тенденция к значительному уменьшению инвалютных поступлений от граждан ЙАР из-за границы. В 1981 г. они сократились до 971 млн. долл.⁵⁷.

Во второй половине 70-х годов в довольно крупную трудоэкспортирующую страну, причем почти на 80% экспортирующую квалифицированную рабочую силу⁵⁸, превратилась Сирия. Ранее миграция рабочей силы ограничивалась лишь выездами сезонных рабочих в Ливан (по приблизительным оценкам, в пределах от 200 тыс. до 400 тыс. человек в год — в основном крестьяне и сельскохозяйственные рабочие)⁵⁹.

С 1975 по 1980 г. число сирийских рабочих и специалистов в богатых нефтедобывающих странах увеличилось более чем вдвое — с 40 тыс. до 89 тыс.⁶⁰. Это наряду с расширением временной миграции способствовало росту денежных переводов от сирийских граждан из-за границы. Если в 1972 г. сумма переводов составляла 39,1 млн. долл., в 1975 г. — 52,2 млн., в 1977 —

92,2 млн., то в 1978 г. она достигла 636 млн., в 1979 г. — 901,8 млн. долл. Правда, в дальнейшем (в связи прежде всего с обострением политической ситуации в регионе) сумма денежных переводов от граждан САР сократилась до 773,1 млн. долл. в 1980 г., до 581,3 млн. долл. в 1981 г. и до 481 млн. долл. в 1983 г.⁶¹

Довольно широкие масштабы внешней миграции, по мнению западных обозревателей, служат важным фактором рассасывания безработицы в Сирии⁶². Добавим также, что, ослабляя негативные последствия аграрного перенаселения и миграции сельских жителей в городские центры, исход рабочей силы за рубеж превратился в крупный источник инвалютных ресурсов, нужда в которых «прифронтовой» Сирии, активно противостоящей экспансии Израиля, необычайно велика.

Широкие (хотя и несколько меньшие в сопоставлении с Египтом) масштабы приобрела миграция рабочей силы из Турции. В 60-х — начале 70-х годов подавляющая часть мигрантов направлялась в страны Западной Европы, и главным образом в ФРГ. Так, в 1962—1974 гг. из 809 тыс. рабочих и специалистов (только по официальным каналам), выехавших из Турции, свыше 80% трудоустроилось в ФРГ⁶³. Число турецких граждан, занятых на различных предприятиях в странах Западной Европы, оценивалось в 198 тыс. в 1969 г. и 656 тыс. в 1974 г.⁶⁴. Денежные переводы турецких граждан из-за рубежа увеличились с 8,1 млн. долл. в 1964 г. до 140,6 млн. в 1969 г., 1183,3 млн. в 1973 г. и 1442,6 млн. долл. в 1974 г.⁶⁵

С 1974 г. в связи с экономическим кризисом, захлестнувшим капиталистический мир, в странах Западной Европы обострилась проблема занятости и ухудшились условия труда рабочих и специалистов из Турции и других освободившихся стран. Кроме того, правительства стран Западной Европы приняли меры к сокращению использования рабочей силы из освободившихся стран. Это сопровождалось возвращением части турецких граждан на родину, постепенным сведением почти до нуля миграции турецкой рабочей силы в страны Западной Европы, в том числе и в ФРГ⁶⁶.

Все это послужило одной из основных причин того, что инвалютные поступления от турецких рабочих и специалистов из-за рубежа сократились до 1312,4 млн. долл. в 1975 г., 982,7 млн. долл. в 1976 г. и оставались приблизительно на этом уровне в 1977—1978 гг.⁶⁷. По мнению турецких экспертов, важную роль в сокращении инвалютных поступлений сыграло и то, что с ростом инфляции и неоднократной девальвацией турецкой лиры среди турецких граждан за рубежом усиливалось стремление к размещению своих сбережений в западных банках. На счетах турецких граждан в западных банках находилось в начале 80-х годов более 6 млрд. долл.⁶⁸

Тем не менее на рубеже 80-х годов прослеживался резкий рост инвалютных поступлений от турецких граждан из-за гра-

ницы. Сумма их денежных переводов увеличилась с 983,1 млн. долл. в 1978 г. до 1694,4 млн. долл. в 1979 г., 2071,1 млн. долл. в 1980 г. и 2489,7 млн. долл. в 1981 г.; в 1979 г. она составила 74,9%, а в 1981 г. — 52,9% экспортных поступлений Турции и соответственно 33,4% и 27,9% импортных затрат⁶⁹. Такое повышение инвалютных поступлений от турецких граждан из-за границы обуславливалось прежде всего значительным ростом денежных переводов от турецких рабочих и специалистов, занятых на различных предприятиях в богатых нефтедобывающих арабских странах, которые во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов постепенно превращались в основной объект приложения турецкой рабочей силы за рубежом⁷⁰. Это находилось в прямой связи с расширением в арабских странах подрядной деятельности турецких инженерно-строительных фирм, которые в 1978—1984 гг. заключили там контракты на общую сумму 14 763 млн. долл., в том числе на 8657 млн. (58,6%), в Ливии и на 4567 млн. долл. (30,9%) в Саудовской Аравии⁷¹.

Число турецких рабочих и специалистов в арабских странах с 9,5 тыс. в 1975 г. увеличилось до 120 тыс. в 1981 г. и 250 тыс. в 1984 г.⁷² При этом основная масса их концентрировалась в Ливии и Саудовской Аравии, на которые приходилось свыше 80% турецкой рабочей силы, направленной за рубеж в 1978—1984 гг.⁷³ Вместе с тем надо отметить, что в отличие от предшествующего периода, когда доля лиц квалифицированного труда в турецкой рабочей силе колебалась, как правило, в пределах от 25 до 30%, в 1977—1981 гг. она составляла 68%, в 1982—1984 гг. — 69%⁷⁴.

Несмотря на значительное расширение использования турецких рабочих и специалистов в арабских государствах, общее число турецких граждан, занятых на различных предприятиях за рубежом, увеличилось сравнительно незначительно — с 802 тыс. в 1979 г. до 870 тыс. в 1983 г.⁷⁵ Это объяснялось главным образом массовым оттоком турецких рабочих и специалистов из ФРГ, где в связи с ростом безработицы во избежание политических осложнений проводилась активная кампания по снижению до минимума использования иностранной рабочей силы. Наряду с усилением дискриминационных мер правительство Западной Германии не останавливалось даже перед выплатой турецким рабочим при их выезде на родину весьма солидной компенсации⁷⁶. Прямым следствием обострения ситуации на рынках труда в странах Западной Европы, прежде всего в ФРГ, стало падение инвалютных поступлений от турецких граждан из-за рубежа — с 2489,7 млн. долл. в 1981 г. до 2186,6 млн. долл. в 1982 г. и 1553,6 млн. долл. в 1983 г.⁷⁷ Правда, в 1984 г. денежные переводы из-за границы возросли и достигли 1881,2 млн. долл. В 1984 г. они составляли 25,7% экспортных поступлений (в 1981 г. — 52,9%) и 17,5% импортных затрат (в 1981 г. — 27,9%) Турции⁷⁸.

Аналогичные в принципе тенденции прослеживались и в миг-

рации трудоспособного населения из стран Магриба, которая направлялась преимущественно в государства Западной Европы, и главным образом во Францию. В 1959 г. в Западной Европе было зарегистрировано 220 тыс. выходцев из стран Магриба, занятых в различных сферах народного хозяйства, в 1969 г. — 362 тыс., в 1974 г. — 721 тыс., в 1975 г. — 678 тыс., из которых 62% составляли граждане Алжира. В 1973 г. денежные переводы граждан стран Магриба из-за рубежа составляли около 25% внешних доходов Марокко, 20% — Алжира и 11,6% — Туниса ⁷⁹.

Заметное сокращение в государствах Западной Европы рабочих и специалистов из стран Магриба, в первую очередь Алжира, было во многом результатом дискриминационных акций властей западноевропейских стран. Число алжирских граждан, занятых в различных отраслях народного хозяйства стран Западной Европы (на 98% Франции), с 440 тыс. в 1973 г. уменьшилось до 327,5 тыс. в 1980 г. ⁸⁰. Тем не менее инвалютные поступления от алжирских граждан из-за рубежа сохранялись на довольно высоком уровне. В 1973 г. они составляли 331,4 млн. долл., в 1980 г. — 406,1 млн. долл. ⁸¹, но если в 1973 г. за их счет покрывалось 13,7% импортных затрат АНДР, то в 1980 г. — лишь 3,8% ⁸².

Таким образом, постепенно Турция и страны Магриба лишались рынков труда в Западной Европе. Переориентация же Турции и государств Магриба на рынки труда богатых нефтедобывающих стран Ближнего и Среднего Востока встречает серьезную конкуренцию как со стороны экспортирующих рабочую силу арабских государств региона (Египта, ЙАР, Сирии, Иордании), так и со стороны государств Южной Азии (Пакистана, Индии, Бангладеш).

С обострением проблемы занятости в странах Западной Европы и ростом конкуренции на рынках труда богатых нефтедобывающих государств Ближнего и Среднего Востока в ближайшей перспективе следует, вероятно, ожидать сокращения миграции рабочей силы из основных трудозэкспортирующих стран региона, что, в свою очередь, может привести к росту безработицы в этих странах.

Внешняя миграция рабочей силы влекла за собой и серьезные негативные последствия. Это заключалось прежде всего в том, что значительную часть лиц, отбывающих из Турции, Египта, Сирии и других стран на заработки в богатые нефтедобывающие государства и страны Западной Европы, составляли специалисты разного профиля. При нехватке квалифицированных кадров в самих трудозэкспортирующих странах это наносит ущерб их социально-экономическому развитию как в настоящем, так и особенно в будущем.

В Египте, например, расширение внешней миграции сопровождалось ростом дефицита квалифицированных кадров в большинстве отраслей материального производства ⁸³, а в сфере

сельскохозяйственного производства в отдельных земледельческих районах во время сезонных работ способствовало и образованию острого дефицита неквалифицированной рабочей силы, особенно мужчин самых дееспособных возрастов⁸⁴.

Негативное влияние рост внешней миграции оказывал и на обеспечение квалифицированными кадрами различных отраслей социальной инфраструктуры в египетской деревне, в частности системы образования. Это проявлялось в росте нехватки учителей в сельских школах, что приводило зачастую к переуплотнению учебных классов и нарушению нормального процесса обучения, а порой и к закрытию школ. Серьезный ущерб внешняя миграция наносила и деятельности различных служб здравоохранения в деревне⁸⁵.

Непосредственные причины роста сельской миграции в города, влияние этого роста на структуру занятости, количественный и качественный состав рабочей силы в растениеводстве и животноводстве, а также на социально-экономическую и политическую ситуацию в городских районах представляется целесообразным рассмотреть преимущественно на материалах по Ирану. Такой подход в немалой степени обусловливается тем, что в Иране в 60-х — первой половине 70-х годов осуществлялась обширная программа аграрных преобразований, которые, казалось, должны были бы воздвигнуть серьезные и устойчивые преграды на пути роста сельской миграции. И действительно, в 60-х годах в связи с проведением в Иране аграрной реформы процесс сельской миграции в городские районы несколько замедлился. Однако в начале 70-х годов он вновь набрал силу и в середине 70-х годов приобрел очень крупные масштабы, что, очевидно, предопределялось прежде всего резким возрастанием притягательной силы городских центров в связи с развернувшимся там интенсивным экономическим и культурным строительством. Иранская пресса середины 70-х годов единодушно отмечала, что одним из главных стимулов миграции сельского населения и особенно молодежи в городские центры было стремление к получению более высоких доходов, а отчасти и желание приобрести достаточное образование и приобщиться к современному образу жизни⁸⁶. По сведениям статистических органов Исламской Республики Иран, доходы городских семей в 1977/78 г. в среднем в 2,7 раза и в 1979/80 г. в 2,3 раза превышали доходы сельских семей, а в расчете на душу населения — в 2,9 и 2,5 раза⁸⁷. Такое же приблизительно положение наблюдалось и в ряде других стран Ближнего и Среднего Востока⁸⁸.

О внушительном разрыве в доходах городских и сельских жителей косвенно (но весьма наглядно) свидетельствуют и данные о потребительских расходах сельских и городских семей. В Иране с 1965/66 по 1977/78 г. потребительские расходы городских семей в среднем приблизительно вдвое превышали потребительские затраты сельских семей⁸⁹, а в Египте (по состоянию на 1976/77 г.) — на 85,5%⁹⁰.

Значительный разрыв отмечался и в оплате наемного труда в сельских районах — в растениеводстве и животноводстве и в городских — в промышленности и в сфере услуг. В 1971/72 г. в Иране дневная зарплата сельскохозяйственных рабочих-мужчин находилась на уровне зарплаты неквалифицированных рабочих в городской промышленности⁹¹. При этом среди сельскохозяйственных рабочих в Иране (как и в других странах Ближнего и Среднего Востока) преобладала сезонная занятость. По оценке Э. Хугланда⁹², за четыре месяца сезонной работы рабочие получали от 80 до 120 долл. Семейный годовой доход сезонных сельскохозяйственных рабочих (принимая во внимание труд женщин и детей) колебался от 150 до 220 долл. (от 11,4 тыс. до 16,8 тыс. риалов), а постоянных сельскохозяйственных рабочих при занятости восемь месяцев в году — от 300 до 440 долл. (от 22,8 тыс. до 33,6 тыс. риалов). При этом семейный годовой доход сезонных рабочих составлял лишь 19,1—28% средних потребительских расходов сельских семей и 38,2—56% — постоянных рабочих⁹³. Правда, в дальнейшем в связи с интенсивным ростом в растениеводстве и животноводстве капиталистического предпринимательства прослеживалось довольно резкое повышение зарплаты сельскохозяйственных рабочих. Естественно, на ее уровень серьезное влияние оказывал и быстрый рост стоимости жизни вследствие прежде всего разразившейся в стране инфляции. В результате дневная зарплата неквалифицированных сельскохозяйственных рабочих возросла в среднем по стране с 89 риалов в 1971/72 г. до 216 риалов в 1975/76 г., 301 риала в 1976/77 г. и 350 риалов в 1977/78 г.⁹⁴ Еще больше она увеличилась в районах торгового земледелия. Так, в Горгане дневная зарплата сельскохозяйственных рабочих-мужчин возросла с 70—90 риалов в 1970/71 г. до 250—300 риалов в 1975/76 г., а женщин — с 50—60 риалов до 150—200 риалов. В 1977/78 г. в районах торгового земледелия дневная зарплата сельскохозяйственных рабочих достигала 600 риалов и более⁹⁵, а дневная зарплата трактористов в среднем по стране составляла 700 риалов. Несмотря на резкое повышение, дневная зарплата неквалифицированных сельскохозяйственных рабочих соответствовала приблизительно лишь низшему уровню зарплаты неквалифицированных рабочих в Тегеране, которая в 1977/78 г. колебалась от 350 до 700 риалов⁹⁶.

Тем не менее рост зарплаты неквалифицированных сельскохозяйственных рабочих в Иране заметно обгонял повышение цен на потребительские товары и услуги⁹⁷, а также рост доходов основной массы крестьянских хозяйств. В 1976/77 г. семейный доход сезонных сельскохозяйственных рабочих составлял уже 43,5% средних потребительских расходов сельских семей и 86,9% — постоянных рабочих⁹⁸. Зарплата квалифицированных сельскохозяйственных рабочих, и прежде всего механизаторов, намного превышала средние потребительские расходы сельских семей. Однако их доходы в целом в значительной мере уступали

доходам квалифицированных рабочих, занятых в различных отраслях промышленности и в сфере услуг в городских центрах Ирана. Следует отметить, что в Иране в период исламской республики (очевидно, прежде всего в связи с резким спадом экономической активности в городе) прослеживалось известное сокращение разрыва между доходами (и расходами) городских и сельских жителей⁹⁹.

В Египте в середине 70-х годов под влиянием роста капиталистического предпринимательства, расширения более выгодных возможностей трудоустройства вне деревни, в том числе и за рубежом, и под воздействием ряда иных факторов обнаружилась тенденция к довольно быстрому повышению ставок зарплаты сельскохозяйственных рабочих. Однодневная зарплата сельскохозяйственных рабочих, занятых на капиталистических фермах, с 32,2 пиастра в 1974 г. увеличилась до 115 пиастров в 1980 г., или в 3,6 раза. При этом реальное содержание однодневной зарплаты сельскохозяйственных рабочих выросло на 89%, тогда как в предшествующий период (с 1966 по 1974 г.) оно сократилось на 31%¹⁰⁰. Такое повышение ставок оплаты труда сельскохозяйственных рабочих распространялось прежде всего на постоянных рабочих, а значительную часть сезонных и других временных рабочих затрагивало в гораздо меньшей степени. Именно об этих категориях временных рабочих А. Ричардс писал, что их материальное положение отличалось крайней бедностью, а их жизненные стандарты находились на уровне, «оскорбляющем человеческое достоинство»¹⁰¹.

Но и материальное положение постоянных сельскохозяйственных рабочих, обслуживавших капиталистические (прежде всего мелкокапиталистические) фермы, оставляло, мягко говоря, желать лучшего. Несмотря на значительное повышение, их дневная зарплата в 1975 г. составляла лишь 46,5%, а в 1977 г. — 49,7% дневной зарплаты низших категорий строительных рабочих¹⁰². Вместе с тем следует отметить, что разрыв в оплате незначительного труда в растениеводстве и животноводстве и в иных отраслях народного хозяйства Египта в конце 70-х — начале 80-х годов в заметной степени увеличился. По сведениям Национального банка Египта, в 1977 г. зарплата сельскохозяйственных рабочих в среднем составляла 61,9% зарплаты рабочих, занятых в других производственных отраслях, 35,4% зарплаты рабочих, занятых в различных областях производственной инфраструктуры, и 31,6% зарплаты рабочих, занятых в сфере социальной инфраструктуры; в 1980 г. соответственно — 54,6, 35,7 и 25,0%; в 1982/83 г. — 44,0, 18,0 и 24,9%¹⁰³.

Еще более резкий контраст прослеживался в странах Ближнего и Среднего Востока в обеспечении сельских и городских районов современными коммунальными услугами и культурно-просветительскими учреждениями. Так, в иранской деревне в 60-х — начале 70-х годов жилищное строительство, за исключением отдельных районов, не получило сколько-нибудь заметного

Таблица 14

Использование современных предметов быта, личных автомобилей и коммунальных услуг различными группами семей в сельских (1979/80 г.) и городских (1980/81 г.) районах Ирана *, %

Группы семей по размеру ежемесячных расходов, тыс. риал.	Радио-приемники		Телевизоры (черно-белые)		Магнитофоны		Автомашинны		Холодильники		Швейные машины		Газовые плиты		Водопровод		Электроэнергия	
	I**	II***	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II
Менее 2,5	15,5	23,2	0,0	6,1	3,9	4,0	0,0	0,0	0,5	8,1	0,5	0,0	3,4	7,1	11,7	60,6	17,5	72,7
2,5— 5,0	31,6	49,5	0,5	10,5	7,4	15,2	0,0	1,0	1,5	26,7	0,0	1,0	4,5	26,7	9,4	71,4	12,9	89,1
5,0— 7,5	45,1	61,8	1,1	18,3	12,5	22,4	0,2	0,6	3,6	41,6	0,4	1,9	10,0	33,1	13,5	79,5	14,2	93,7
7,5— 10	57,4	69,9	2,3	25,5	19,3	30,9	0,4	1,3	6,4	48,6	0,0	1,3	16,0	39,0	13,4	84,7	17,0	92,7
10 — 15	62,4	80,2	3,8	38,9	25,3	41,4	0,8	2,8	9,7	68,0	0,3	5,7	24,1	57,3	18,4	86,6	23,9	95,9
15 — 20	68,6	83,3	6,6	54,8	31,3	47,4	1,0	3,8	14,4	76,0	0,3	8,2	30,6	65,0	20,4	85,0	27,9	96,1
20 — 30	74,2	89,0	11,4	67,3	36,6	59,2	2,4	7,6	20,7	85,5	0,7	15,8	36,6	77,6	24,5	89,3	35,5	98,0
30 — 50	80,2	93,4	17,3	79,9	42,9	68,2	5,5	15,8	27,5	93,0	1,2	29,4	44,8	87,2	25,4	92,8	40,8	99,2
50 — 100	82,4	95,6	21,0	84,0	52,6	76,8	12,4	33,0	30,0	93,5	2,6	49,5	46,4	93,7	27,2	94,4	43,6	99,5
100 и более	81,3	94,6	25,5	76,1	51,6	78,0	17,2	50,6	34,9	86,4	6,3	60,2	47,9	91,6	32,3	95,5	45,3	99,4
В среднем на одну семью	64,2	88,4	7,8	67,8	29,0	61,7	2,4	17,7	14,5	83,4	0,7	27,9	27,8	78,5	19,9	90,4	27,7	91,8

* Составлено по материалам выборочных обследований бюджетов сельских и городских семей: Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1360 (1981/82). Техран, 1983, с. 716, 722.

** I — показатели по сельским районам.

*** II — показатели по городским районам.

развития, снабжение электроэнергией находилось в зародышевой стадии, нужды населения в питьевой воде удовлетворялись в незначительной степени и т. д. То же самое можно сказать и об обеспечении деревни культурно-просветительскими учреждениями. Вместе с тем если в 1972/73 г. в городах 65% семей имели радиоприемники, 22% — телевизоры, 36,5% — холодильники и 7% — автомашины, то в сельских районах — соответственно только 31,7, 0,6, 1,4 и 0,3% семей¹⁰⁴. В конце 70-х — начале 80-х годов положение заметно изменилось. По данным статистических органов исламской республики, удельный вес сельских семей — собственников радиоприемников увеличился до 57,8% в 1977/78 г. и до 64,2% в 1979/80 г., собственников телевизоров — до 3,2% и 8,2%, автомашин — до 1,4% и 2,4%. Между тем в городах радиоприемники имели в 1977/78 г. 78,1% семей и в 1979/80 г. 84,7% семей, телевизоры — 52,2% и 65,4%, автомашины — 16,9% и 16,9% семей. В 1977/78 г. в городских районах водопроводом пользовались 79,5% семей, в 1979/80 г. — 87,9%, а электроэнергией — 91,6% и 97% семей, тогда как в деревне водопровод в 1977/78 г. был доступен лишь 11,7% семей, в 1979/80 г. — 19,9%, а электроэнергия — 16,2% и 27,7% семей¹⁰⁵. При этом значительный разрыв в обеспечении сельских и городских жителей благами «современной цивилизации» ощущался на всех этажах социальной лестницы, о чем косвенно свидетельствуют данные о распространении среди различных имущественных групп сельского и городского населения современных предметов быта, личных автомобилей и коммунальных услуг (табл. 14).

Большинство трудящихся иранской деревни были лишены медицинского обслуживания, за незначительным исключением, не были охвачены социальным страхованием и пенсионным обеспечением. Сельская молодежь, невзирая на рост в ее среде тяги к знаниям, фактически могла рассчитывать лишь на получение начального образования¹⁰⁶.

Такой же в общих чертах дисбаланс в распределении современных институтов и учреждений, коммунальных услуг, социальных и культурных благ прослеживался между сельскими и городскими жителями в Турции, Египте и в других странах Ближнего и Среднего Востока.

В Турции, например, в 1973 г. в городах радиоприемники имели 86,1% семей, телевизоры — 11,2%, холодильники — 39,7%, стиральные машины — 21,7%, автомашины — 4,4% семей, а в сельских районах соответственно — 62,7, 0,9, 8,8, 2,2 и 1,2% семей. Если в городах водопроводом пользовались $\frac{2}{3}$ семей и электроэнергией $\frac{3}{4}$ семей, то в сельской местности — $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{6}$ семей. Только в 2,3% из общего числа турецких селений в 1973 г. функционировали общественные пункты здравоохранения¹⁰⁷.

Все эти и другие факторы (включая довольно быстрое развитие современных коммуникаций) предопределили заметное

ускорение сельской миграции в городские районы. В результате рост урбанизации намного обгонял рост абсорбирующей способности городских центров, что сопровождалось расширением очагов безработицы в городских районах, обострением там социальных противоречий. В то же время усиление сельской миграции, которая охватывала в первую очередь молодежь и мужское население самых дееспособных возрастов, квалифицированные кадры разных категорий, приводило к качественному ухудшению рабочей силы в деревне, что крайне отрицательно сказывалось на развитии сельскохозяйственного производства, на распространении в растениеводстве и животноводстве передовых форм и методов труда.

В сельскохозяйственных районах большинства стран Ближнего и Среднего Востока в связи с назревшей потребностью в переходе к интенсивным формам и методам производства дефицит в разного рода специалистах, несмотря на количественный рост квалифицированных кадров в деревне, не только не сокращался, но даже увеличивался, и в довольно заметных размерах.

Осуществление в Иране в конце 60-х — середине 70-х годов весьма обширных программ модернизации сельскохозяйственного производства натолкнулось на острую нехватку квалифицированных кадров (как рабочих, так и специалистов среднего и высшего звена), на общую профессиональную неподготовленность сельскохозяйственного населения к восприятию передовых форм и методов производства. Это проявилось в замедленных темпах строительства агропромышленных комплексов, развития промышленного скотоводства и птицеводства, недостаточном и малоэффективном использовании сельскохозяйственных машин, минеральных удобрений и т. д.

Острая нехватка квалифицированных кадров, как неоднократно подчеркивалось в выступлениях официальных лиц монархического Ирана, стала одним из главных препятствий на пути распространения передовых форм и методов сельскохозяйственного производства и достижения необходимых темпов роста растениеводства и животноводства¹⁰⁸. Вопрос об обеспечении сельскохозяйственного производства квалифицированными кадрами не сходил со страниц иранской прессы, причем отмечалось, что в Иране не уделялось достаточного внимания подготовке специалистов для растениеводства и животноводства. Вместе с тем указывалось, что рост дефицита в квалифицированных кадрах в немалой степени обуславливался и тем, что выпускники сельскохозяйственных учебных заведений (в первую очередь специалисты с высшим образованием) зачастую отказывались ехать в деревню, лишенную благ современной цивилизации. В Иране, по оценке местной печати, в растениеводстве и животноводстве работало в середине 70-х годов только около 30% сельскохозяйственных специалистов¹⁰⁹. Такая же в целом ситуация наблюдалась в Иране и в период исламской республики.

В Турции, по состоянию на 1973 г., из общего числа сельскохозяйственных специалистов высшего и среднего звена только 22% работали в деревне непосредственно в растениеводстве и животноводстве, а 78% оставались в городских районах, где работали в государственных и частных учреждениях, на различных предприятиях в сфере промышленности и услуг, занимались преподавательской деятельностью¹¹⁰.

Данные об использовании сельскохозяйственных специалистов в растениеводстве и животноводстве Ирана и Турции свидетельствуют о том, что решение вопроса об обеспечении этих отраслей квалифицированными кадрами заключается не столько в организации их подготовки, сколько в создании материальных и других предпосылок, способствующих удержанию квалифицированных кадров в сфере сельскохозяйственного производства.

В странах Ближнего и Среднего Востока вопрос об обеспечении растениеводства и животноводства квалифицированными кадрами приобретал все более актуальное значение. Это в значительной мере предопределялось резким сокращением (а в отдельных странах, в первую очередь в Египте, сведенном до минимума) возможностей экстенсивного развития сельскохозяйственного производства, назревшей необходимостью усилить темпы модернизации растениеводства и животноводства на пути расширения использования современных средств и методов производства, достижений НТР. Усиление несоответствия между быстро возрастающими потребностями сельскохозяйственного производства в квалифицированных кадрах и возможностями удовлетворения этих потребностей за счет занятых в растениеводстве и животноводстве разного рода специалистов служит одним из главных, и притом новых, проявлений (и одновременно факторов) обострения проблемы занятости в деревне стран Ближнего и Среднего Востока в 70-х — первой половине 80-х годов.

Острая нехватка квалифицированных кадров (особенно специалистов высшего и среднего звена) в деревне большинства стран Ближнего и Среднего Востока явилась серьезным препятствием не только на пути модернизации сельскохозяйственного производства, но и на пути эффективного использования уже имевшихся в растениеводстве и животноводстве средств технического обеспечения. Острая нехватка сельскохозяйственных специалистов оказывала негативное влияние и на реализацию проектов массового обучения трудящихся деревни современным методам растениеводства и животноводства (они в той или иной степени осуществлялись в большинстве стран региона), что, в свою очередь, отрицательно сказывалось на выполнении программы по повышению продуктивной занятости крестьян и сельскохозяйственных рабочих, а опосредственно и на развитии сельскохозяйственного производства¹¹¹.

Непрекращавшийся поток сельской миграции в городские центры приводил и к тому, что в 70-х годах в сельскохозяйст-

венных районах стран Ближнего и Среднего Востока, прежде всего в районах торгового земледелия, ощущалась нехватка неквалифицированного наемного труда. В Иране такое явление прослеживалось в середине 70-х годов в отдельных районах торгового земледелия — в Хорасане, Восточном Азербайджане, Мазендеране, Гиляне и других останах, где возникали серьезные трудности с уборкой урожая ¹¹².

Под влиянием роста миграции из деревни нехватка рабочей силы в сельскохозяйственном производстве, особенно во время посева и уборки урожая, ощущалась, как отмечали эксперты ООН, и в деревне Сирии и особенно Ирака ¹¹³. Аналогичное явление, как уже отмечалось, наблюдалось в сельскохозяйственных районах Египта и ряда других стран Ближнего и Среднего Востока.

Обострение проблемы обеспечения сельскохозяйственного производства наемной рабочей силой в условиях довольно резкого повышения оплаты труда в деревне — убедительное доказательство роста значения «притягательной силы» города в стимулировании сельской миграции. Гипертрофированный рост сельской миграции в города сопровождался в странах Ближнего и Среднего Востока ухудшением качественного состава рабочей силы в деревне, образованием дефицита на рынке наемного труда (прежде всего квалифицированного) и в то же время приводил к расширению в городских районах сферы безработицы и ухудшению условий трудоустройства, к перегруженности крупных городских центров, обострению там социальных противоречий.

Рост влияния сельской миграции на социальную ситуацию в крупных городских центрах, на формирование там взрывоопасного социального климата, естественно, вызывал серьезное и неослабевавшее беспокойство у руководства стран Ближнего и Среднего Востока. Это беспокойство особенно возросло после свержения в Иране династии Пехлеви и установления там исламской республики. В массовых антимонархических и антиимпериалистических выступлениях самое энергичное участие принимали отходники из деревни, «активность» которых, по словам Э. Хугланда, составляла разительный контраст с «пассивностью» крестьян ¹¹⁴.

В период исламской республики сельская миграция также оказывала значительное влияние на формирование социальной и политической ситуации в городских районах. По сведениям иранской прессы, поток сельской миграции в крупные городские центры, прежде всего в Тегеран, в период исламской республики не только не ослаб, но даже усилился ¹¹⁵. При этом, как явствовало из передачи тегеранского радио 10 января 1980 г., значительную часть отходников из деревни составляли земледельцы, которые не проявляли заинтересованности в возделывании своих участков ¹¹⁶. В условиях резкого сокращения возможностей трудоустройства в городских районах (с сокращением

экономического строительства, уменьшением производства или бездействием значительного числа промышленных и других предприятий и т. д.) усиление сельской миграции в крупные городские центры, где концентрировалось огромное число безработных, способствовало превращению городских центров в очаги постоянной социальной и политической напряженности.

Негативное воздействие состояния проблемы занятости в деревне на развитие растениеводства и животноводства, на социальную и политическую ситуацию в сельских районах и особенно в городских центрах превратило эту проблему в одну из самых неотложных в общественном развитии государств Ближнего и Среднего Востока, как и освободившихся стран Азии и Северной Африки в целом. Это неоднократно отмечалось в различных документах ООН и ее организаций, прежде всего МОТ и ФАО, которые разработали ряд фундаментальных программ по решению проблемы занятости, сокращению и ликвидации бедности и нищеты в освободившихся государствах.

Заложенные в этих программах рекомендации в 60—70-х годах в той или иной степени получили отражение в различных национальных программах: аграрных реформ, кооперативного движения, социально-культурного развития деревни и т. д.

Однако в странах Ближнего и Среднего Востока осуществление аграрных и других преобразований в деревне, учитывая их, как правило, буржуазный характер и весьма ограниченные рамки, а также явно недостаточную помощь государства развитию растениеводства и животноводства и особенно мелкого производства, не оказывало сколько-нибудь существенного (во всяком случае, устойчивого) воздействия на положение в сфере занятости названных стран.

Акцентируя внимание мировой общественности на обострении проблемы занятости в сельских и городских районах большинства освободившихся стран, росте там бедности и нищеты, констатируя слабую эффективность различных национальных проектов борьбы с этими отрицательными явлениями, ООН в рамках международной стратегии развития на 80-е годы выдвинула обширную программу решения проблемы занятости в освободившихся странах. Одно из главных мест в международной стратегии ООН отводится мероприятиям по расширению занятости, особенно среди низших прослоек сельского и городского населения. Эти мероприятия рассматриваются в органической связи, с одной стороны, с вопросами об ускорении роста индивидуального и общественного производства, а с другой — с вопросами о сокращении и ликвидации бедности и нищеты — одного из основных источников возрастающей социальной и политической напряженности, важного фактора замедленных темпов экономического роста народного хозяйства освободившихся стран¹¹⁷.

Основные рекомендации ООН по решению проблемы занятости в деревне освободившихся стран в целом не вызывают

возражений. Тем не менее следует сказать, что рекомендации ООН в явно недостаточной степени учитывают реальные (внутренние и внешние) возможности освободившихся стран в решении этой насущной проблемы, а особенно классовые и иные противоречия общественного развития названных стран, испытывающих в большинстве мощное неокOLONиалистское давление империалистических держав.

Между тем именно названные факторы, как показывает опыт 60-х — первой половины 80-х годов, в значительной мере определяют ограниченные масштабы и довольно слабую эффективность различных мероприятий государства по решению проблемы занятости в деревне стран Азии и Северной Африки, фактически ставят непреодолимые преграды на пути выполнения провозглашенной ООН задачи — к концу нынешнего столетия добиться в освободившихся странах полной занятости трудоспособного населения и в органической связи с этим искоренения крайней бедности ¹¹⁸. Опыт осуществления в сельских районах стран Ближнего и Среднего Востока аграрных преобразований, различных экономических проектов, социально-культурных мероприятий и т. д., призванных в той или иной степени способствовать расширению, улучшению условий и повышению продуктивности занятости в деревне, сокращению потока сельской миграции в городские центры, оставляет довольно мало надежд на то, что в 80 — 90-х годах в сельских районах стран региона (как, очевидно, и в городских центрах) произойдут кардинальные изменения в сфере занятости.

Глава V

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Продовольственная проблема наряду и в тесной связи с проблемой занятости — одна из наиболее животрепещущих, неотступно стоящих перед правительствами большинства стран Ближнего и Среднего Востока. С экономической и общественно-политической точки зрения решение продовольственной проблемы для государства — это прежде всего организация бесперебойного снабжения городского населения основными продуктами питания по доступным ценам как с целью добиться нормального воспроизводства рабочей силы в различных отраслях городского хозяйства, так и с целью предотвратить чреватый опасными последствиями рост недовольства широких слоев городского населения.

В 60—70-х годах с осуществлением в странах Ближнего и Среднего Востока программ индустриализации, влекущих за собой ускорение урбанизации, продовольственная проблема становится все более актуальной. Параллельно возрастали и трудности в ее решении. Однако сразу же следует отметить, что некоторые государства Ближнего и Среднего Востока, получая большие доходы от эксплуатации нефтяных месторождений, могли удовлетворять нужды городского населения в продуктах питания за счет импорта дополнительного количества продовольственных товаров.

Темп прироста сельскохозяйственной продукции в странах Ближнего и Среднего Востока ¹ в 60—70-х годах, по подсчетам экспертов ФАО, составлял 3%, тогда как в освободившихся странах в целом — 2,8%, в странах Азии (за исключением государств Западной Азии) — 2,9% ². И все же в 60—70-х годах темп прироста сельскохозяйственной продукции в странах Ближнего и Среднего Востока лишь в незначительной степени превышал темп прироста населения, который оценивался в 2,8% ³. Между тем спрос на продовольственную продукцию в 60—70-х годах в этих странах в среднем ежегодно увеличивался на 4,1%, что предопределялось, очевидно, ускорением процесса разложения и разрушения традиционных форм хозяйства и общественной жизни, переходом большинства стран на качественно новый этап общественного развития, выходом на пере-

довые позиции (в значительной части этих стран) мелкотоварного производства и капиталистического предпринимательства в его современных формах.

Таким образом, трудности, которые правительства стран Ближнего и Среднего Востока испытывали в решении продовольственной проблемы, во многом обуславливались сужением возможностей национального производства удовлетворять возросший внутренний спрос, а особенно обеспечивать городские рынки необходимым количеством продовольственных товаров. Следует отметить, что аграрные преобразования, способствуя ускорению роста сельскохозяйственного производства и улучшению материального положения трудящихся деревни, как правило, не сопровождались пропорциональным расширением поставок продовольственной продукции на городские рынки. Более того, на первых порах они зачастую сопровождались сокращением этих поставок (во всяком случае, в их относительном выражении). «Излишки» продовольственной продукции крестьяне использовали прежде всего на ликвидацию дефицита в продовольственном балансе своих семей или реализовывали на ближайших сельских рынках.

По темпам роста платежеспособного спроса на продовольственные товары страны Ближнего и Среднего Востока превосходили все остальные освободившиеся страны. Если на Ближнем и Среднем Востоке темп роста платежеспособного спроса на продовольственную продукцию с 1961—1965 по 1979 г. составлял 4,1%, то в Африке — 2,9%, Азии (без Западной Азии) — 2,8%, в Латинской Америке — 3,2%, в освободившихся странах в целом — 3,1% ⁴.

На Ближнем и Среднем Востоке образовывался, естественно, и самый значительный разрыв между предложением продуктов питания национальным производством и спросом на продовольственные товары. Отсюда и наиболее высокие для освободившегося мира темпы роста продовольственного импорта — с 1961—1965 по 1979 г. они составляли на Ближнем и Среднем Востоке 9,1%, тогда как в освободившихся странах в целом — 5,7%, в Африке — 6,8, Азии (без Западной Азии) — 3,1, Латинской Америке — 6,1% ⁵.

В результате доля импорта в продовольственном обеспечении населения стран Ближнего и Среднего Востока намного увеличилась, что особенно проявилось в снабжении городов основными продуктами питания, и прежде всего зерном. Если в 1961—1965 гг. в странах региона, по подсчетам экспертов ФАО, за счет импортных закупок удовлетворялось 9% спроса населения на зерно, то в 1975—1979 гг. — 18% ⁶.

Наиболее значительный рост спроса на продовольственные товары происходил в основных нефтедобывающих странах Ближнего и Среднего Востока ⁷, особенно в тех, которые осуществляли радикальные буржуазные преобразования. Об этом убедительно свидетельствуют данные по Ирану — в 1968/69 —

Таблица 15

Производство, импорт и потребление пшеницы в Иране в 1960—1983 гг.
(среднегодовые показатели) *

Годы	Посевная площадь, тыс. га	Сбор, тыс. т	Урожай- ность, ц с га	Расход се- мян и поте- ри (10%), тыс. т	Чистый импорт **, тыс. т	Личное потребление	
						общее, тыс. т	душевое, кг
1960—1964	3693	2648	7,2	656,0	240,8	2232,8	97,8
1965—1969	4489	4140	9,2	876,8	202,6	3465,8	130,9
1970—1974	5571	4304	7,7	995,2	806,6	4115,4	136,1
1975—1978	5681	5701	10,0	1151,0	1239,5	5789,5	170,0
1979—1982	5899	6145	10,4	1190,0	1597,9	6552,9	173,1
1983	6042	5956	9,9	1199,8	2458,7	7214,9	175,7

р 4

* Составлено и подсчитано по: Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1353 (1974/75). Техран, 1976, с. 209, 239; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2536 (1977/78), 1978, с. 209, 270; Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е салане ва теразнаме, 1351 (1972/73). Техран, 1973, с. 199; Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е эктесад-и ва теразнаме, 1356 (1977/78), 1978, с. 172; 1357 (1978/79), 1979, с. 20; Statistical Yearbook for Asia and the Pacific, 1977, Bangkok, 1978, с. 206; Statistical Yearbook for Asia and the Pacific, 1983, 1984, с. 253; FAO. Trade Yearbook, 1966, с. 99, 101; 1970, с. 119, 121; 1975, с. 125, 127; 1978, с. 113; FAO. Monthly Bulletin of Statistics, 1983, № 3, с. 57, № 6, с. 18, 45; № 10, с. 17, 50; 1985, № 6, с. 18, 51.

** Включая муку в зерновом эквиваленте.

1972/73 гг. там при ежегодном приросте сельскохозяйственного производства в 3,9% ⁸ спрос на продовольственную продукцию возрастал на 6,4% ⁹. В дальнейшем диспропорция между ростом национального сельскохозяйственного производства и увеличением продовольственного потребления в Иране еще более увеличилась. Если в 1973/74 — 1977/78 гг. темп прироста сельскохозяйственного производства составлял, по официальным иранским данным, 4,6%, то продовольственное потребление увеличивалось на 10,8%. При этом темп прироста валовой продукции растениеводства оценивался в 3,3%, а потребления продовольственной сельскохозяйственной продукции — в 8,7%. Аналогичные показатели для продукции животноводства составляли 6,7% и 11,8% ¹⁰.

Таким образом, в 70-х годах, несмотря на ускорение развития сельскохозяйственного производства, связанное в значительной степени с укреплением позиций мелкотоварного производства и капиталистического предпринимательства в деревне, разрыв между предложением продовольственных товаров и спросом населения намного увеличился. Для ликвидации дефицита иранское государство в 1973/74 — 1977/78 гг. израсходовало на импорт продовольственных товаров огромную сумму — 5201 млн. долл. ¹¹. Усиление зависимости Ирана от импорта продуктов питания особенно проявилось на рынке продукции

главных продовольственных культур Ирана — пшеницы и риса, а также различных видов продукции животноводства, растительного масла и сахара.

Валовой сбор пшеницы в Иране с 1960—1964 по 1975—1978 гг. увеличился с 2648 тыс. т до 5701 тыс. т, т. е. на 115,3%, а потребление пшеницы повысилось на 159,3%. В результате если в 1960—1964 гг. в Иране доля импорта в потреблении пшеницы составляла 10,8%, то в 1975—1978 гг. она достигла 21,4%, а в 1979—1982 гг. — 24,4% (подсчитано на базе данных табл. 15).

Наболее отчетливо тенденция сокращения доли национального производства в удовлетворении нужд населения Ирана в пшенице проявлялась в городских центрах. В условиях ускорения роста производства пшеницы это сокращение объяснялось как высокими темпами урбанизации, так и значительным повышением уровня потребления пшеницы сельским населением. Так, если в период четвертого плана развития страны (1968/69 — 1972/73) подушное потребление пшеницы сельским населением в среднем составляло 126,8 кг, то в период пятого плана (1973/74 — 1977/78) — 198,8 кг. Между тем потребление пшеницы городским населением оставалось приблизительно на прежнем уровне (119,3 кг и 120,8 кг)¹². Значительное повышение душевого потребления пшеницы в деревне послужило основной причиной сокращения выхода товарного зерна, и особенно той его части, которая шла на нужды городского населения. Так, с 1972/73 по 1974/75 г. выход товарного зерна уменьшился с 2151 тыс. т до 1867 тыс. т, а удельный вес его в валовом производстве пшеницы — с 48,9% до 39,7%¹³. При этом, если допустить, что нужды сельского населения в пшенице покрывались исключительно за счет национального производства, прослеживается резкое сокращение количества товарного зерна, направлявшегося на городские рынки.

В 1972/73 г. при душевой норме 149,9 кг фонд личного потребления сельского населения Ирана (17 214,7 тыс. человек) составлял округленно 2580 тыс. т. Из этого количества в распоряжение жителей деревни поступало в натуральной форме 48,3% (1246 тыс. т) и в товарной — 51,7% (1334 тыс. т). На удовлетворение спроса городского населения (13 007,1 тыс. человек) выделялось 817 тыс. т, что покрывало 51,2% потребления, которое составляло 1595 тыс. т. Вместе с тем в 1974/75 г. при душевой норме 187,7 кг фонд личного потребления пшеницы сельским населением (17 565 тыс. человек) оценивался в 3296 тыс. т, из которых 48,4% (1596 тыс. т) приходилось на натуральное и 51,6% (1700 тыс. т) на товарное зерно. При таких ориентировочных подсчетах, не учитывающих перемещения товарной пшеницы, запасы зерна у государства и т. д., только 167 тыс. т товарной пшеницы национального производства попало в 1974/75 г. городским жителям. Это количество пшеницы покрывало лишь 9,3% личного потребления городского насе-

ления (14 297,1 тыс. человек), которое при душевой норме 125,1 кг достигало 1789 тыс. т ¹⁴.

Во многом аналогичная ситуация наблюдалась на городском рынке зерна и в дальнейшем, хотя в связи со значительным ростом производства пшеницы выход товарного зерна увеличился и, по ориентировочным подсчетам, составлял 2490 тыс. т в 1975/76 г. (45,4% валового производства), 3157 тыс. т (52,2%) в 1976/77 г. Однако доля товарного зерна, предназначавшегося на обеспечение нужд городского населения, оставалась (за исключением 1976/77 года, который отличался богатым урожаем) невысокой и оценивалась в 480 тыс. т (24,6% городского потребления пшеницы) в 1975/76 г., 1262 тыс. т (74%) в 1976/77 г. Что касается городского потребления пшеницы в период пятого плана развития в целом, то национальное производство покрывало лишь около 35% городского спроса, тогда как в период четвертого плана — 70%. В период пятого плана развития на нужды городского населения поступало только 24,2% товарного зерна внутреннего производства ¹⁵.

Резкое увеличение доли импортной пшеницы на городских рынках, усиливая влияние инфляции, охватившей мировое капиталистическое хозяйство, сопровождалось быстрым повышением цен на хлеб, что ложилось тяжелым бременем на плечи широких слоев населения и становилось одним из важных факторов их недовольства. Принимая во внимание и весьма обременительные расходы государства на ввоз крупных партий зерна, очень серьезное значение приобрел вопрос о замещении на городских рынках импорта зерна пшеницей внутреннего производства.

Обладая обширными площадями целинных и залежных земель ¹⁶, Иран имеет богатые возможности для экстенсивного развития производства пшеницы. Значительными потенциальными возможностями располагает Иран и для интенсивного развития производства этой культуры. Сочетая экстенсивное и интенсивное развитие, Иран в перспективе при широком использовании современных форм и методов производства, очевидно, в состоянии добиться самообеспечения пшеницей. Однако пока все эти возможности претворяются в жизнь явно недостаточно. Тем не менее нельзя не сказать, что с конца 60-х годов осуществлялись мероприятия, направленные на ускорение темпов роста производства пшеницы и других зерновых культур. При этом предпочтение отдавалось мероприятиям, способствовавшим распространению интенсивных методов производства. С 1968/69 г. на поливных землях под посевами пшеницы по инициативе и при материальной и технической поддержке государства, с помощью кооперативов и акционерных обществ осуществлялись проекты «зеленой революции». В 1968/69 г. они реализовались на площади 35 тыс. га, в 1972/73 г. — 308 тыс. га, в 1976/77 г. — на 872 тыс. га ¹⁷, составлявших 55,3% поливных земель под посевами пшеницы. Урожайность пшеницы в зоне их действия не

менее чем в 2,5 раза превышала урожайность на поливных землях, не охваченных этими проектами¹⁸. Серьезное внимание осуществлению проектов «зеленой революции» на землях под посевами пшеницы уделялось в Иране и в период исламской республики¹⁹.

Осуществление проектов «зеленой революции» по мере расширения сферы ее действия оказывало заметное влияние на производство пшеницы (табл. 15). Однако дальнейшее расширение зоны «зеленой революции» на землях под посевами пшеницы во многом тормозилось нехваткой поливных земель. В 1973/74 — 1977/78 гг. под посевами пшеницы было занято примерно 1566 тыс. га поливных земель, что составляло 27,4% всех площадей под посевами пшеницы.

Таким образом, перспективы развития производства пшеницы в значительной мере предопределялись использованием возможностей повышения ее урожайности на богарных землях. Этот вопрос неоднократно обсуждался на страницах иранской печати. Однако до разработки и тем более до осуществления каких-либо программ повышения урожайности пшеницы на богарных землях дело так и не дошло. Лишь в 1983/84 г. в Иране приступили к реализации проектов «зеленой революции» на богарных землях под посевами пшеницы. В 1984/85 г. эти проекты, по официальным сведениям, осуществлялись на площади около 1,4 млн. га²⁰.

Осуществление проектов «зеленой революции» на богарных землях под посевами пшеницы (предполагается повышение ее урожайности минимум в 2 раза), по мнению иранских экспертов, может стать основой для выполнения провозглашенной еще на заре существования исламской республики задачи добиться самообеспечения хлебом²¹.

При этом (как и при монархическом режиме) основная ставка делалась на зажиточные крестьянские хозяйства и различные капиталистические и индивидуальные и акционерные хозяйства, способные не только эффективно использовать достижения научно-технического прогресса, но и в достаточных масштабах осваивать целинные и залежные земли. Следует напомнить, что в 1972/73 г. 47,5% товарной пшеницы давали хозяйства с участками от 10 до 50 га обрабатываемых земель, 7,3% — хозяйства с участками от 50 до 100 га и 21,5% — хозяйства с участками 100 га и более обрабатываемых земель²². Две верхние группы хозяйств были представлены главным образом механизированными хозяйствами капиталистического типа. В 1974/75 г. доля каждой из этих групп хозяйств в производство товарной пшеницы составляла соответственно 38,9, 11,9 и 33,6% (табл. 16).

В производстве риса (вторая по значению продовольственная культура Ирана) подавляющую часть сбора и товарной продукции обеспечивали крестьянские хозяйства прежде всего с участками до 5 га обрабатываемых земель. Эти хозяйства велись преимущественно на мелкотоварной базе и в 1972/73 г.

Таблица 16

Производство, потребление и выход товарного зерна в хозяйствах, оседелывающих пшеницу (Иран, 1974/1975 г.) *

Группа хозяйств по размеру землепользования, га	Хозяйства, оседелывающие пшеницу, тыс.	Валовой с ор, тыс. т	Потери (10%) и расход семян, тыс. т	Чистое производство, тыс. т	Личное потребление, тыс. т	Выход товарного зерна **		Доля группы в производстве товарного зерна, %
						тыс. т	к сбору	
Менее 1	235,8	136,3	23,5	112,8	247,8	—	—	—
1 — 2	171,4	181,4	35,8	145,6	180,2	—	—	—
2 — 5	436,7	556,9	146,8	520,1	459,0	61,1	9,2	3,0
5 — 10	398,9	884,1	208,4	675,7	419,3	256,4	29,0	12,6
10 — 50	412,9	1640,3	413,5	1226,8	434,0	792,8	48,3	38,9
50 — 100	15,5	325,7	68,2	257,5	16,3	241,2	74,1	11,9
100 и более	9,0	865,3	170,8	694,5	9,5	685,0	79,2	33,6
Всего	1680,2	4700,0	1067,0	3633,0	1766,1	2036,5	43,3	100,0

* Подсчитано по: Натаедже амаргири-йе кешаварзи сал-е 2533 (1974/75), мархале-йе доввом. Техран, 1977, с. 1, 102; Сальнаме-йе амари-йе кешавар сал-е 2536 (1977/78). Техран, 1978, с. 631, 634; Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е эктесад ва теразанаме сал-е 2535 (1976/77). Техран, 1977, с. 172.

** Без учета натурального обмена и непродуктивного потребления.

дали 80,2% сбора и 79,9% товарного зерна, в 1974/75 г. — 77,6% и 76,8%²³. Маломощные крестьянские хозяйства, преобладающие в рисоводстве, не имеют средств ни для освоения новых земель, ни для эффективного использования достижений научно-технического прогресса. Все это ставит перед рисоводством труднопреодолимые преграды на пути удовлетворения возросшего в 70-х годах приблизительно в 2 раза внутреннего спроса (в расчете на душу населения).

Тем не менее в рисоводстве в 60 — 70-х годах прослеживались значительные сдвиги. Среднегодовой сбор неочищенного риса с 772 тыс. т в 1960/61 — 1964/65 гг. увеличился до 1408 тыс. т в 1973/74 — 1977/78 гг., или на 82,4%. При этом особенно заметный рост производства риса наблюдался в 1972/73 — 1978/79 гг. частично в результате расширения посевных площадей, а главным образом в результате претворения в жизнь проектов «зеленой революции». В 1972/73 — 1976/77 гг. эти проекты на землях под посевами риса осуществлялись в среднем на 274,3 тыс. га²⁴, т. е. на 68,3% посевных площадей под посевами риса (401,8 тыс. га).

Однако происходившие в рисоводстве сдвиги далеко не отвечали требованиям своеобразного бума потребления, который начался в Иране с 1973/74 г. в связи с резким повышением доходов от эксплуатации нефтяных месторождений. Рост потребе-

ния риса намного опережал рост производства. Фонд личного потребления риса с 673 тыс. т (в неочищенном виде) в 1960/61 — 1965/66 гг. увеличился до 971 тыс. т (на 44,3%) в 1968/69 — 1972/73 гг. и до 1642 тыс. т (на 144%) в 1973/74 — 1977/78 гг. Вместе с тем душевое потребление риса возросло с 29,3 кг до 33,8 кг (на 15,4%) и до 49,9 кг (на 70,3%), причем особенно заметное повышение уровня потребления наблюдалось в городских центрах. Душевое потребление риса городским населением увеличилось с 37,5 кг в 1968/69 — 1972/73 гг. до 56,6 кг в 1973/74 — 1977/78 гг., т. е. на 50,9%, тогда как в сельских районах оно увеличилось с 31,1 кг до 43 кг (на 38,3%) ²⁵.

Высокие темпы роста спроса на рис в Иране обусловили то, что, несмотря на заметные сдвиги в развитии производства риса, в его потреблении намного увеличился удельный вес закупленного за границей зерна. Так, если в 1960/61 — 1964/65 гг. доля импорта в потреблении риса составляла лишь 1,9%, в 1968/69 — 1972/73 гг. — 5,7%, то в 1973/74 — 1977/78 гг. — уже 25,5%, при этом доля импорта в потреблении риса городским населением увеличилась с 12,3% в 1968/69 — 1972/73 гг. до 48,6% в 1973/74 — 1977/78 гг.

В возрастающей степени увеличивалась и зависимость Ирана от поставок извне различной продукции животноводства, прежде всего мяса, которое ввозили в свежем и мороженом виде, а также в виде живого скота. До 1968/69 г. Иран в торговле мясом на внешнем рынке имел активный баланс, выступая главным образом в качестве поставщика живого скота в страны Персидского залива ²⁶. Однако с 1968/69 г. Иран по мере повышения доходов населения, особенно его средних и верхних слоев, все более превращался в крупного покупателя мяса и иной продукции животноводства на мировом рынке. Так, если в 1968/69 — 1972/73 гг. Иран импортировал в среднем в год по 7,4 тыс. т свежего и мороженого мяса, то в 1973/74 — 1977/78 гг. по 50,5 тыс. т. За счет импорта в 1968/69 — 1972/73 гг. покрывалось 2% общего и 3,4% городского потребления, а в 1973/74 — 1977/78 гг. — соответственно 9,4% и 15,8%. С учетом же ввоза живого скота на импорт в 1968/69 — 1972/73 гг. приходилось 3,2% общего и 5,4% городского потребления мяса, а в 1973/74 — 1977/78 гг. — 14,9% и 25,1%. При этом в Иране, особенно в городских центрах, прослеживалось систематическое повышение удельного веса импорта в потреблении мяса. Так, в 1973/74 г. доля импорта (с учетом ввоза живого скота) составляла в общем потреблении мяса 6,1%, в городском потреблении — 10,6%, в 1975/76 г. — 14,8% и 24,7%, в 1977/78 г. — 25,2% и 40,8% ²⁷.

Рост импорта в потреблении мяса в Иране отражал повышение уровня потребления как в городских центрах, так и особенно в сельской местности. Душевое потребление мяса городским населением увеличилось в среднем с 18,2 кг в 1968/69 — 1972/73 гг. до 21,1 кг (на 16%) в 1973/74 — 1977/78 гг., а сель-

Таблица 17

Ежемесячные расходы на продукты питания
в различных группах сельских семей Ирана (1979/80 г.) *

Группа семей по уровню ежемесячных потребитель- ских расходов, тыс. риалов	Расходы										
	Всего, риалов	Зерновые продукты		Мясные продукты		Молочные продукты и яйца		Животное и растительное масло		Свежие фрукты и овощи	
		риалов	%	риалов	%	риалов	%	риалов	%	риалов	%
Менее 2,5	1019	521	51,1	30	2,9	137	13,4	40	3,9	50	4,9
2,5— 5	2561	1297	50,6	117	4,6	343	13,4	116	4,5	286	11,2
5 — 7,5	4238	1932	45,6	349	8,2	548	12,9	195	4,6	325	7,7
7,5— 10	5718	2489	43,5	560	9,8	792	13,9	249	4,4	468	8,2
10 — 15	7363	3207	43,6	1107	15,0	995	13,5	352	4,8	681	9,2
15 — 20	10 367	3991	38,5	1832	17,7	1183	11,4	464	4,5	998	9,6
20 — 30	14 032	4937	35,2	3185	22,7	1486	10,6	545	3,9	1446	10,3
30 — 50	18 749	5957	31,8	5032	26,8	1870	10,0	705	3,8	2028	10,8
50 — 100	26 546	7627	28,7	7527	28,4	2503	9,4	875	3,3	3297	12,4
100 и более	31 962	8208	25,7	7814	24,4	2501	7,8	925	2,9	3354	10,5
В среднем	11 081	3931	35,5	2313	20,9	1206	10,9	439	4,0	1117	10,1

* Составлено и подсчитано по: Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1360 (1981/82). Техран, 1983, с. 712—713.

ским населением — с 8,8 кг до 12,3 кг (на 39,8%). В 1973/74 — 1977/78 гг. в Иране более чем в 2 раза возросло потребление битой птицы, причем она также стала важным предметом ввоза. В значительных размерах приобреталась Ираном за границей и другая продукция животноводства, а также растительное масло и сахар. Еще более возрос импорт названных продуктов в период исламской республики.

Увеличивалось в Иране, особенно в городах, и потребление бобовых, фруктов, овощей и т. д. Так, подушевое потребление бобовых с 1961/62 по 1976/77 г. возросло с 6 до 23 кг, сахара — с 6 до 23 кг, цитрусовых — с 6 до 15 кг, винограда — с 10 до 13 кг, яблок и груш — с 9 до 15 кг, арбузов и дынь — с 20 до 40 кг, картофеля — с 5,5 до 16 кг, лука — с 6 до 10 кг, животных жиров — с 4 до 10 кг, сыра — с 0,8 до 3 кг, растительного масла — с 1,4 до 7 кг²⁸.

Таким образом, налицо крупные изменения в структуре продовольственного потребления сельских и особенно городских жителей. В их продовольственных расходах сокращался удельный вес затрат на хлеб и крупу и увеличивалась доля затрат на мясо, масло, сыр и иные высококалорийные продукты питания, а также сахар, фрукты и овощи²⁹. Однако следует подчеркнуть, что рост потребления этих дорогостоящих продуктов питания происходил прежде всего за счет расширения потребления верхних и особенно средних по имущественному положению слоев сельского и городского населения³⁰. Низшим же по имущественному положению слоям сельского (и городского)

населения мясо, масло и подобные продукты по-прежнему в значительной степени были не по карману. Об этом наглядно свидетельствуют данные о структуре и размерах потребительских расходов в различных группах населения иранской деревни (табл. 17).

Наиболее тесную зависимость от импорта продуктов питания среди крупных стран Ближнего и Среднего Востока испытывал Египет, причем стала особенно эта зависимость ощущаться с середины 70-х годов. Импорт продовольственных товаров Египтом с 263 млн. долл. в 1973 г. увеличился до 1043,9 млн. долл. в 1976 г. 1417,4 млн. долл. в 1978 г., 1935,0 млн. долл. в 1980 г., 3078,1 млн. долл. в 1981 г. и 4120,0 млн. долл. в 1984 г.³¹

В конце 70-х годов в Египте за счет импорта покрывалось 52% общего и 82% городского спроса на продукты питания, обеспечивалось 45% общего и 79% городского потребления продукции зерновых культур, на которую приходилась преобладающая часть продовольственных закупок Египта за рубежом. Так, в 1976 г. в продовольственном импорте Египта продукция зерновых культур составляла 67,4%, в 1978 — 57,2%, в 1980 г. — 62,1%, в 1981 г. — 55,8%³².

При этом подавляющая часть ввоза продукции зерновых культур приходилась на пшеницу. Но во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов наряду с пшеницей в закупках Египта за рубежом заметную часть стала составлять и продукция других зерновых, в первую очередь кукурузы, которая также играла очень важную роль в продовольственном потреблении населения (особенно сельских жителей) Египта. Следует отметить, что если в 60-х — первой половине 70-х годов импорт продукции зерновых культур в Египте уравнивался экспортом риса, то во второй половине 70-х — начале 80-х годов (с ростом внутреннего спроса и ухудшением положения дел в рисоводстве) вывоз риса постепенно почти прекратился. Так, с 722,2 тыс. т в 1969 г., когда был достигнут наивысший уровень экспорта риса, его вывоз уменьшился до 456,4 тыс. т в 1972 г., 211 тыс. т в 1976 г., 145,1 тыс. т в 1978 г., 98,1 тыс. т в 1980 г. и 19,8 тыс. т в 1982 г. Правда, затем экспорт риса из Египта несколько увеличился и составил 28,7 тыс. т в 1983 г. и около 70 тыс. т в 1984 г.³³

Резкое ослабление позиций национального зернового производства в обеспечении нужд населения Египта отражало замедление темпов роста и даже сокращение товарного выхода продукции в ряде его отраслей, а также значительное повышение спроса на продукцию зерновых культур прежде всего в городах страны. Особенно отчетливо это прослеживалось в динамике производства и потребления пшеницы — основного продукта питания широких слоев городского населения. Во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов его спрос на пшеницу фактически полностью удовлетворялся за счет импорта. Если в 1970 — 1974 гг. на долю импорта приходилось 57,4% личного

Таблица 18

Производство, импорт и потребление пшеницы в Египте в 1960—1984 гг.
(среднегодовые показатели) *

Годы	Посевная площадь, тыс. га	Сбор, тыс. т	Урожай- ность, ц с га	Расход семян и потери (10%), тыс. т	Чистый импорт **, тыс. т	Личное потребле- ние	
						общее, тыс. т	душевое, кг
1960—1964	582,5	1493,2	25,6	253,0	1618,1	2858,3	104,9
1965—1969	543,2	1363,0	25,1	233,0	2157,0	3287,0	106,4
1970—1974	546,9	1716,4	31,4	268,9	1948,3	3395,8	98,2
1975—1978	564,6	1905,8	33,8	291,1	4214,6	5829,3	152,0
1979—1982	576,5	1901,8	33,0	292,8	5698,8	7307,8	170,5
1983	554,4	1996,0	36,0	298,3	6593,0	8290,7	180,6
1984	494,8	1815,0	36,7	269,6	6601,7	8147,1	171,5

* Составлено и подсчитано по: Statistical Handbook. United Arab Republic, 1952—1969. Cairo, 1970, с. 28, 36; Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1979. Cairo, 1980, с. 4, 23; Statistical Yearbook Arab Republic of Egypt, 1952—1980. Cairo, 1981, с. 6, 26; National Bank of Egypt. Economic Bulletin. Cairo, 1985, № 1, с. 68, 78; FAO. Trade Yearbook, 1966, с. 99, 101; 1970, с. 119, 121; 1975, с. 124; 1978, с. 112; 1982, с. 112; FAO. Monthly Bulletin of Statistics, 1983, № 3, с. 58; № 6, с. 18, 44; № 10, с. 17, 50; 1985, № 6, с. 18, 50.

** Включая муку в зерновом эквиваленте.

потребления пшеницы в Египте, то в 1975—1978 гг. — 72,3%, а в 1979—1982 гг. — 78%, в 1983 г. — 79,5%, в 1984 г. — 81% (табл. 18).

Со второй половины 70-х годов заметно стал увеличиваться удельный вес импорта и в потреблении других важных продуктов питания. Так, в 1978 г., по официальным данным, за счет импорта удовлетворялось 73% потребления растительного масла, 34% — сахара, 9% — мяса³⁴. В 1980 г. доля импорта в потреблении мяса составляла уже около 25%, битой птицы — около 40%³⁵. В последующие годы в связи со значительным расширением ввоза продовольственных товаров, в частности мяса и битой птицы³⁶, значение импорта в обеспечении нужд населения Египта в продуктах питания еще более увеличилось.

Суммы, которые Египет в 70-х — начале 80-х годов вынужден был выделять на импорт продуктов питания с целью поддерживать необходимый уровень продовольственного потребления в городских центрах, явно превышали его финансовые возможности. Однако здесь на помощь правительству А. Садата пришли США, проявившие неприкрытую заинтересованность в укреплении своих политических позиций в Египте и сохранении там политической стабильности. В непосредственной связи с этим с середины 70-х годов прослеживался значительный рост американского экспорта продовольственных товаров в Египет, причем свыше половины этих товаров направлялось туда на льготных условиях в соответствии с различными программами аме-

риканской помощи³⁷. Так, по сведениям на 1975—1980 гг. в американском экспорте в Египет пшеницы на льготные поставки приходилось 83,7%. В общем египетском импорте пшеницы льготные американские поставки составляли 28,1%³⁸.

Усиление зависимости Египта от импорта продовольственных товаров наряду с быстрым ростом спроса в городах на продукты питания отражало снижение темпов развития сельскохозяйственного производства в стране. Если в 1960—1969 гг. темп прироста сельскохозяйственного производства в Египте составлял 2,9%³⁹, то в 1975—1979 гг.—1,6%⁴⁰, в 1980—1984 гг.—0,7%. По подсчетам экспертов ФАО, индекс роста душевого потребления продуктов питания в Египте сократился с 1975 по 1984 г. на 10 пунктов⁴¹.

Это, в свою очередь, свидетельствовало о том, что (в условиях преобладания в египетской деревне мелкого производства и явно недостаточной помощи государства развитию растениеводства и животноводства) социально-экономические предпосылки для форсированного развития сельскохозяйственного производства на интенсивной базе были уже во многом исчерпаны. Косвенное подтверждение тому — замедление роста урожайности ряда основных продовольственных культур⁴².

Напомним, что возможности экстенсивного развития растениеводства и животноводства в Египте необычайно ограниченные. Практически со всей площади обрабатываемых земель в Египте уже собирают двойной урожай. Введение в оборот новых площадей путем освоения пустынь в 70-х годах уменьшилось и происходило в очень незначительных масштабах⁴³. К тому же введение в оборот новых земель, как правило, сводилось на нет потерями обрабатываемых земель вследствие расширения городского, промышленного и дорожного строительства⁴⁴. По оценке западных обозревателей, в период с 1960 по 1980 г. урбанизация в Египте «съела» около 210 тыс. га обрабатываемых земель⁴⁵.

Представляется, что зависимость Египта от импорта продовольствия (во всяком случае, в отношении продукции зерновых культур и ряда иных важных продовольственных товаров) не только сохранится в ближайшем будущем, но и превратится в долговременную тенденцию.

В большинстве других стран Ближнего и Среднего Востока в 70-х — начале 80-х годов также происходило быстрое расширение импорта продовольственных товаров. И только Турции удалось добиться самообеспечения основными продуктами питания. Однако значение этого достижения не следует преувеличивать. Темп прироста условно чистой продукции сельскохозяйственного производства Турции оценивался в 1970—1981 гг. в 3,2%⁴⁶ при темпе прироста населения в 2,3%⁴⁷. Такой рост сельскохозяйственного производства при почти полном прекращении импорта продуктов питания и расширении их экспорта сопровождался лишь незначительным повышением их душево-

Таблица 19

Производство, импорт и потребление пшеницы в Турции в 1960—1984 гг.
(среднегодовые показатели) *

Годы	Посевная площадь, тыс. га	Сбор, тыс. т	Урожай- ность, ц с га	Расход семян и потери (10%), тыс. т	Чистый импорт**, тыс. т	Личное потребле- ние	
						общее, тыс. т	душевое, кг
1960—1964	7789	8440	10,8	1622,9	495,1	7312,2	250,5
1965—1969	8152	9570	11,7	1722,2	179,4	7977,2	241,6
1970—1974	8726	11 340	13,0	2006,6	505,4	9838,8	262,7
1975—1978	9281	16 150	17,4	2543,1	—562,1	13 044,8	313,2
1979—1982	9149	17 147	18,7	2629,6	—335,1	14 182,3	313,5
1983	9258	16 438	17,8	2579,6	—985,8	12 973,4	374,4
1984	9026	17 235	19,1	2626,1	163,5	14 772,4	306,1

* Составлено и подсчитано по: *Annuaire Statistique de la Turquie*, 1964/65. Ankara, 1966. с. 220; *Statistical Yearbook of Turkey*, 1971, Ankara, 1973, с. 182; *Statistical Yearbook of Turkey*, 1975, с. 185; *Statistical Yearbook of Turkey*, 1981, 1982, с. 30, 177; *Economic Report*. Ankara, 1985, с. 33; *FAO Trade Yearbook*. 1966, с. 99, 101; 1970, с. 119, 121; 1975, с. 125, 127; 1978, с. 113; 1982, с. 113; *FAO Monthly Bulletin of Statistics*. 1983, № 3, с. 57; № 6, с. 18; № 10, с. 17, 49, 51; 1985, № 6, с. 18, 59, 51.

** Включая муку в зерновом эквиваленте.

го потребления в Турции. Таким образом, достижение самообеспечения основными продуктами питания не оказывало сколько-нибудь заметного влияния на продовольственное обеспечение низших слоев населения страны.

Вместе с тем сдвиги, которые прослеживались в 70-х — начале 80-х годов в сельскохозяйственном производстве Турции, не следует и недооценивать. Эти сдвиги, как подчеркивал П. П. Моисеев, были главным образом следствием ускорения интенсификации производства, расширения использования методов «зеленой революции»⁴⁸, что наглядно проявилось в производстве зерновых культур, и особенно пшеницы — основной продовольственной культуры Турции⁴⁹. С 1970—1974 по 1979—1982 гг. при расширении посевной площади на 4,8% валовой сбор пшеницы увеличился на 51,2%, что было прямым следствием роста урожайности этой культуры с 13 ц до 18,7 ц с га, или на 43,8% (табл. 19).

В результате в середине 70-х годов Турция не только удовлетворяла внутренний платежеспособный спрос на пшеницу, но и приступила к ее регулярному экспорту. В 1975—1978 гг. чистый экспорт пшеницы в среднем составлял 562,1 тыс. т в год, в 1979—1982 гг. — 335,1 тыс. т, тогда как еще в 1970—1974 гг. Турция приобретала за рубежом в среднем по 505 тыс. т пшеницы в год (табл. 19). Аналогичное положение наблюдалось и в производстве большинства других зерновых культур. В 1976—1978 гг. Турция в среднем вывозила за границу по 142,7 тыс. т ячменя в год, в 1980—1982 гг. — по 441,5 тыс. т⁵⁰. В известной

мере исключение составлял рис, спрос на который по-прежнему отчасти приходилось покрывать за счет импорта. В 1976—1978 гг. Турция в среднем ввозила по 29,3 тыс. т риса в год, в 1980—1982 гг. — по 17,5 тыс. т, в 1983—1984 гг. — по 34,8 тыс. т⁵¹.

В качестве основных поставщиков товарной продукции зерновых культур на внутренний и внешний рынок в Турции выступали кулацкие и помещичьи хозяйства капиталистического типа. На эти хозяйства в 1980 г. приходилось 40% посевных площадей под посевами зерновых и 50% их валового сбора, выход товарной продукции составлял 70—80% валового сбора за вычетом семенного фонда⁵². По подсчетам Н. Г. Киреева, сделанным по материалам обследования 1967 г., на хозяйства с участками 20 га и более приходилось около половины производства товарной пшеницы⁵³. К началу 80-х годов с повышением роли капиталистических хозяйств (с участками 20 га и более, особенно их верхних групп) в производстве пшеницы и иных зерновых культур вклад этих хозяйств в поставки товарной продукции названных культур namного увеличился.

В условиях широкого распространения современного капиталистического предпринимательства в зерновом хозяйстве в Турции наблюдался самый высокий на Ближнем и Среднем Востоке уровень выхода товарной продукции в производстве зерновых культур. В 1975 г., по официальным данным, доля товарной массы в валовом сборе пшеницы (за вычетом семенного фонда) составляла 67%, ржи — 69,6%, ячменя — 59,7%, кукурузы — 40%, овса — 49,4%⁵⁴.

Высоким уровнем выхода товарной продукции отличалось и животноводство Турции. В 1975 г. удельный вес товарной продукции в производстве мяса оценивался в 60%, молока — 64%, яиц — 75%⁵⁵. Однако в животноводстве такой уровень выхода товарной продукции лишь отчасти предопределялся ростом современного капиталистического предпринимательства. В этой отрасли, несмотря на ощутимые сдвиги в применении индустриальных методов труда, еще преобладали традиционные формы производства, при котором основной кормовой базой являлись пастбища.

В результате животноводство в Турции (за исключением птицеводства) отличалось замедленным развитием. Оно, как подчеркивал П. П. Моисеев, не удовлетворяло требований внутреннего платежеспособного спроса⁵⁶. Тем не менее Турция (испытывая постоянную нехватку иностранной валюты) экспортировала значительные партии продукции животноводства. Так, в 1980—1982 гг. она в среднем экспортировала по 34,9 тыс. т мяса и по 1770 тыс. голов мелкого рогатого скота в год. В 1983 г. Турция вывезла 12,9 тыс. т мяса и 3065,9 тыс. голов овец и коз⁵⁷.

Таким образом, как уже отмечалось, достижение Турцией самообеспечения основными продуктами питания было весьма

относительным. К тому же в Турции наблюдались очень резкие градации в распределении доходов и потреблении. В проведенном по линии Мирового банка исследовании социально-экономической ситуации в Турции отмечалось, что происходивший (в 1962—1978 гг.) рост доходов на душу населения не сопровождался улучшением их распределения. По состоянию на 1973 г., высшая по имущественному положению группа населения Турции (10% жителей страны) концентрировала 40% доходов, а четыре низшие группы (40% жителей) — лишь 11,5%. Особенно большой разрыв в распределении доходов между высшими и низшими группами населения наблюдался в сельскохозяйственном секторе. Это, по мнению авторов исследования, определялось главным образом глубокими диспропорциями в распределении обрабатываемых земель. В 1973 г. 38,4% населения Турции располагало душевым доходом в размере менее 12 тыс. лир (112,7 долл.), т. е. находилось на «линии крайней бедности»⁵⁸, которая отождествлялась с доходом, обеспечивавшим лишь получение минимальной нормы питания (2150 ккал в день) и возможность приобретения самых необходимых непродовольственных товаров⁵⁹. Среди этой огромной массы недоедающего населения в Турции выделялась заметная прослойка людей, находившихся на грани «физического выживания»⁶⁰.

Такие диспропорции в распределении доходов и потреблении сохранялись (а скорее даже увеличивались) и в конце 70-х — начале 80-х годов. Косвенно об этом свидетельствует рост полной безработицы и частичной занятости, охватившей городские и сельские районы Турции⁶¹.

В отличие от Турции в большинстве других стран Ближнего и Среднего Востока важное и все возрастающее значение в продовольственном обеспечении населения (и прежде всего жителей городских центров) отводилось импорту. В 70-х — начале 80-х годов именно импорт сыграл главную роль в том, что страны Ближнего и Среднего Востока по темпам роста продовольственного потребления в заметной степени превосходили остальные регионы освободившихся стран, что позволило им по уровню продовольственного потребления почти догнать страны Латинской Америки и обогнать страны Африки и Азии (без Западной Азии).

Калорийность дневного рациона питания в странах Ближнего и Среднего Востока⁶² с 2285 ккал в 1961—1965 гг. увеличилась до 2562 ккал в 1974—1976 гг. и на 3,7% превысила минимальную норму продовольственного потребления, установленную специалистами ФАО и ВОЗ для населения региона (2470 ккал). Между тем калорийность дневного рациона питания населения Азии (без стран Западной Азии) была в 1974—1976 гг. на 9% и населения Африки — на 7% меньше нормы, тогда как в 1961—1965 гг. она в названных трех регионах находилась приблизительно на одном и том же уровне⁶³.

Опережающий рост продовольственного потребления в

Таблица 20

Суточная калорийность рациона питания в Египте, Иране и Турции в 1966—1981 гг. *

Страна, годы	Душевая норма ФАО, ккал	Всего, ккал	Потребление				
			растительная пища			животная пища	
			% от нормы	ккал	% от общего потребления	ккал	% от общего потребления
Египет	2510						
1966—1968		2341	101,2	2389	94,0	152	6,0
1969—1971		2540	101,2	2381	93,7	159	6,3
1972—1974		2586	103,0	2430	94,0	156	6,0
1975—1977		2858	113,9	2672	93,5	186	6,5
1978—1980		2949	117,5	2761	93,6	188	6,4
1981		2941	117,2	—	—	—	—
Иран	2420						
1966—1968		2145	88,6	1970	91,8	175	8,2
1969—1971		2199	90,9	2012	91,5	187	8,5
1972—1974		2649	109,5	2435	91,9	214	8,1
1975—1977		2940	121,5	2683	91,3	257	8,7
1978—1980		2912	120,3	2634	90,5	278	9,5
1981		2795	115,5	—	—	—	—
Турция	2520						
1966—1968		2791	110,8	2493	89,3	298	10,7
1969—1971		2808	111,4	2517	89,6	291	10,4
1972—1974		2835	112,5	2545	89,9	290	10,2
1975—1977		2934	116,4	2634	89,8	300	10,2
1978—1980		2965	117,7	2663	89,8	302	10,2
1981		3019	119,8	—	—	—	—

* Составлено и подсчитано по: FAO. Population, Food Supply and Agricultural Development. Rome, 1975, с. 52—53; FAO. Production Yearbook, 1979. 1980, с. 249—250; FAO. Production Yearbook, 1981, 1982, с. 247—248; World Development Report, 1984. The World Bank. Wash., 1984, с. 264—265.

странах Ближнего и Среднего Востока обуславливался рядом факторов и в значительной мере ростом доходов от эксплуатации нефтяных месторождений, перераспределением (прямым и косвенным способом) части этих доходов среди широких слоев населения, и прежде всего средних и высших по имущественному положению групп.

Поэтому, как свидетельствуют данные о динамике продовольственного потребления в нефтеэкспортирующих государствах региона, в частности в Иране, наиболее ощутимые сдвиги в продовольственном потреблении населения этих государств произошли после 1973 г., когда резко повысились мировые цены на продукцию нефтедобывающей промышленности и в связи с этим доходы нефтеэкспортирующих стран.

Из стран Ближнего и Среднего Востока, придерживающихся капиталистической ориентации общественного развития, наиболее значительные сдвиги в продовольственном потреблении произошли в Иране (табл. 20), где с 1966—1968 по 1975—

1977 г. калорийность дневного рациона питания увеличилась с 2145 ккал в сутки (88,6% нормы) до 2940 ккал (121,5% нормы).

Несмотря на повышение среднего уровня продовольственного потребления, значительная часть населения в странах Ближнего и Среднего Востока по-прежнему страдала от хронического недоедания. При этом существенную прослойку составляли лица с рационом ниже «критической нормы»⁶⁴, выявленной экспертами ФАО и ВОЗ для стран региона и колебавшейся в пределах от 1500 до 1600 ккал в сутки.

Правда, в конце 60-х — первой половине 70-х годов на Ближнем и Среднем Востоке прослеживалось заметное сокращение абсолютного и относительного числа голодающих. По оценке экспертов ФАО, в странах региона число лиц, имевших рацион питания ниже «критической нормы», уменьшилось с 31 млн. в 1969—1971 гг. до 29 млн. в 1972—1974 гг. и 19 млн. в 1974—1976 гг., а их удельный вес в общем населении этих стран — с 18% до 16% и 11%⁶⁵.

11% голодающего населения на Ближнем и Среднем Востоке, — несомненно, удручающий показатель, особенно если учитывать, что этот показатель был выведен специалистами ФАО, по их собственному признанию, на базе весьма консервативной оценки «критической нормы» питания. Тем не менее положение с продовольственным обеспечением населения освободившихся стран других регионов выглядит еще более плачевным. Так, в странах Латиноской Америки рацион питания ниже «критической нормы» получали в 1974—1976 гг. 13% населения, Африки — 23%, Азии (без стран Западной Азии) — 28%⁶⁶.

Сохранение напряженности в продовольственном обеспечении широких слоев населения в странах Ближнего и Среднего Востока, вопиющего неравенства в распределении доходов и потреблении наглядно иллюстрируется и данными об удельном весе лиц, проживавших в условиях «крайней бедности». В 1974 г., по подсчетам М. Хопкинса, доля этих лиц в населении региона (без Турции) составляла 20,8% (в освободившихся странах в целом — 40,1%).

Если в соответствии со стратегией «основных нужд» для выявления числа недоедающих применить более высокий критерий, согласно которому «линия бедности» с точки зрения продовольственного обеспечения устанавливалась приблизительно на уровне введенных ФАО необходимых норм продовольственного потребления, то удельный вес недоедающих в населении стран Ближнего и Среднего Востока поднимется до 26%, а в освободившихся странах в целом — до 55,9%⁶⁷.

В первой половине 70-х — начале 80-х годов с ростом инфляции и быстрым повышением цен на продовольственные товары, с расширением на этой основе предпосылок для усиления недовольства широких слоев городского населения правительства большинства стран Ближнего и Среднего Востока были

Т а б л и ц а 21

Государственные субсидии в Египте *
на поддержание твердых цен на продукты питания
в 1971—1981 гг. **

Год	Всего, млн. долл.	Субсидии					
		на пшеницу и муку		на растительное масло		на прочие продукты	
		млн. долл.	%	млн. долл.	%	млн. долл.	%
1971	106,8	53,4	50,0	26,6	24,9	26,8	25,1
1972	107,1	38,6	36,1	40,4	37,7	28,1	26,2
1973	348,1	201,9	58,0	42,9	12,3	103,3	29,7
1974	1005,0	553,1	55,0	141,3	14,1	310,6	30,9
1975	1083,0	666,9	61,6	184,5	17,0	231,6	21,4
1976	731,0	480,5	65,7	145,7	19,9	104,8	14,4
1977	891,5	386,2	43,3	226,2	25,4	279,1	31,3
1978	1157,4	569,5	49,2	351,2	30,3	236,7	20,5
1979	1457,0	841,8	57,8	286,1	19,6	329,1	22,6
1980**	1750,0	980,0	56,0	350,0	20,0	420,0	24,0
1981**	2040,0	1050,0	51,5	370,0	18,1	620,0	30,4

* Parker J. B., Coyle J. R. Urbanization and Agricultural Policy in Egypt. Wash., 1981, с. 41.

** Оценка.

вынуждены вкладывать значительные средства в осуществление различных программ стабилизации цен на основные продукты питания и другие товары повседневного спроса.

В наиболее широких масштабах эти программы реализовывались в городских центрах Египта. Так, с 1971 по 1981 г. продовольственные субсидии увеличились со 106,8 млн. долл. до 2040 млн. долл., т. е. в 19,1 раза. Общая сумма продовольственных субсидий в 1971—1981 гг. составила 10 676,9 млн. долл., причем 5821,9 млн. долл. (или 54,5% этой суммы) было выделено на поддержание твердых цен на пшеницу и муку (табл. 21). В 1982 г. на государственные продовольственные субсидии было выделено 2410 млн. долл., в 1984 г., по предварительным данным, — около 3000 млн. долл.⁶⁸.

Продовольственные субсидии в Египте выделялись прежде всего на оплату импортируемых товаров. В конце 70-х годов за счет субсидий было оплачено 100% импорта пшеницы и кукурузы, 80% бобовых, 100% хлопкового, 90% соевого и 80% подсолнечного масла, 20% сливочного и топленого масла, 20% молока, 70% говядины, 95% баранины, 75% битой птицы, 67% чая, 70% импортируемого сахара⁶⁹.

Тем не менее продовольственные субсидии охватывали и ряд важных товаров отечественного производства, в частности рис, который поступал в государственный продовольственный фонд в соответствии с системой обязательных поставок.

Приводимые данные свидетельствуют о том, что городской спрос на продукцию зерновых культур в Египте почти полностью удовлетворялся за счет продажи продовольственных товаров по субсидируемым ценам. По фиксированным ценам реализовывалась в городах Египта и значительная часть других продовольственных товаров, в том числе растительного масла, сахара и т. д.

Расширение продовольственных субсидий, особенно дотаций на поддержание твердых цен на продукцию зерновых культур, составляющую основу рациона питания широких народных масс Египта, способствовало облегчению продовольственного положения низших слоев городского населения. Однако преобладающая часть его по-прежнему страдала от недоедания, а особенно от несбалансированного питания, что наиболее тяжело отражалось на состоянии детей⁷⁰.

К тому же следует подчеркнуть, что государственные дотации, за ничтожным исключением, распространялись лишь на продукцию, которая реализовывалась в городах, а население деревни — главного очага нищеты и недоедания, как и ранее, было вынуждено восполнять нехватку продуктов питания на свободном рынке по высоким ценам. Более того, значительное количество продуктов питания изымалось правительством из деревни по низким закупочным ценам в соответствии с программой обязательных поставок. В таких условиях, как отмечали западные авторы, расширение продовольственных субсидий в немалой мере стимулировало рост сельской миграции в городские районы⁷¹. Аналогичное явление (хотя и в несколько меньшей степени) наблюдалось и в других странах Ближнего и Среднего Востока⁷².

Тем не менее продовольственные субсидии оказывали сдерживающее влияние на рост народного недовольства в городских центрах Египта и других стран Ближнего и Среднего Востока. Попытки сокращения продовольственных субсидий были одной из основных причин крупных выступлений городских трудящихся, прокатившихся по Египту в январе 1977 г.⁷³. Аналогичные выступления в январе 1984 г. состоялись в Тунисе и Марокко⁷⁴.

Продовольственные субсидии играли очень важную роль в социально-экономической политике Ирана, где в 70-х годах осуществлялась программа стабилизации цен, призванная прежде всего предотвратить рост недовольства широких слоев городского населения в связи с быстрым повышением цен на основные продукты питания и иные товары повседневного спроса. Ускорившееся с середины 70-х годов повышение цен на потребительские товары⁷⁵ было следствием, как подчеркивалось в иранской печати, влияния мировой инфляции, с одной стороны, и усиления диспропорций экономического развития — с другой⁷⁶, а также воздействия «бума потребления», вызванного в первую очередь расширением спроса верхних и особенно сред-

них по имущественному положению слоев населения, включая служащих, занятых на современных предприятиях квалифицированных рабочих и т. д.⁷⁷

Резкое повышение цен на продукты питания, недовольством товарам повседневного спроса сопровождалось оживлением деятельности разного рода посредников, что при довольно слабом развитии заготовительной и сбытовой деятельности кооперативов и государства и явно недостаточном контроле правительства над торговлей частного сектора зачастую вызывало спекуляцию на рынке потребительских товаров. Взыскание цен на эти товары, естественно, особенно тяжело оказывалось на материальном положении низших слоев сельского и городского населения, в бюджетах которых образовывался крупный дефицит. В прямой связи с этим с целью избежать углубления социальных противоречий было предпринято издание ряда законов и постановлений, предусматривающих проведение мероприятий по стабилизации цен, упорядочению торговли товарами первой необходимости и борьбе со спекуляцией. Борьба с дороговизной была включена в программу общественных преобразований, или «белой революции». Государство устанавливало твердые цены на товары первой необходимости и пыталось наладить строгий контроль над соблюдением своих предписаний, подвергая виновных в нарушении правил торговли и спекуляции штрафам, не останавливаясь нередко перед арестом и отдачей под суд⁷⁸.

Серьезное значение в стремлении государства приостановить или хотя бы затормозить рост цен на продовольственные товары придавалось расширению заготовительных операций подведомственных правительству организаций в сельских районах. Это должно было способствовать ограничению сферы торговли частного сектора, усилению контроля властей над этой сферой. Были повышены закупочные цены на продукцию основных продовольственных культур, и прежде всего пшеницы (с 6,5 тыс. риалов за тонну в 1973/74 г. до 10 тыс. риалов в 1974/75 г., 12 тыс. риалов в 1977/78 г., 14 тыс. риалов в 1978/79.)⁷⁹. В сельских районах была создана довольно разветвленная сеть заготовительных пунктов. И если в 1973/74 г. подведомственные правительству организации приобрели у различных хозяйств (главным образом через кооперативы) лишь 3,1 тыс. т пшеницы, то в 1974/75 г.— 116,2 тыс. т, в 1975/76 г.— 496,7 тыс. т, в 1976/77 г.— 793,9 тыс. т, в 1977/78 г.— 980,5 тыс. т, в 1978/79 г.— 750 тыс. т. Вместе с тем государственные заготовительные учреждения расширяли операции по снабжению городского населения другими видами продукции растениеводства. Однако эти операции заготовительных учреждений не получили заметного размаха⁸⁰.

В 1973/74—1978/79 гг. продовольственные субсидии в Иране составили 327,3 млрд. риалов (или около 4,4 млрд. долл.), которые, как и в Египте, были израсходованы преимущественно

на оплату импортных товаров, и в первую очередь продукции зерновых культур⁸¹.

Осуществление мероприятий по стабилизации цен не дало желаемых результатов. Правда, государству удалось несколько затормозить повышение цен на продовольственные товары. Однако с 1977/78 г. в связи с ухудшением положения в сельскохозяйственном производстве и спадом экономической деятельности в целом⁸² наблюдалось резкое обострение ситуации на городских продовольственных рынках Ирана.

Обострение ситуации на городских рынках потребительских товаров в заметной мере способствовало усилению антиправительственных настроений среди широких слоев городского населения, выражавших недовольство ростом социального неравенства и коррупции, военно-полицейским произволом, нарушением демократических свобод и т. д. Особенно тяжело повышение цен на продукты питания и другие товары повседневного спроса сказалось на материальном положении мелкой буржуазии и городских низов, которые почти ничего не получили от осуществления программы «белой революции». Концентрируясь вокруг базара, многочисленная и многоликая армия мелкой буржуазии и городских низов (включая отходников из деревни) составила (во всяком случае, на первом этапе движения) массовую базу антиимпериалистических и антимонархических выступлений, приведших в феврале 1979 г. к падению монархии в Иране.

С крушением монархического режима и установлением в Иране исламской республики напряженность в обеспечении населения продовольствием, особенно в снабжении городских жителей основными продуктами питания по доступным ценам, не была устранена. Более того, прослеживалось обострение продовольственной проблемы, что было прямым следствием общего экономического расстройств, сокращения производства в ряде важных отраслей растениеводства и животноводства, нарушений во внутренней и внешней торговле, непрекращавшихся политических неурядиц. Продукты питания, несмотря на официальные запрещения и жесткий контроль властей, на свободном рынке зачастую продавались по ценам, совершенно неприемлемым для широких слоев населения Ирана. Неблагополучное продовольственное положение — один из источников народного недовольства, которое, невзирая на репрессии «стражей исламской революции» и иных военно-политических формирований религиозного руководства исламской республики, нередко проявлялось в городских центрах Ирана.

Придавая важное политическое значение выполнению продовольственной программы, особенно снабжению городских жителей достаточным количеством продуктов питания по доступным ценам, религиозное руководство Ирана поставило продовольственную проблему в ряд наиболее актуальных проблем, требовавших немедленного решения. При этом, учитывая ее

внешнеполитические аспекты и финансовые трудности, правительство исламской республики провозгласило задачу добиться самообеспечения основными продуктами питания.

Сельскохозяйственному производству отдавался приоритет в бюджетных ассигнованиях на экономическое развитие⁸³. Значительные суммы выделялись на ирригационное строительство, осуществление в деревне социально-экономических и социально-культурных проектов. Предусматривалось проведение мероприятий по расширению механизации производства, применения минеральных удобрений, высокоурожайных семян и других элементов современного земледелия, по внедрению передовых методов животноводства, по стимулированию производства путем увеличения кредитов, повышения закупочных цен, улучшения условий сбыта продукции растениеводства и животноводства и т. д. Важное место отводилось обеспечению сельскохозяйственного производства квалифицированными кадрами.

Однако сложные внутренние и внешние политические проблемы, стоявшие перед исламской республикой, борьба за власть между консервативными и прогрессивными силами, светскими и религиозными группировками, вытекавшие отсюда расхождения во взглядах на решение аграрного вопроса и ряд других факторов (в частности, острая нехватка квалифицированных кадров) воздвигали серьезные препятствия на пути разработки и особенно реализации фундаментальных и конструктивных программ форсированного роста растениеводства и животноводства, а тем самым и для улучшения продовольственного обеспечения за счет национального производства. В таких условиях в Иране в период исламской республики наблюдалось сокращение производства продовольственной продукции в расчете на душу населения⁸⁴. В результате зависимость городских рынков продовольственных товаров от импортных поставок в период исламской республики не только не сократилась, но, наоборот, увеличилась, причем темпы роста цен на продукты питания в этот период в заметной степени превосходили и рост цен на них в предреволюционное время⁸⁵.

Тем не менее правительству исламской республики удалось, несмотря на серьезные экономические и политические трудности, добиться сохранения довольно высокого уровня продовольственного потребления. Это оказывало сдерживающее влияние на формирование массовой базы оппозиционных выступлений, вызванных во многом усилением антидемократических тенденций в политике религиозного руководства Ирана.

Осуществление довольно обширных программ продажи (и распределения) по субсидируемым ценам основных продовольственных товаров, в первую очередь продукции зерновых культур, оказывало положительное влияние на продовольственное обеспечение низших слоев городского населения в странах Ближнего и Среднего Востока, способствовало сокращению числа голодающих в городских центрах этих стран, а тем са-

мым и ослаблению массового недовольства в крупных городах — центрах политической жизни.

И все же в большинстве стран Ближнего и Среднего Востока сохранялось весьма напряженное положение с обеспечением широких масс населения основными продуктами питания. Такое положение в значительной степени отражало слабую экономическую эффективность буржуазных аппаратных преобразований, явно недостаточную помощь государства развитию сельскохозяйственного производства. Правда, с конца 70-х годов в большинстве стран Ближнего и Среднего Востока прослеживается абсолютный и относительный рост ассигнований государства на развитие и модернизацию сельскохозяйственного производства, на оказание материальной и иной помощи развитию различных типов хозяйств (прежде всего хозяйств современного типа), на расширение ирригационного строительства, на обеспечение растениеводства и животноводства квалифицированными кадрами и т. д.

Тем не менее, по мнению экспертов ФАО, странам Ближнего и Среднего Востока едва ли удастся добиться в ближайшее десятилетие ускорения темпов роста сельскохозяйственного производства. В соответствии со средним вариантом прогноза ФАО темп прироста условно чистой продукции сельскохозяйственного производства останется до 2000 г. на уровне 1961—1965 гг. (среднегодовой показатель) и 1980 г., т. е. на уровне 3%. Однако темп прироста спроса на сельскохозяйственную продукцию сократится с 4,1% до 3,1%, что повлечет за собой падение темпа прироста сельскохозяйственного импорта (с 9,1% до 3,2%). Но поскольку предполагается, что темп прироста сельскохозяйственного импорта на 0,2% превысит темп прироста сельскохозяйственного производства, зависимость стран Ближнего и Среднего Востока от импорта продовольственных товаров не только не уменьшится, но даже увеличится. При этом, по оценке экспертов ФАО, доля импорта в потреблении продуктов зерновых культур увеличится (18% в 1975—1979 гг.) до 20% в 1990 г. и 28% в 2000 г.⁸⁶

Согласно прогнозу М. Хопкинса, учитывающего в своих расчетах оценки экспертов ФАО, Мирового банка и Римского клуба, в странах Ближнего и Среднего Востока к началу грядущего века следует ожидать абсолютного и относительного сокращения населения, живущего в условиях крайней бедности и неспособного обеспечить себе минимальный рацион питания⁸⁷.

При этом в связи с обострением проблемы занятости в сельских и городских районах, ростом неравенства в распределении доходов и потреблении значительная часть населения стран Ближнего и Среднего Востока по-прежнему будет страдать от недоедания и особенно несбалансированного питания.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 17.

² Подробнее см.: *Брагина Е.* Международная стратегия развития на 80-е годы.— *Мировая экономика и международные отношения*. 1981, № 6, с. 117—124; *Алексеев Ю.* Международная стратегия развития на 80-е годы.— *Международная жизнь*. 1981, № 9, с. 101—107.

³ Международная стратегия развития на третье десятилетие развития Организации Объединенных Наций. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей по докладу Второго Комитета на 83-м Пленарном заседании 5 декабря 1980 г. Нью-Йорк, 1981.

⁴ Об исторических корнях, социальном и политическом содержании буржуазной «революции сверху» см.: *Агаев С. Л.* Реформа в стратегии революции.— *Революционный процесс: общее и особенное*. М., 1981, с. 75—98; *Восток. Рубеж 80-х годов. Освободившиеся страны в современном мире*. М., 1983, с. 155—168.

Глава I

¹ Подробнее см.: *Моисеев П. П.* Аграрный строй современной Турции. М., 1970, с. 123—133; *он же.* Перспективы решения аграрного вопроса.— *Политика и экономика современной Турции*. М., 1977, с. 200—201.

² *Моисеев П. П.* Перспективы решения аграрного вопроса, с. 202—206.

³ *The Middle East and North Africa, 1980—81*. L., 1981, с. 781.

⁴ См., например: Turkey. An Economic Survey. Istanbul, 1976, с. 6.

⁵ Turkey. Prospects and Problems of an Expanding Economy. A World Bank Country Report. Wash., 1975, с. 433.

⁶ General Census of Agriculture, 1970. Ankara, 1979, с. 4.

⁷ Demokratikleşme için plân, 1978—1982. Istanbul. 1978, с. 141.

⁸ Рассматриваемый процесс получил заметное развитие и в 50-х годах, но тогда он еще в известной степени уравновешивался распределением между крестьянами государственных земель.

⁹ Подсчитано по: Statistical Yearbook of Turkey, 1977. Ankara, 1978, с. 165; General Census of Agriculture. 1970, с. 6.

¹⁰ В 1972 г., например, из общего фонда обрабатываемых площадей в 27 339 тыс. га лишь 1939 тыс. га, или 6,1%, составляли поливные земли, в 1980 г.—из 28 175 тыс. га — только 3234 тыс. га, или 11,5% (Statistical Pocket Book of Turkey, 1982. Ankara, 1982, с. 116; Turkey. Yearbook 1983. Ankara, 1983, с. 279).

¹¹ Подробнее см.: *Khan Nasir Ahmed*. Patterns of Agricultural Development in Arab Countries. Kuwait, 1969, с. 125—219.

¹² *Киреев Н. Г.* Развитие капитализма в Турции. К критике теории «сместанной экономики». М., 1982, с. 49—63.

¹³ Statistical Pocket Book of Turkey, 1984. Ankara, 1984, с. 110—111.

¹⁴ *Киреев Н. Г.* Развитие капитализма в Турции..., с. 46—48.

¹⁵ Включая обрабатываемые земли государственных хозяйств.

¹⁶ Подсчитано по: General Census of Agriculture, 1970, с. 6; Statistical

Yearbook of Turkey, 1977, с. 165; Statistical Yearbook of Turkey, 1983. Ankara, 1984, с. 216, 230.

¹⁷ Керван К. Земельный вопрос и крестьянское движение в Турции.— Аграрный вопрос и роль крестьянства на современном этапе национально-освободительной революции. Прага, 1978, с. 306—307; Quarterly Economic Review of Turkey. Annual Supplement. L. 1985, с. 15.

¹⁸ The Turkish Economy. Prospects for Growth within Stability. Istanbul, 1978, с. 83; Turkey.— Financial Times. 13.11.1978, с. 27.

¹⁹ Подсчитано по: Statistical Yearbook of Turkey, 1981. Ankara, 1981, с. 192—193; Statistical Yearbook of Turkey, 1983, с. 230—231.

²⁰ Saab G. S. The Egyptian Agrarian Reform, 1952—1962. L.— N. Y., 1967, с. 21, 28; Abdel-Fadil M. Development, Income Distribution and Social Change in Rural Egypt (1952—1970). Cambridge, 1975, с. 10.

²¹ Программы аграрных реформ 50—60-х годов, их осуществление и последствия обстоятельно освещены в советской литературе (см.: Иванова И. П. Сельское хозяйство Объединенной Арабской Республики, 1952—1965. М., 1970, с. 41—79; Арускин В. К. Проблемы кооперирования сельскохозяйственного производства в Египте. М., 1972, с. 25—55; Волков С. Н. Социально-экономическая структура египетской деревни, 1952—1970 гг. М., 1979, с. 13—66; Беляев И. П., Примаков Е. М. Египет: время президента Насера. 2-е изд. М., 1981, с. 58—73, 111—127, 155—161; Гатауллин М. Ф. Аграрная реформа и классовая борьба в Египте. М., 1985, с. 26—112).

²² Без учета земель, подведомственных Генеральной организации развития пустыни.

²³ Подсчитано по: Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1979. Cairo, 1980, с. 22, 53.

²⁴ Подробнее см.: Иванова И. П. Роль государства в развитии сельского хозяйства Египта.— Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980, с. 222—226; Гатауллин М. Ф. Особенности и последствия аграрной реформы в Египте.— Аграрные преобразования в странах Африки на современном этапе. М., 1982, с. 172—177.

²⁵ Ткаченко А. А. Аграрное развитие Египта, Ирака и Сирии. М., 1978, с. 90.

²⁶ Подробнее см.: Иванова И. П. Роль государства в развитии сельского хозяйства Египта, с. 224—226; Гатауллин М. Ф. Аграрная реформа и классовая борьба в Египте, с. 101—103, 134—135.

²⁷ Подсчитано по: Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt. 1952—1979, с. 57; FAO. Production Yearbook, 1978. Rome, 1979, с. 45.

²⁸ Подсчитано по: Волков С. Н. Социально-экономическая структура египетской деревни..., с. 22.

²⁹ Подсчитано по: Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1979, с. 57; FAO. Production Yearbook, 1978, с. 45.

³⁰ Abdel-Fadil M. Development..., с. 9, 19.

³¹ Гатауллин М. Ф. Аграрная реформа и классовая борьба в Египте, с. 105.

³² Волков С. Н. Социально-экономическая структура египетской деревни..., с. 31; Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities and Equity in a Changing Economy: Egypt in the 1980s. Geneva, 1982, с. 120—121.

³³ Волков С. Н. Социально-экономическая структура египетской деревни..., с. 26—31.

³⁴ Подробнее см. в главе «Кооперативное движение в сельских районах стран Ближнего и Среднего Востока».

³⁵ Стремление к производству прибыльных видов продукции наблюдалось среди мелких хозяйств и в конце 70-х годов (Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities..., с. 123).

³⁶ Khan Nasir Ahmed. Patterns of Agricultural Development in Arab Countries, с. 172, 259.

³⁷ Saab G. S. The Egyptian Agrarian Reform..., с. 80.

³⁸ The Middle East. 1985, № 133, с. 14.

³⁹ Abdel-Fadil M. Development..., с. 32—33; Hopkins N. S. The Social Impact of Mechanization.— Migration, Mechanization and Agricultural Labor Markets in Egypt. Colorado, 1983, с. 185—186.

⁴⁰ *Richards A., Martin Ph., Negaar R. Labour Shortages in Egyptian Agriculture.— Migration, Mechanization and Agricultural Labor Markets in Egypt. Colorado, 1983, с. 25.*

⁴¹ Подробнее см.: *Волков С. Н. Социально-экономическая структура египетской деревни...*, с. 31—34; *Abdel-Fadil M. Development...*, с. 19—21.

⁴² Подсчитано по: *Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities...*, с. 105, 107.

⁴³ *Abdel-Fadil M. Development...*, с. 44; *Richards A. Egypt's Agriculture in Trouble.*— MERIP Reports. L., 1980, № 84, с. 7.

⁴⁴ С части этих земель секвестр был снят еще в 1967 г., что, очевидно, было следствием ухудшения экономического положения Египта в связи с войной с Израилем и обострением классовой борьбы в деревне (*Арискин В. К. Проблемы кооперирования сельскохозяйственного производства в Египте*, с. 47—48).

⁴⁵ *Иванова И. П. Основные тенденции развития социальной структуры в египетской деревне на третьем этапе аграрных преобразований (1969—1975 гг.).—Актуальные проблемы стран Арабского Востока и Северной Африки. М., 1977, с. 90; Гатауллин М. Ф. Аграрная реформа и классовая борьба в Египте*, с. 95—96.

⁴⁶ *Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1979*, с. 57; *Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1980. Cairo, 1981*, с. 60.

⁴⁷ *Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities...*, с. 107—109.

⁴⁸ *Гатауллин М. Ф. Особенности и последствия аграрной реформы в Египте*, с. 173—174.

⁴⁹ *Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities...*, с. 290.

⁵⁰ *Migration, Mechanization and Agricultural Labor Markets in Egypt*, с. 4, 239.

⁵¹ Подробнее см.: *Гатауллин М. Ф. Аграрная реформа и классовая борьба в Египте*, с. 97—99.

⁵² *Fitch J. B. and Soliman I. A. Livestock and Small Farmer Supply.— Migration, Mechanization and Agricultural Labor Markets in Egypt*, с. 73.

⁵³ *Richards A., Martin Ph., Negaar R. Labor Shortages in Egyptian Agriculture*, с. 26.

⁵⁴ *Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities...*, с. 109.

⁵⁵ Оценки распространения аренды в этой и других группах хозяйств являются ориентировочными, ибо они не полностью учитывают перемещения земель, связанные с арендой государственных имений, перемещения земель внутри рассматриваемых групп и т. д.

⁵⁶ Оценка распространения аренды в различных группах хозяйств сделана на базе данных: *Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities...*, с. 107, 109.

⁵⁷ См., например: *Taylor E. Peasants or Proletarians? The Transformation of Agrarian Production Relations in Egypt.— Proletarianisation in the Third World. L., 1984*, с. 182.

⁵⁸ *Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities...*, с. 109.

⁵⁹ См., например: *Richards A. Egypt's Agricultural Development, 1800—1980. Technical and Social Change. Colorado, 1982*, с. 179—183, 205—206.

⁶⁰ Подробнее см.: *Демин А. И. Социально-экономический и политический кризис конца 50-х — начала 60-х годов.— Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976*, с. 304—313.

⁶¹ *Техран экономист. 1963, № 453*, с. 13.

⁶² Подсчитано по: *Осул-е энглаб-е шах ва меллат. Техран, 1976*, с. 23—25; *Даствардха-йе энглаб. Техран, 1977*, с. 21—24; *Растахиз. 09.01.1978.*

⁶³ Включая земли различных кооперативов, компаний и общин.

⁶⁴ *Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи сал-е 1351 (1972/73). Техран, 1974*, с. 27; *Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи, мархале-йе довм, 2533 (1974/75). Техран, 1977*, с. 53; *Рахмани А. Малекнет ва бехранбердари аз زمین дар Иран. Техран, 1970*, с. 167—170; *Джомхури-йе эслами. 16.05.1985.*

⁶⁵ В сравнении с Египтом в обрабатываемом фонде Ирана преобладают богарные земли, что в условиях засушливого климата в большинстве районов страны в значительной мере объясняет низкую продуктивность иранского растениеводства в целом. Это, в свою очередь, предопределяет серьезные отли-

чия в размерах участков, служащих основным критерием для установления имущественной состоятельности тех или иных групп сельскохозяйственных хозяйств.

⁶⁶ Натаедж-е амаргири-йе кешаверзи... 2533 (1974/75), с. 9, 11.

⁶⁷ Без кормовых культур.

⁶⁸ Подсчитано по: Натаедж-е амаргири-йе кешаверзи сал-е 1351 (1972/73), с. 31—33; Натаедж-е амаргири-йе кешаверзи... 2533 (1974/75), с. 15, 24, 39; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1351 (1972/73). Техран, 1974, с. 277, 641, 643.

⁶⁹ Натаедж-е амаргири-йе кешаверзи... 2533 (1974/75), с. 11.

⁷⁰ Подсчитано по: Натаедж-е амаргири-йе кешаверзи... 2533 (1974/75), с. 7, 15.

⁷¹ Подробнее см.: *Хосрови Х.* Джамэ-йе дехкани дар Иран. Техран, 1978, с. 85—89; *Kazemi F.* Poverty and Revolution in Iran. The Migrant Poor, Urban Marginality and Politics. N. Y.—L., 1980, с. 2—3, 30; *Hooglund E. J.* Land and Revolution in Iran, 1960—1980. Texas, 1982, с. 115—121.

⁷² Подсчитано по: Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи... 2533 (1974/75), с. 15, 24, 89, 102, 114.

⁷³ *Демин А. И.* Современная иранская деревня. М., 1977, с. 238.

⁷⁴ Подсчитано на базе данных: Натаедж-е амаргири-йе кешаверзи... 2533 (1974/75), с. 9, 11, 15, 102, 114, 167—173.

⁷⁵ *Демин А. И.* Современная иранская деревня, с. 238.

⁷⁶ Натаедж-е амаргири-йе кешаверзи сал-е 1351 (1972/73), с. 3, 32; Натаедж-е амаргири-йе кешаверзи сал-е... 2533 (1974/75), с. 15, 102.

⁷⁷ *Weinbaum M. G.* Agricultural Policy and Development Politics in Iran.— *The Middle East Journal.* 1977, № 4, с. 439.

⁷⁸ См., например: *Hooglund E. J.* Land and Revolution in Iran..., с. 139—146; *Hooglund M.* Religions Ritual and Political Struggle in an Iranian Village.— *MERIP Reports.* 1982, № 102, с. 10—17, 23.

⁷⁹ Подробнее см.: *Демин А. И.* Продовольственная проблема в современном Иране.— Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки. М., 1982, с. 171—186.

⁸⁰ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1351 (1972/73), с. 640—643; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1356 (1977/78). Техран, 1978, с. 516—519; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1359 (1980/91). Техран, 1982, с. 706—707; Иран дар аянэ-йе амар. Техран, 1982, с. 120—121.

⁸¹ Начальный этап буржуазной политической революции — конституционное движение, или антифеодальная и антиимпериалистическая борьба иранского народа в 1905—1911 гг. Логическим завершением этой борьбы был приход к власти в Иране в 1925 г. на смену феодальной династии Каджаров династии Пехлеви, отражавшей интересы торговых слоев в лице полуфеодальных помещиков и торговой буржуазии, связанных с развитием капиталистических отношений в сфере обращения.

⁸² Подробнее о предпосылках, движущих силах, характере и развитии иранской революции см.: *Агаев С. Л.* Иран в прошлом и настоящем (пути и формы революционного процесса). М., 1981, с. 190—263; *он же.* Иран: Рождение республики. М., 1984; *он же.* О понятии и сущности «исламской революции». — Азия и Африка сегодня. 1984, № 5, с. 27—34; *Ульяновский Р. А.* Иранская революция и ее особенности. — Коммунист. 1982, № 10, с. 106—116; *Восток. Рубеж 80-х годов.* Освободившиеся страны в современном мире. М., 1983, с. 157—162; *Алиев С. М.* Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. М., 1985, с. 236—276; *Арабаджян А.* Иранская революция: причины и уроки. — Азия и Африка сегодня. 1986, № 3, с. 32—36, № 4, с. 19—22, 38.

⁸³ В армии, особенно в ее офицерском корпусе, наблюдалось серьезное недовольство неоднократными чистками личного состава, засильем клерикалов в органах законодательной и исполнительной власти.

⁸⁴ *Beck L.* Revolutionary Iran and Its Tribal Peoples.— *MERIP Reports.* 1980, № 87, с. 18—19; *Paul J.* Iran's Peasants and the Revolution: An Introduction.— *MERIP Reports.* 1982, № 104, с. 22—23; *Hooglund E. J.* Land and Revolution in Iran..., с. 151—152.

⁸⁵ Джомхури-йе эслами, 18—21.05.1985; Бурс, 13.01.1985.

⁸⁶ Beck L. Revolutionary Iran and Its Tribal People, с. 17—19; Paul J. Iran's Reasants and the Revolution..., с. 22—23.

⁸⁷ Трубецкой В. В. Особенности национальной ситуации в Исламской республике Иран.—Национальный вопрос в странах Востока. М., 1982, с. 256.

⁸⁸ Hooglund E. J. Rural Iran and the Clerics.—MERIP Reports. 1982, № 104, с. 25.

⁸⁹ См., например: Hooglund M. Religious Ritual and Political Struggle in an Iranian Village, с. 15; Hooglund E. J. Rural Iran and the Clerics, с. 25.

⁹⁰ Paul J. Iran's Peasants and the Revolution.... с. 23; Ferdows E. The Reconstruction Crusade and Class Conflict in Iran.—MERIP Reports. 1983, № 113, с. 12.

⁹¹ Этот вывод, в частности, подтверждается тем, что официальные органы Исламской республики при решении вопросов аграрного развития зачастую опирались на материалы сельскохозяйственной переписи 1974/75 г. Например, данные переписи о структуре землепользования использовались при разработке законопроекта об аграрной реформе (Эттелаат. 02.11.1981).

⁹² Подсчитано по: Натаедж-е амаргири-йе кешаверзи... 2533 (1974/75), с. 15; Джомхури-йе эслами. 16.05.1985.

⁹³ MERIP Reports. 1980, № 87, с. 13; Барзегар. 29.05.1982; Бурс. 15.11.1983.

⁹⁴ Кейхан. 25.11.1980.

⁹⁵ Эттелаат. 30.12.1984.

⁹⁶ Текст законопроекта, утвержденного меджлисом 2 марта 1982 г., см.: Эттелаат. 01.03.1982.

⁹⁷ Подсчитано по: Натаедж-е амаргири-йе кешаверзи... 2533 (1974/75), с. 15, 182.

Глава II

¹ Зарубежный Восток и современность Т. I. М., 1974, с. 64—65.

² Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1351 (1972/73). Тегеран, 1974, с. 481; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2536 (1977/78). Тегеран, 1978, с. 289, 478—479; Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е эктесади ва теразнаме, 1356 (1977/78). Тегеран, 1978, с. 179.

³ В 1976/77 г., например, займы Сельскохозяйственного банка в общей сумме ссуд многоцелевых кооперативов составляли 77,4%, в 1977/78 г.—85,4%, в 1978/79 г.—84,3%. См.: Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е эктесади ва теразнаме, 1356 (1977/78), с. 30; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1360 (1981/82). Тегеран, 1983, с. 296—298.

⁴ Подсчитано по: Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2536 (1977/78), с. 239—241; Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е эктесади ва теразнаме, 1356 (1977/78), с. 30; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1359 (1980/81). Тегеран, 1982, с. 543.

⁵ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2536 (1977/78), с. 241; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1360 (1981/82), 1983, с. 297—298.

⁶ Подробнее см.: Тегеран экономист. 1976, № 1143, с. 10; № 1165, с. 58.

⁷ Кейхан, 19.01.1976; Бурс. 28.12.1976, 13.04.1978.

⁸ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2536 (1977/78), с. 241.

⁹ Имеются в виду прежде всего кредитные кооперативы, основанные на бывших коронных землях. В марте 1973 г. в иранской деревне было 748 таких кооперативов в составе 25,1 тыс. членов (Тегеран экономист, 1973, № 987, с. 51).

¹⁰ Denman D. R. The King's Vista. A Land Reform Which Has Changed the Face of Persia. L., 1973, с. 201.

¹¹ Сервет-е мелл. 1968, № 45, с. 9; Тегеран экономист. 1972, № 944, с. 18; № 945, с. 10; 1975, № 1123, с. 49.

¹² Iran Almanac and Book of Facts, 1975, с. 414; Tehran Journal. 14.09.1974.

¹³ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2536 (1977/78), с. 241.

¹⁴ Раствахиз. 18.12.1977; Kayhan International Weekly. 21.01.1978.

¹⁵ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1359 (1980/81), с. 542; Сальнаме-йе

амари-йе кешвар сал-е 1361 (1982/83), 1984, с. 578; Иран дар аннэ-йе амар. Техран, 1985, с. 143, Бурс. 12.03.1985.

¹⁶ Бурс. 12.03.1985.

¹⁷ Подсчитано по: Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1362 (1983/84). 1985, с. 370—372.

¹⁸ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1361 (1982/83), с. 301: Джомхури-йе эслами. 04.01.1984.

¹⁹ См., например: Бурс. 20.05.1981; Барзерар. 24.04.1982.

²⁰ Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt 1952—1977. Cairo, 1978, с. 52; *Parker J. B., Coyle J.-R.* Urbanization and Agricultural Policy in Egypt. Wash., 1981, с. 19.

²¹ Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1980. Cairo, 1981, с. 55.

²² Аль-китаб аль ихсайн ас санавий, 1952—1983. Каир, 1984, с. 30.

²³ См., например: *Richards A.* Egypt's Agricultural Development, 1800—1980. Technical and Social Change. Colorado, с. 181—183.

²⁴ Подробнее см.: *Ткаченко А. А.* Аграрное развитие Египта, Ирака и Сирии. М., 1978, с. 71, 77—78.

²⁵ *Гатауллин М. Ф.* Аграрная реформа и классовая борьба в Египте. М., 1985, с. 104, 120.

²⁶ *Арискин В. К.* Проблемы кооперирования сельскохозяйственного производства в Египте. М., 1972, с. 72; *Гатауллин М. Ф.* Аграрная реформа и классовая борьба в Египте, с. 104; Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1977, с. 23.

²⁷ Подробнее см.: *Арискин В. К.* Проблемы кооперирования..., с. 73—76; *Волков С. Н.* Социально-экономическая структура египетской деревни. 1962—1970 гг. М., 1979, с. 130—134, 145.

²⁸ *Weinbaum M. G.* Food, Development and Politics in the Middle East. L., 1982, с. 70—71.

²⁹ *Гатауллин М. Ф.* Аграрная реформа и классовая борьба в Египте, с. 104, 120.

³⁰ *Abdel-Fadil M.* Development, Income Distribution and Social Change in Rural Egypt (1952—1970). Cambridge, 1975, с. 106.

³¹ *Parker J. B., Coyle J. R.* Urbanization and Agricultural Policy in Egypt, с. 15.

³² Подробнее см.: *Richards A.* Egypt's Agricultural Development..., с. 181—186.

³³ Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt. 1952—1980, с. 87.

³⁴ *Richards A.* Egypt's Agricultural Development..., с. 87.

³⁵ *Abdel-Fadil M.* Development..., с. 86—87.

³⁶ *Parker J. B., Coyle J. R.* Urbanization and Agricultural Policy in Egypt. с. 11, 14—16; *Scobie G. M.* Government Policy and Food Imports; The Case of Wheat in Egypt. Wash., 1981, с. 76—77; *Richards A.* Egypt's Agriculture in Trouble.—MERIP Reports, 1980, № 84, с. 8.

³⁷ Подробнее см.: *Richards A.* Egypt's Agricultural Development..., с. 179—183, 205—206; *Weinbaum M. G.* Food, Development and Politics in the Middle East, с. 71—72.

³⁸ См., например: *Иванова И. П.* Роль государства в развитии сельского хозяйства Египта.—Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980, с. 220—221; *Richards A.* Egypt's Agricultural Development..., с. 217; The Middle East and North Africa, 1985—86. L., 1985, с. 353—354, 362.

³⁹ Подробнее см.: *Моисеев П. П.* Аграрный строй современной Турции. М., 1970, с. 156—164; *Игнатова Г. Н.* Кооперативное законодательство в Турции.—Вопросы экономического развития стран современного Востока. М., 1978, с. 69—79.

⁴⁰ *Уразова Е. И.* Турция: проблемы финансирования экономического развития. М., 1974, с. 162.

⁴¹ Almanac Turkey, 1977. Ankara, 1978. с. 199; Т. С. Resmi gazete. 11.03.1976, с. 104.

⁴² *Tan A.* Türkiye ekonomisinde tarım kooperatifleri, Ankara, 1983, с. 19.

- ⁴³ Подсчитано по: Statistical Yearbook of Turkey, 1983. Ankara, 1983, с. 230.
- ⁴⁴ Подсчитано по: *Tan A. Türkiye ekonomisinde tarım kooperatifleri*, с. 19, 21.
- ⁴⁵ Подробнее о деятельности кредитных кооперативов в турецкой деревне см.: *Моисеев П. П. Аграрный строй...*, с. 157—160; *Чистякова Г. Н. Сельскохозяйственная кредитная кооперация и ее роль в развитии производительных сил в турецкой деревне.*—Вопросы экономического развития стран современного Востока, с. 158—167.
- ⁴⁶ Подсчитано по: *Iktisadî rapor. Ankara, 1978, с. 124; Iktisadî rapor. 1980, с. 72; Statistical Pocket Book of Turkey, 1982. Ankara, 1982, с. 227.*
- ⁴⁷ Подсчитано по: Economic Report. Union of the Chambers of Commerce, Industry, Maritime Trade and Commodity Exchanges of Turkey. Ankara, 1984, с. 155; Economic Report, 1985, с. 158.
- ⁴⁸ *T. C. Resmî gazete. 11.12.1976, с. 104; Almanac Turkey. 1977, с. 199; Tan A. Türkiye ekonomisinde tarım kooperatifleri, с. 22.*
- ⁴⁹ Подсчитано по: *Tan A. Türkiye ekonomisinde tarım Kooperatifleri*, с. 22—23.
- ⁵⁰ Подробнее см.: *Моисеев П. П. Аграрный строй современной Турции*, с. 173—176; *Киреев Н. Г. Развитие капитализма в Турции. К критике теории «смешанной экономики»*. М., 1982, с. 84.
- ⁵¹ Census of Agriculture, 1980. Result of Muhtarlık Survey (Places with Population less than 5000). Prime Ministry State Institute of Statistics. Ankara, 1982, с. 42.
- ⁵² *Моисеев П. П. Аграрный вопрос современной Турции*, с. 161—162.
- ⁵³ Подробнее см.: *Уразова Е. И. Турция: проблемы финансирования экономического развития*, с. 124—132; *Киреев Н. Г. Развитие капитализма в Турции...*, с. 111—119.
- ⁵⁴ *Моисеев П. П. Аграрный строй современной Турции*, с. 162.
- ⁵⁵ The Political Economy of Income Distribution in Turkey. N. Y., 1980, с. 225.
- ⁵⁶ Подробнее см.: *Филоник А. О. Аграрные проблемы современной Сирии*. М., 1981, с. 63—78.
- ⁵⁷ *Вавилов В., Симантовский И. Сирия*. М., 1975, с. 75—76.
- ⁵⁸ Подробнее см.: *Филоник А. О. Аграрные проблемы современной Сирии*, с. 92—95.
- ⁵⁹ Quarterly Economic Review of Syria, Jordan. Annual Supplement, 1984, с. 15.
- ⁶⁰ Включая 2,1 тыс. га, использовавшихся скотоводческими государственными фермами под посевы фуражных культур.
- ⁶¹ Syrian Arab Republic. Statistical Abstract, 1981. Damas, 1981, с. 178.
- ⁶² Syrian Arab Republic Statistical Abstract, 1979. Damas, 1980, с. 198—199.
- ⁶³ Тишрин. 28.05.1984; Quarterly Economic Review of Syria, 1985. Annual Supplement, с. 21.
- ⁶⁴ В 1962 г. в сирийской деревне был зарегистрирован 471 кооператив в составе 38,2 тыс. человек (Syrian Arab Republic. Statistical Abstract, 1979, с. 470).
- ⁶⁵ Syrian Arab Republic. Statistical Abstract, 1981, с. 194.
- ⁶⁶ Подсчитано на базе данных: Syrian Arab Republic. Statistical Abstract, 1981, с. 194, 178; FAO. Production Yearbook, 1981, с. 68.
- ⁶⁷ Quarterly Economic Review of Syria, Jordan. 1984, Annual Supplement, с. 15, 21.
- ⁶⁸ Подсчитано по: *Ткаченко А. А. Аграрное развитие Египта, Ирака и Сирии*. М., 1978, с. 74; Syrian Arab Republic. Statistical Abstract, 1979, с. 507.
- ⁶⁹ Подробнее см.: *Шейхо Р. Аграрная проблема в Сирии и пути ее решения.*—Аграрный вопрос и роль крестьянства на современном этапе национально-освободительной революции. Прага, 1978, с. 235—236; *Филоник А. О. Аграрные проблемы современной Сирии*, с. 85—90; *Ткаченко А. А. Аграрное развитие Египта, Ирака и Сирии*, с. 75—77.
- ⁷⁰ Техран экономист. 1978, № 1265, с. 47.
- ⁷¹ Техран экономист. 1978, № 1239, с. 22; Раствахиз. 16.05.1978.
- ⁷² См., например: Раствахиз. 19.04.1978.

- ⁷³ Арискин В. К. Проблемы кооперирования..., с. 77—79; Волков С. Н. Социально-экономическая структура египетской деревни..., с. 146—147.
- ⁷⁴ Подробнее см.: Зудина Л. П. Этапы сельскохозяйственного кооперирования в Тунисе.— Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования. М., 1977, с. 244—257.
- ⁷⁵ Зудина Л. П. Государство и социально-экономические преобразования в деревне стран Магриба.— Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980, с. 32.
- ⁷⁶ Подробнее см.: Фридман Л. А. Проблемы и противоречия экономического развития стран социалистической ориентации (на примере Алжира).— Партия и революционный процесс в странах Азии и Африки. М., 1983, с. 147—169; Мельянцева В. А. Экономический рост стран Магриба. М., 1984, с. 65—72.
- ⁷⁷ Социалистическая ориентация освободившихся стран. Некоторые вопросы теории и практики. М., 1982, с. 191.
- ⁷⁸ Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979, с. 73—74.
- ⁷⁹ MERIP Reports, 1981, № 94, с. 8.
- ⁸⁰ Потемкин Ю. В. Алжир: проблемы развития (опыт национально-демократической революции). М., 1978, с. 42.
- ⁸¹ Свыше 70% самоуправляемых хозяйств располагали обрабатываемыми землями площадью 1 тыс. га и более (Алжир. Справочник. М., 1977, с. 144).
- ⁸² Zetoun K. Révolution agraire: Les prémices d'une nouvelle politique.— Révolution africain. 1980, № 873, с. 17.
- ⁸³ Зудина Л. П. Аграрные преобразования и развитие сельского хозяйства в странах Магриба. М., 1983, с. 88.
- ⁸⁴ Zetoun K. Révolution agraire..., с. 17.
- ⁸⁵ Подсчитано по: Mutin G. Agriculture et dépendance alimentaire en Algérie.— Maghreb — Machrek. 1980, № 90, с. 53; The Arab Economist. Beirut, 1982, № 152, с. 27.
- ⁸⁶ MERIP Reports. 1981, № 94, с. 8.
- ⁸⁷ Так, в 1978 г. в общественных и коллективных хозяйствах было сосредоточено 77% тракторов, 66% транспортных машин, имевшихся в деревне (Maghreb — Machrek. 1980, № 90, с. 54).
- ⁸⁸ Mutin G. Agriculture et dépendance alimentaire en Algérie, с. 53, 54.
- ⁸⁹ Slimane Bedrani. L'agriculture algérienne depuis 1966 (Etatisation ou Privatisation). P., 1982, с. 209—231.
- ⁹⁰ Во второй половине 70-х годов, по официальным сведениям, только 25—30% самоуправляемых хозяйств были рентабельными (Мельянцева В. А. Экономический рост стран Магриба, с. 72).
- ⁹¹ Миронова Е. И. Аграрные преобразования в Алжире.— Народы Азии и Африки. 1984, № 1, с. 80.
- ⁹² The Chief Task Is to Defend and Consolidate the State Sector. Statement of the Socialist Vanguard Party of Algeria.— Information Bulletin. Peace and Socialism. Prague, 1983, № 10, с. 37—38.
- ⁹³ Бен Талел М. Отстоять прогрессивный выбор.— Проблемы мира и социализма. 1984, № 12, с. 75.
- ⁹⁴ Миронова Е. И. Основные направления аграрных преобразований в 70-е годы.— Страны Северной Африки. М., 1984, с. 162—163; Révolution africain. 1984, № 1065, с. 8—10.
- ⁹⁵ Подробнее см.: Révolution africain. 1984, № 1065, с. 11—14; Middle East Economic Digest. 1984, № 18, с. 54—56.
- ⁹⁶ Révolution africain. 1984, № 1058.— Document. 12 ème session du Comité Central, с. 6—11.
- ⁹⁷ Бурмистров В. Н. Народная Демократическая Республика Йемен: экономика и торгово-экономические отношения. М., 1981, с. 28.

Глава III

- ¹ Подробнее см.: Демин А. И. Современная иранская деревня. М., 1977, с. 178—183.
- ² Банк-е маркази-е Иран. Гозареш-е экстесади ва теразнаме сал-е 1356 (1977/78). Тегеран, 1978, с. 31, 179; Растахиз. 21.08.1978.

- ³ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2536 (1977/78). Тегран, 1978, с. 291—292.
- ⁴ Дехкан-е руз, 1974, № 9, с. 17; 1975, № 11, с. 63; 1976, № 9, с. 22, 40; 1978, № 6, с. 6; Тегран экономист. 1978, № 1240, с. 20.
- ⁵ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2533 (1974/75). Тегран, 1976, с. 249; Неда-йе Иран-е новин, 27.02.1975.
- ⁶ Дехкан-е руз, 1978, № 4, с. 59.
- ⁷ Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е эктесад ва теразнаме сал-е 1357 (1978/79). Тегран, 1979, с. 23.
- ⁸ Тегран экономист, 1970, № 840, с. 45—47.
- ⁹ Подсчитано по: Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е салане ва теразнаме. Тегран, 1974, с. 167; 1975, с. 191; 1976, с. 201.
- ¹⁰ Дехкан-е руз, 1975, № 3, с. 40; 1976, № 7, Приложение; 1978, № 4, с. 54—57; Тегран экономист, 1978, № 1233, с. 39.
- ¹¹ Этталаат, 10.05.1976; Тегран экономист, 1978, № 1233, с. 39.
- ¹² Растахиз, 12.01.1978; 29.03.1978; Барзегар, 05.07.1982.
- ¹³ Дехкан-е руз, 1975, № 3, с. 40; Тегран экономист, 1977, № 1192, с. 26, 39—40; Бурс, 20.12.1977.
- ¹⁴ Iran Almanac and Book of Facts, 1975. Tehran, 1975, с. 218.
- ¹⁵ Тегран экономист, 1977, № 1226, с. 24—28; Талаш, 1978, № 81, с. 23—27.
- ¹⁶ The 5-th Plan (Revised and Summarized Version). Tehran, 1975, с. 56.
- ¹⁷ Tehran Journal, 10.04.1976; 11.08.1976.
- ¹⁸ Katouzian H. The Agrarian Question in Iran.—Agrarian Reform in Contemporary Developing Countries. N. Y., 1983, с. 332.
- ¹⁹ Тегран экономист, 1978, № 1243, с. 25; № 1248, с. 30.
- ²⁰ Али Хавари, Терзаят партия, чтобы растерзать революцию.—Проблемы мира и социализма, 1984, № 3, с. 67.
- ²¹ Подробнее см.: Бурс, 16.06.1981; Барзегар, 05.12.1981, 06.02.1982; 10.04.82; 17.04.1982; 05.06.1982; Джомхури-йе эслами, 04.01.1984; Иран дар анна-йе амар, Тегран, 1985, с. 86.
- ²² Quarterly Economic Review of Turkey, 1982, № 3, с. 15.
- ²³ Turkey. Yearbook 1983, Ankara, 1983, с. 366—367.
- ²⁴ Подробнее об агропромышленной деятельности в сфере сахарного производства см.: Моисеев П. П. Аграрный строй современной Турции. М., 1970, с. 175—176; Киреев Н. Г. Развитие капитализма в Турции. К критике теории «смешанной экономики». М., 1982, с. 82—83.
- ²⁵ İktisadî rapor. Ankara, 1978, с. 124; İktisadî rapor, 1980, с. 72; İktisadî rapor, 1983, с. 178; Statistical Yearbook of Turkey, 1985. Ankara, 1985, с. 229.
- ²⁶ Моисеев П. П. Аграрный строй современной Турции, с. 173—175; Киреев Н. Г. Развитие капитализма в Турции..., с. 85.
- ²⁷ Подробнее см.: Моисеев П. П. Сельское хозяйство.—Турецкая республика (справочник). М., 1975, с. 87—91; Киреев Н. Г. Развитие капитализма в Турции..., с. 57—59; Коматидзе Н. В. Состояние производительных сил в сельском хозяйстве Восточной Турции.—Турция. История, экономика, политика, М., 1983, с. 170—172; Quarterly Economic Review of Turkey, 1985, Annual Supplement, с. 17.
- ²⁸ Моисеев П. П. Аграрный строй современной Турции, с. 119.
- ²⁹ Киреев Н. Г. Развитие капитализма в Турции..., с. 86.
- ³⁰ Quarterly Economic Review of Turkey, 1982, Annual Supplement, с. 11—12; 1983, Annual Supplement, с. 11; Turkey. OECD. Economic Survey 1982—1983. P., 1983, с. 48.
- ³¹ Подробнее см.: Моисеев П. П. Турция. Социальная структура общества.—Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока. М., 1981, с. 133—136.
- ³² Керван К. Земельный вопрос и крестьянское движение в Турции.—Аграрный вопрос и роль крестьянства на современном этапе национально-освободительной революции. Прага, 1978, с. 308—309.
- ³³ Подробнее о развитии капиталистического предпринимательства в Египте в период, предшествующий аграрным преобразованиям, см.: Фрид-

ман Л. А. Египет, 1882—1952. Социально-экономическая структура деревни. М., 1973, с. 160—230.

³⁴ Беляев И. П., Примаков Е. М. Египет: время президента Насера. Изд. 2-е. М., 1981, с. 219—226.

³⁵ Проблемы мира и социализма, 1978, № 1, с. 62.

³⁶ Подробнее см.: Социалистическая ориентация освободившихся стран. Некоторые вопросы теории и практики. М., 1982, с. 184—185.

³⁷ Richards A., Martin Ph. L., Negaar R. Labor Shortages in Egyptian Agriculture.— Migration, Mechanization and Agricultural Labor Markets in Egypt. L., 1983, с. 38.

³⁸ Yearbook of Labour Statistics, 1981. Geneva, 1981 с. 90—91.

³⁹ Abdel-Fadil M. Development, Income Distribution and Social Change in Rural Egypt (1952—1970). Cambridge, 1975, с. 31—33; Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities and Equity in a Changing Economy: Egypt in the 1980s. Geneva, 1982, с. 107—109.

⁴⁰ Подробнее см.: Гатауллин М. Ф. Аграрная реформа и классовая борьба в Египте. М., 1985, с. 107—112.

⁴¹ Cuddihy W. Agricultural Prices, Farm Mechanization, and the Demand for Labor.— Migration, Mechanization and Agricultural Labor Markets in Egypt, с. 225—227.

⁴² Middle East Economic Digest. 1985, № 22, с. 8.

⁴³ Подробнее см.: Гатауллин М. Ф. Аграрная реформа и классовая борьба в Египте, с. 100—103.

⁴⁴ На 30 июня 1981 г. было одобрено 66 сельскохозяйственных проектов с участием иностранных компаний (Middle East News Economic Weekly. 1981, № 48, с. 16).

⁴⁵ Подробнее см.: Иванова И. П. Роль государства в развитии сельского хозяйства Египта.— Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки М., 1980, с. 122—225; Гатауллин М. Ф. Аграрная реформа и классовая борьба в Египте, с. 133—135.

⁴⁶ Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities..., с. 107—109.

⁴⁷ Abdel-Fadil M. Development..., с. 35—41.

⁴⁸ Richards A. Egypt's Agricultural Development, 1800—1980. Technical and Social Change. Colorado, 1982, с. 217; Statistical Yearbook Arab Republic of Egypt, 1952—1972. Cairo, 1973, с. 27; Statistical Yearbook Arab Republic of Egypt, 1952—1980, 1981, с. 26; National Bank of Egypt Economic Bulletin. 1985, № 1, с. 76.

⁴⁹ Гатауллин М. Ф. Аграрная реформа и классовая борьба в Египте, с. 111—113, 122—123.

⁵⁰ Richards A., Martin Ph., Negaar R. Labor Shortages in Egyptian Agriculture, с. 25—26; Fitch J. B., Soliman Y. A. Livestock and Small Farmer Labor Supply.— Migration, Mechanization, and Agricultural Labor Markets in Egypt, с. 45—78.

⁵¹ Khan N. A. Patterns of Agricultural Development in Arab Countries. Kuwait. 1979, с. 181—183, 186—187.

⁵² Подробнее см. в главе IV.

⁵³ Latowsky R. G. Egyptian Labour Abroad Mass Participation and Modest Return.— MERIP Reports. 1984, № 123, с. 15; Taylor E. Peasants or Proletarians? The Transformation of Agrarian Production Relations in Egypt.— Proletarianization in the Third World. L., 1984, с. 180—182; Egypt.— Middle East Economic Digest. 1984, Special Report, с. 16.

⁵⁴ Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений. Т. 3, с. 223.

⁵⁵ При расчете используются материалы переписи о возделываемых землях селений с числом жителей до 5 тыс. Площадь этих земель составляла 19 748,2 тыс. га, или 70,1% общего обрабатываемого фонда (Economic Report, 1984. Ankara, 1984, с. 57).

⁵⁶ Census of Agriculture, 1980. Result of Muhtarlık Survey (Places with Population less than 5000). Ankara, 1982, с. 33.

⁵⁷ Agricultural Structure and Production, 1983. Prime Ministry Institute of Statistics. Ankara, 1985, с. 5, 18, 20.

⁵⁸ Demokratikleşme için plân. 1978—1982. İstanbul, 1978, с. 141.

⁵⁹ General Census of Agriculture, 1970. Ankara, 1979, с. 34—35.

⁶⁰ The Political Economy of Income Distribution in Turkey. N. Y.—L., 1980, с. 201—202.

⁶¹ В 1980 г. число зерноуборочных комбайнов растениеводстве Турции достигло 13,7 тыс. и в 5,7 раза превысило их число в земледелии Ирана и Египта (FAO. Statistical Yearbook of Turkey, 1981. Rome, 1982, с. 272, 274).

⁶² Statistical Yearbook of Turkey, 1977. Ankara, 1978, с. 177; Statistical Yearbook of Turkey, 1981. Ankara, 1982, с. 188—189; Statistical Yearbook of Turkey, 1985. Ankara, 1985, с. 230; Agricultural Structure and Production, 1983, с. 5.

⁶³ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1351 (1972/73). Техран, 1974, с. 299; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1361 (1982/83). Техран, 1984, с. 322; Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи... сал-е 2533 (1974/75), с. 180.

⁶⁴ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2536 (1977/78). Техран, 1978, с. 265—269; Иран дар аяне-йе амар. Техран, 1982, с. 36.

⁶⁵ Подсчитано по: Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1351 (1972/73), с. 299; Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи... сал-е 2533 (1974/75), с. 180—181.

⁶⁶ Подсчитано по: Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи... сал-е 2533 (1974/75), с. 15, 182.

⁶⁷ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2536 (1977/78), с. 265—269; Иран дар аянэ-йе амар, 1982, с. 36.

⁶⁸ См., например: Техран экономист. 1978, № 1241, с. 24—25; № 1249, с. 25, 31; Раствахиз. 09.04.1978.

⁶⁹ Кейхан, 10.12.1982; Барзегар, 07.08.1982, с. 1, 3.

⁷⁰ Кешаварз. 1982, № 36, с. 10; Иран дар аянэ-йе амар. 1982, с. 36; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1362 (1983/84). 1985, с. 288—294.

⁷¹ Кейхан. 08.11.1983; Бурс. 21.02.1984; 15.08.1985.

⁷² Подробнее см.: Бурс. 02.12.1985; 15, 18—19.11.1985; 13.10.1985; 11.11.1985; The Middle East and North Africa, 1985—86.

⁷³ См., например: Барзегар. 22.05.1982; 31.07.1982.

⁷⁴ За три года после свержения монархии Иран покинуло около 200 тыс. специалистов различного профиля, включая и специалистов с сельскохозяйственным образованием (Bill J. A. Power and Religion in Revolutionary Iran.— The Middle East Journal. 1982, № 1, с. 29).

⁷⁵ FAO. Production Yearbook. 1981, с. 27.

⁷⁶ Подробнее см.: Волков С. Н. Социально-экономическая структура египетской деревни..., с. 88—91; Abdel-Fadil M. Development..., с. 31—34.

⁷⁷ Гатауллин М. Ф. Аграрная реформа и классовая борьба в Египте. М., 1985, с. 112, 151.

⁷⁸ Подробнее см.: Hopkins N. S. The Social Impact of Mechanization.— Migration, Mechanization and Agricultural Labour Markets in Egypt. L., 1983, с. 181—186.

⁷⁹ Owen R. Sadat's Legacy Mubarak's Dilemma: Egypt in the Arab Oil Economy.— MERIP Reports. 1983, № 117, с. 14; Cuddihy W. Agricultural Prices, Farm Mechanization, and the Demand for Labour, с. 228.

⁸⁰ Richards A. R. Egypt's Agricultural Development, 1800—1980, с. 218; Richards A., Martin Ph. L., Rifaat Pr. Labour Shortages in Egyptian Agriculture.— Migration, Mechanization, and Agricultural Labor Markets in Egypt, с. 25.

⁸¹ Statistical Yearbook of Turkey. 1983, с. 217.

⁸² Подробнее см.: Hanson H., Borlaug N. E., Anderson R. G. Wheat in the Third World. Colorado, 1983, с. 59—68.

⁸³ Demokratikleşme için Plân. 1978—1982. İstanbul, 1978, с. 141.

⁸⁴ Census of Agriculture, 1980. Result of Muhtarlık Survey (Places with Population less than 5000). Ankara, 1982, с. 30.

⁸⁵ Подсчитано по: Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи... сал-е 2533 (1974/75), с. 15, 179.

⁸⁶ Шейхо Р. Аграрная проблема в Сирии и пути ее решения.— Аграрный вопрос и роль крестьянства на современном этапе национально-освободительной революции. Прага, 1978, с. 235—236; Багдаш Х. Современный этап национально-освободительного движения.— Проблемы мира и социализма. 1981, № 11, с. 29.

- ⁸⁷ Моисеев П. П. Аграрный строй современной Турции, с. 106—107.
- ⁸⁸ На эти отрасли приходилось менее 1% занятых в сельскохозяйственном производстве Турции.
- ⁸⁹ Statistical Yearbook of Turkey. 1983, с. 59.
- ⁹⁰ Моисеев П. П. Турция. Социальная структура общества.— Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока, М., 1981, с. 132.
- ⁹¹ Quarterly Economic Review of Turkey. Annual Supplement. L., 1983, с. 9.
- ⁹² Моисеев П. П. Аграрный строй современной Турции, с. 106.
- ⁹³ Statistical Yearbook of Turkey. 1983, с. 299.
- ⁹⁴ General Census of Agriculture, 1970. Ankara, 1979, с. 16.
- ⁹⁵ Statistical Yearbook of Turkey, 1983, с. 228—229.
- ⁹⁶ Фридман Л. А. Сельскохозяйственные рабочие в странах Азии и Африки.— Вестник Московского государственного университета. Серия 13. Востоковедение. 1982, № 1, с. 5.
- ⁹⁷ Подсчитано по: Khan N. A. Patterns of Agricultural Development in Arab Countries. Kuwait, 1979, с. 209.
- ⁹⁸ Там же, с. 218.
- ⁹⁹ Abdel-Fadil M. Development..., с. 27, 45; Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities..., с. 121; Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1979, с. 226.
- ¹⁰⁰ Подробнее об использовании в сельскохозяйственном производстве Египта наемного труда и особенно труда временных рабочих см.: El-Messiri S. Tarahie Laborers in Egypt.— Migration, Mechanization, and Agricultural Labor Markets in Egypt, с. 79—100.
- ¹⁰¹ Включая лесоводство, рыболовство и охоту.
- ¹⁰² Yearbook of Labor Statistics, 1981. Geneva, 1981, с. 90—91.
- ¹⁰³ Стоклицкий С. Л., Фридман Л. А., Андрукович П. Ф. Экономические структуры арабских стран, М., 1984, с. 240.
- ¹⁰⁴ Taylor E. Peasants or Proletarians? The Transformation of Agrarian Production Relation in Egypt, с. 180—181.
- ¹⁰⁵ Abdel-Fadil M. Development..., с. 27—28.
- ¹⁰⁶ Подсчитано на базе данных: Fitch J. B., Soliman J. A. Livestock and Small Farmer Supply.— Migration, Mechanization and Agricultural Labor Markets in Egypt, с. 65.
- ¹⁰⁷ Taylor E. Peasants or Proletarians? The Transformation of Agrarian Production Relations in Egypt, с. 174—175.
- ¹⁰⁸ Все лица наемного труда.
- ¹⁰⁹ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1351 (1972/73), с. 284; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1352 (1973/74), с. 274; Иран дар аянэ-йе амар. 1982, с. 14.
- ¹¹⁰ Подробнее о характере и использовании различных видов наемного труда в сельскохозяйственном производстве освободившихся стран см.: Рас-тянников В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973, с. 180—214.
- ¹¹¹ Подсчитано по: Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи... 2533 (1974/75), с. 7, 15.
- ¹¹² Подсчитано по: Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи... 2533 (1974/75), с. 7, 15.
- ¹¹³ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1351 (1972/73), с. 284.
- ¹¹⁴ Раствахиз. 05.04.1978.
- ¹¹⁵ В хозяйствах с участками от 10 до 20 га механические двигатели использовали 61% хозяйств, механические двигатели в сочетании с рабочим скотом — 24% хозяйств, в хозяйствах с участками от 20 до 50 га — 69% и 24%, от 50 до 100 га — 69% и 26%, от 100 до 200 га — 75% и 21%, от 200 до 500 га — 77% и 21%, 500 га и более — 90% и 8% (Khan N. A. Patterns of Agricultural Development in Arab Countries, с. 175).
- ¹¹⁶ Подсчитано по: Khan N. A. Patterns of Agricultural Development in Arab Countries, с. 149, 198.
- ¹¹⁷ Подсчитано по: Khan N. A. Patterns of Agricultural Development in Arab Countries, с. 171, 214.

Глава IV

¹ Анализ проблемы занятости в деревне стран Ближнего и Среднего Востока в связи с задачами настоящего исследования ограничивается сферой сельскохозяйственного производства.

² Занятость, рост и основные потребности: общемировая проблема. Доклад Генерального директора Международного бюро труда, Женева, 1976, с. 21.

³ Рассчитано по: Рывданов Н. Ф. «Лишние» люди в странах капитала. М., 1981, с. 23; International Labour Review. 1980, № 4, с. 491.

⁴ См., например: World Development Report, 1980. The World Bank. Wash., 1980, с. 35; UN. Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. Annual Report (17 March 1979 — 29 March 1980). Economic and Social Council. Official Records, 1980. Supplement № 6, N. Y., 1980, с. 176.

⁵ Подсчитано по: International Labour Review. 1980, № 4, с. 485, 491; World Development Report, 1980, с. 110, 142, 146.

⁶ Занятость, рост и основные потребности: общемировая проблема, с. 21.

⁷ Распределение освободившихся стран по размеру ВВП на душу населения см.: World Development Report, 1980, с. 110—111.

⁸ Во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов в связи с прогрессирующим ростом безработицы возможности трудоустройства в странах Западной Европы заметно сократились.

⁹ Скоров Г. Е. Развивающиеся страны: образование, занятость, экономический рост. М., 1971, с. 287.

¹⁰ Подробнее см.: Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities and Equity in a Changing Economy: Egypt in 1980s. Geneva, 1982, с. 122.

¹¹ Подсчитано по: Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities..., с. 120—122.

¹² Там же.

¹³ Подробнее см.: Khan N. A. Patterns of Agricultural Development in Arab Countries. Kuwait, 1979, с. 172—194.

¹⁴ Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities..., с. 99.

¹⁵ Подробнее см.: Сейранян Б. Г. Некоторые особенности формирования и развития маргинальных слоев в современном арабском обществе.— Процессы деклассирования в странах Востока. М., 1981, с. 70—74.

¹⁶ Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities..., с. 99.

¹⁷ Подробнее см.: Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities..., с. 98—105.

¹⁸ Richards A. Egypt's Agricultural Development, 1800—1980. Technical and Social Change. Colorado, 1982, с. 228—229.

¹⁹ Гатауллин М. Ф. Аграрная реформа и классовая борьба в Египте. М., 1985, с. 110.

²⁰ Мусеев П. П. Аграрный строй современной Турции. М., 1970, с. 217—218.

²¹ Старченков Г. И. Трудовые ресурсы Турции. Демографический, экономический и социальные аспекты. М., 1981, с. 116.

²² Подсчитано на базе данных: Statistical Yearbook of Turkey, 1983. Ankara, 1983, с. 206.

²³ Dervis K., Robinson Sh. The Structure of Income Inequality in Turkey (1950—1973).— The Political Economy of Income Distribution in Turkey. N. Y.—L., 1980, с. 112.

²⁴ Ulsan A. Public Policy toward Agriculture and Its Redistributive Implication.— The Political Economy of Income Distribution in Turkey. с. 143—144.

²⁵ Yalpat A. Turkey's Economy under the Generals.— MERIP Reports. 1984, № 122, с. 21; The Central Bank of the Republic of Turkey. Annual Report, 1983. Ankara, 1984, с. 23.

²⁶ Statistical Pocket Book of Turkey, 1982. Ankara, 1982, с. 32, 34.

²⁷ Yalpat A. Turkey's Economy..., с. 17.

²⁸ Подробнее см.: Белокреницкий В. Я. Рост городского населения и процесс урбанизации в развивающихся странах Востока.— Развивающиеся страны: демографическая ситуация и экономический рост. М., 1981, с. 86—90.

²⁹ Населенные пункты с числом жителей 10 тыс. и более.

³⁰ Подсчитано по: Statistical Yearbook of Turkey, 1981. Ankara, 1982, с. 30; Economic Report. Ankara, 1984, с. 35, 38.

³¹ Населенные пункты с числом жителей 5 тыс. и более.

³² Подсчитано по: Гозареш-е нетаедж-е моккадамат-и-е саршомари-и-е омуми-и-е нофус ва москен, абан мах 2535. Тегеран, 1977, с. 9; Iran Almanac and Book of Facts, 1971, Tehran, 1971, с. 510.

³³ Kazemi F. Poverty and Revolution in Iran. The Migrant Poor, Urban Marginality and Politics. N. Y.—L., 1980, с. 14.

³⁴ Подсчитано по: Сальнаме-и-е амари-и-е кешвар сал-е 1361 (1982/83). Тегеран, 1984, с. 42—43.

³⁵ Подсчитано по: Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1979, с. 4; Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt, 1952—1980, с. 6.

³⁶ Hansen R., Radwan S. Employment Opportunities..., с. 100.

³⁷ Arab Industrialisation and Economic Integration. L., 1979, с. 168.

³⁸ Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities..., с. 91.

³⁹ Там же, с. 88.

⁴⁰ ILO. World Labour Report. 1. Employment, Incomes, Social Protection, New Information Technology. Geneva, 1984, с. 102.

⁴¹ Birks J. S., Sinclair C. A., Socknat J. A. The Demand for Egyptian Labour Abroad.—Migration, Mechanization and Agricultural Labour Markets in Egypt. Colorado, 1983, с. 134.

⁴² Latowsky R. J. Egyptian Labour Abroad Mass Participation and Modest Return.—MERIP Reports, 1984, № 123, с. 13.

⁴³ Подробнее см.: MERIP Reports. 1984, № 123, с. 13—15; № 124, с. 3—4, 19.

⁴⁴ Birks J. S., Sinclair C. A., Socknat J. A. The Demand for Egyptian Labour Abroad, с. 134.

⁴⁵ MERIP Reports. 1984, № 124, с. 4; № 125—126, с. 28.

⁴⁶ Halliday F. Labour Migration in the Arab World.—MERIP Reports. 1984, № 123 (4), с. 9.

⁴⁷ Central Bank of Egypt. Annual Report, 1982/83. Cairo, 1983, с. 46—47.

⁴⁸ Подробнее см.: Serageldin J., Socknat J. A., Birks S., Li B., Sinclair C. A. Manpower and International Labour Migration in the Middle East and North Africa. A World Bank Publication. Wash., 1983, с. 47—51, 58—60.

⁴⁹ Middle East Economic Digest. 1985, № 41, с. 8.

⁵⁰ Подсчитано по: MERIP Reports. 1984, № 123, с. 9; UN Statistical Yearbook, 1981. N. Y., 1983, с. 890—891; Middle East Economic Digest. 1985, № 41, с. 8.

⁵¹ Гашев Б. Н. Значение для АРЕ выезда египтян на работу в нефтедобывающие арабские страны.—Арабские страны: нефть и дифференциация. М., 1984, с. 258.

⁵² Central Bank of Egypt. Annual Report. 1980/81. Cairo, 1981, с. 17; Annual Report, 1981/82. 1982, с. 20; Annual Report, 1982/83. 1983, с. 46—47; Middle East Economic Digest. 1985, Special Report, с. 20.

⁵³ Гашев Б. Н. Значение для АРЕ выезда египтян на работу..., с. 258.

⁵⁴ Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities..., с. 100—101.

⁵⁵ World Labour Report. 1, с. 102; Arab Economic Report. Beirut, 1982, с. 648.

⁵⁶ Halliday F. Labour Migration in the Arab World, с. 8, 10.

⁵⁷ The Middle East and North Africa, 1984—85. L., 1984, с. 775.

⁵⁸ Serageldin S., Socknat J. A., Birks J., Li B., Sinclair C. A. Manpower and International Labour Migration..., с. 93.

⁵⁹ UN. Studies on Development Problems in Countries of Western Asia, 1975. N. Y., 1977, с. 27—28.

⁶⁰ Birks J. S., Serageldin J., Sinclair C. A., Socknat J. A. Who Is Migrating Where? An Overview of International Labour Migration in the Arab World.—Migration, Mechanization and Agricultural Labour Markets in Egypt. Colorado, 1983, с. 115.

⁶¹ Halliday F. Labour Migration in the Arab World, с. 8—9; Quarterly Economic Review of Syria. 1985. Annual Supplement, с. 41.

⁶² См., например: Quarterly Economic Review of Syria, Jordan. 1984. Annual Supplement, с. 8.

- ⁶³ Statistical Yearbook of Turkey, 1975, с. 142; Statistical Yearbook of Turkey, 1981, с. 146; The Turkish Economy 1983, Istanbul, 1983, с. 45.
- ⁶⁴ Arab Industrialization and Economic Integration, с. 143—144.
- ⁶⁵ Уразова Е. И. Турция: Проблемы финансирования экономического развития. М., 1974, с. 205; MERIP Reports, 1984, № 123, с. 9; Turkey. OECD Economic Surveys 1982—1983. P., 1983, с. 73.
- ⁶⁶ Statistical Yearbook of Turkey, 1981, с. 146; Economic Report, Ankara, 1984, с. 41.
- ⁶⁷ Turkey. OECD. Economic Survey 1982—1983, с. 73.
- ⁶⁸ The Turkish Economy 1983, с. 96.
- ⁶⁹ Turkey. OECD. Economic Survey 1982—1983, с. 73; Quarterly Economic Review of Turkey, 1984, Annual Supplement, с. 23; Economic Indicators of Turkey, 1978—1982. Ankara, 1983, с. 12.
- ⁷⁰ Турецкие рабочие и специалисты, выехавшие в 1977—1984 гг. в поисках работы в арабские страны, составляли свыше 90% турецкой рабочей силы, отправлявшейся в этот период за рубеж (Statistical Yearbook of Turkey, 1985. Ankara, 1985, с. 175—177).
- ⁷¹ Economic Report. Ankara, 1985, с. 199.
- ⁷² MERIP Reports, 1984, № 123, с. 5; Turkey. OECD Economic Survey 1982—1983, с. 16; The Middle East, 1985, № 125, с. 29.
- ⁷³ Подсчитано по: The Turkish Economy 1983, с. 44—45; Economic Report, с. 38.
- ⁷⁴ Подсчитано по: Statistical Yearbook of Turkey, 1985. Ankara, 1985, с. 175.
- ⁷⁵ Quarterly Economic Review of Turkey, 1985, Annual Supplement, с. 13.
- ⁷⁶ Werner H. The Employment of Foreigners in Western European Industrial Countries.— *Intereconomics*, 1985, № 1, с. 14.
- ⁷⁷ Economic Report, 1984, с. 41, 197.
- ⁷⁸ Подсчитано по: Statistical Yearbook of Turkey, 1985, с. 429.
- ⁷⁹ Arab Industrialization and Economic Integration, с. 138, 144, 163.
- ⁸⁰ Birks J. S., Sinclair C. A. Arab Manpower. The Crisis of Development. L., 1980, с. 200; World Labour Report, 1, с. 100.
- ⁸¹ Halliday F. Labour Migration in the Arab World.— *MERIP Reports*, 1984, № 123, с. 9.
- ⁸² Подсчитано по: UN. Statistical Yearbook, 1981, N. Y., 1983, с. 890.
- ⁸³ Подробнее см.: Гашев Б. Н. Значение для АРЕ выезда египтян на работу..., с. 257.
- ⁸⁴ См., например: Egypt.— *Middle East Economic Digest*, 1984, Special Report, 1984, с. 16; MERIP Reports, 1984, № 123, с. 15.
- ⁸⁵ MERIP Reports, 1984, № 124, с. 5—6.
- ⁸⁶ См., например: Техран экономист, 1976, № 1147, с. 43; Iran Economic Service, 20.04.1976, с. 2—4.
- ⁸⁷ Подсчитано по: Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1360 (1981/82). 1983, с. 716, 722.
- ⁸⁸ Weinbaum M. G. Food, Development and Politics in the Middle East. Colorado, 1983, с. 164.
- ⁸⁹ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1351 (1972/73). Техран, 1974, с. 640, 642; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1352 (1973/74), с. 630—632; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1359 (1980/81), 1982, с. 706, 715.
- ⁹⁰ Richards A. Egypt's Agricultural Development, 1800—1980, с. 212.
- ⁹¹ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1351 (1972/73), с. 285; Iran Almanac and Book of Facts, 1975, с. 348.
- ⁹² Hoogland E. J. The Khwushnishin Population of Iran.— *Iranian Studies*. Boston, 1973, № 4, с. 236—237.
- ⁹³ Подсчитано по: Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1351 (1972/73), с. 640.
- ⁹⁴ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1351 (1972/73), с. 285; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2536 (1977/78), с. 627; Iran Trade and Industry, 1978, № 2, с. 4.
- ⁹⁵ Техран экономист, 1975, № 1102, с. 2; 1978, № 1228, с. 27; № 1248, с. 35, 45; Раствахиз, 09.04.1978.
- ⁹⁶ Iran Almanac and Book of Facts, 1977, с. 206, 330.

- ⁹⁷ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2536 (1977/78), с. 627.
- ⁹⁸ Подсчитано по: Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2536 (1977/78), с. 627; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1359 (1980/81), с. 706.
- ⁹⁹ Подробнее см.: Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1360 (1981/82), с. 716, 722; Иран дар аянэ-йе амар. Техран, 1984, с. 194—195; 1985, с. 204—205.
- ¹⁰⁰ Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities..., с. 110.
- ¹⁰¹ Richards A. Egypts Agricultural Development, 1800—1980, с. 229.
- ¹⁰² Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities..., с. 74—75.
- ¹⁰³ National Bank of Egypt. Economic Bulletin, 1985, № 1, с. 70.
- ¹⁰⁴ Iran Economic Service. 1976, № 94, с. 2; № 99, с. 2—3.
- ¹⁰⁵ Иран дар аянэ-йе амар. Техран, 1982, с. 117.
- ¹⁰⁶ Подробнее см.: Демин А. И. Современная иранская деревня (основные проблемы социально-экономического развития). М., 1977, с. 162—174; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1361 (1982/83). Техран, 1984, с. 83, 96—107, 129—133, 137.
- ¹⁰⁷ Danielson M. N., Keleş R. Urbanization and Income Distribution in Turkey.— The Political Economy of Income Distribution in Turkey, с. 279—280.
- ¹⁰⁸ См., например, выступления официальных лиц по случаю 15-й годовщины аграрной реформы (Kayhan International Weekly. 15.01.1977).
- ¹⁰⁹ Техран экономист. 1978, № 1248, с. 27; № 1249, с. 25.
- ¹¹⁰ Старченко Г. И. Трудовые ресурсы Турции..., с. 97.
- ¹¹¹ Материалы различных обследований в деревне освободившихся стран подтверждают довольно тесную зависимость между уровнем образования самодельного населения и уровнем сельскохозяйственного производства (World Development Report, 1980, с. 37, 42, 48).
- ¹¹² Маджалле-йе данешкеде-йе адабият ва олум-е ансани данешгах-е Фердоуси, Мешхед, 1976, № 4, с. 639—665; Ханданиха, 1976, № 57, с. 10, 42; Растахиз. 08.05.1978; Техран экономист. 1978, № 1243, с. 29; № 1248, с. 39.
- ¹¹³ UN Studies on Development Problems in Countries of Western Asia, 1975. N. Y., 1977, с. 27—28.
- ¹¹⁴ Hoogland E. Rural Participation in the Revolution.— MERIP Reports. 1980, № 87, с. 13.
- ¹¹⁵ См., например: Бурс. 18.04.1983; 02.05.1983.
- ¹¹⁶ MERIP Reports. 1980, № 87, с. 13.
- ¹¹⁷ Подробнее см.: Международная стратегия развития на третье десятилетие развития Организации Объединенных Наций. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей по докладу Второго Комитета на 83-м Пленарном заседании 5 декабря 1980 г. Нью-Йорк, 1983, с. 3—52; Policies, Programms and Perspectives for the Development of the ESCAP Region. Regional Development Strategy for the 1980s (the Preliminary Draft). Bangkok, 1980, с. 19—34; Substantial New Programme of Action for the 1980s for the Least Developed Countries: Contributions by Organizations of the United Nations System. Contributions by the International Labor Organization. P., 1981, с. 1—38.
- ¹¹⁸ Международная стратегия развития..., с. 11, 16.

Глава V

- ¹ С учетом Египта, Ливии и Судана.
- ² FAO. Agriculture: Toward 2000. Rome, 1981, Statistical Annex, tab. 4.
- ³ Подсчитано по: UN. Statistical Yearbook, 1982. N. Y., 1985, с. 6.
- ⁴ FAO. Agriculture: Toward 2000. Statistical Annex, tab. 4.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же, tab. 5.
- ⁷ FAO. Population, Food Supply and Agricultural Development. Rome, 1975, с. 49—50.
- ⁸ Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е салан-е ва теразнаме 1351 (1972/73.) Техран, 1973, с. 19.
- ⁹ FAO. Population, Food Supply and Agricultural Development, с. 50.
- ¹⁰ Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е эктесадн ва теразнаме, 1356 (1977/78). Техран, 1978, с. 32; Техран экономист. 1978, № 1271, с. 26.

¹¹ Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е эктесади ва теразнаме, 1356 (1977/78), с. 246.

¹² Подсчитано по данным источников, указанных в примечании к табл. 1, а также по материалам ежегодных выборочных обследований потребления сельского и городского населения: Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1351 (1972/73). Техран, 1974, с. 641—643, 2535 (1976/77), 1977, с. 516—519, 2536 (1977/78), 1978, с. 633—634, 1359 (1980/81), 1982, с. 706—707, 714—715.

¹³ Подсчитано по материалам сельскохозяйственных переписей: Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи, 1351 (1972/73). Техран, 1974, с. 28, 32; Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи, мархале-йе доввом, 2533 (1974/75). Техран, 1977, с. 102.

¹⁴ Подсчитано по: Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1351 (1972/73), с. 641, 643; Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 2536 (1977/78), с. 633—634; Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи, 1351 (1972/73), с. 28, 32; Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи, 2533 (1974/75), с. 102.

¹⁵ Подсчитано по данным источников, указанных в примечании к табл. 1, а также по материалам сельскохозяйственных переписей и ежегодных выборочных обследований потребления сельского и городского населения.

¹⁶ В 1974/75 г. фонд обрабатываемых земель (включая площади под паром) составлял 16,4 млн. га, а фонд земель, пригодных к возделыванию, но необрабатываемых, оценивался в 30,3 млн. га.

¹⁷ Бурс. 28.12.1976; Iran Trade and Industry. 1978, № 2, с. 33—34.

¹⁸ В засушливом 1971/72 г. урожайность пшеницы в зоне действия проектов «зеленой революции» составляла 27,6 ц с га, а на остальных поливных землях — 9,8 ц с га (Iran Almanac and Book of Facts, 1973. Tehran, 1973, с. 651).

¹⁹ Бурс. 25.04.1981; 12.02.1983; 18.09.1985; Барзегар. 06.11.1982; Кешаварз. 1982, № 36, с. 10.

²⁰ Подробнее см.: Бурс. 24.10; 15.11; 19.12.1984; 18—19.09.1985.

²¹ Бурс. 15.08; 18.09; 13.11.1985.

²² Подсчитано по: Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи, 1351 (1972/73), с. 28, 32.

²³ Подсчитано по: Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи, 1351 (1972/73), с. 31—33; Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи, 2533 (1974/75), с. 126.

²⁴ Бурс. 28.12.1976.

²⁵ Подсчитано по материалам национальной и международной статистики о динамике производства риса, его импорта и экспорта, ежегодных выборочных обследований потребления сельских и городских семей, а также сельскохозяйственных переписей.

²⁶ Bank Marcazi Iran. Annual Report and Balance Sheet (March 20, 1968). Tehran, 1968, с. 102—105.

²⁷ Подсчитано по материалам национальной и международной статистики о динамике производства, импорта и экспорта мяса, а также ежегодных обследований потребления сельских и городских семей.

²⁸ Растахиз. 20.08.1978; Техран экономист. 1977, № 1199, с. 34. Следует сказать, что в значительном количестве импортировались фрукты (прежде всего цитрусовые и яблоки).

²⁹ Подробнее см.: Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е 1351 (1972/73), с. 641—643; 2536 (1977/78). с. 633—634; 1359 (1980/81), с. 706—707; 1360 (1981/82), с. 710—711.

³⁰ Подробнее см.: Иран дар аинэ-йе амар. Техран, 1982, с. 118—121; Iran Almanac and Book of Facts, 1972. Tehran, 1972, с. 305; Iran Economic Service. Tehran, 1976, № 966, с. 3—4; Looney R. E. A Development Strategy for Iran through the 1980s. N. Y., 1977, с. 46—51.

³¹ FAO. Trade Yearbook, 1982. Rome, 1983, с. 307; The Middle East. 1985, № 133, с. 15.

³² Parker J. B., Coyle J. R. Urbanization and Agricultural Policy in Egypt. Wash., 1981, с. 34; FAO. Trade Yearbook, 1982, с. 307.

³³ FAO. Trade Yearbook, 1970, с. 129; 1975, с. 136; 1978, с. 118; 1982, с. 118; FAO. Monthly Bulletin of Statistics. 1985, № 6, с. 39.

³⁴ National Bank of Egypt. Economic Bulletin. 1981, № 3, с. 141.

³⁵ Middle East News Economic Weekly. 1981, № 47, с. 7.

³⁶ FAO. Trade Yearbook, 1982, с. 51, 307; FAO. Monthly Bulletin of Statistics. 1985, № 5, с. 30, 34.

³⁷ Раковский Н. С. Иностранный капитал в экономике Египта. М., 1983, с. 68.

³⁸ Подсчитано по: Parker J. B., Coyle J. R. Urbanization and Agricultural Policy in Egypt, с. 43; FAO. Trade Yearbook, 1978, с. 112; FAO. Monthly Bulletin of Statistics. 1983, № 3, с. 58; № 10, с. 50.

³⁹ World Development Report, 1983. The World Bank. Oxf., 1983, с. 150.

⁴⁰ MERIP Reports. 1983, № 117, с. 13.

⁴¹ FAO. Monthly Bulletin of Statistics. 1983, № 7/8, с. 16; 1985, № 7/8, с. 11, 17.

⁴² Подробнее об основных проблемах развития сельскохозяйственного производства в Египте см.: Иванова И. П. Сельское хозяйство Объединенной Арабской Республики, 1952—1965. М., 1970; она же. Роль государства в развитии сельского хозяйства Египта.— Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980, с. 215—220; Ткаченко А. А. Аграрное развитие Египта, Ирака и Сирии. М., 1978; Поспелов В. К. Асуан. Вымыслы и действительность. М., 1981.

⁴³ Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt. 1952—1979, с. 58.

⁴⁴ Parker J. B., Coyle J. R. Urbanization and Agricultural Policy in Egypt, с. 30—33.

⁴⁵ Egypt.— Middle East Economic Digest. 1985, Special Report, с. 16.

⁴⁶ World Development Report. 1983, с. 150.

⁴⁷ Monthly Bulletin of Statistics. 1983, № 11, с. 1.

⁴⁸ Моисеев П. П. Проблема продовольственного обеспечения в современной Турции.— Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки. М., 1982, с. 158.

⁴⁹ Подробнее об этом см.: Hanson H., Borlaug N. E., Anderson R. G. Wheat in the Third World. Colorado, 1982, с. 59—68, 86.

⁵⁰ FAO. Trade Yearbook. 1978, с. 121; FAO. Monthly Bulletin of Statistics. 1983, № 10, с. 22.

⁵¹ FAO. Trade Yearbook. 1978, с. 119; 1982, с. 119; FAO. Monthly Bulletin of Statistics. 1985, № 6, с. 40.

⁵² Моисеев П. П. Проблема продовольственного обеспечения современной Турции, с. 165.

⁵³ Киреев Н. Г. Развитие капитализма в Турции. К критике теории «смешанной экономики». М., 1982, с. 54—55.

⁵⁴ Моисеев П. П. Проблема продовольственного обеспечения в современной Турции, с. 164.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, с. 160—161.

⁵⁷ FAO. Trade Yearbook. 1982, с. 48, 52; FAO. Monthly Bulletin of Statistics. 1985, № 9, с. 27, 29.

⁵⁸ Turkey. Policies and Prospects for Growth. A World Bank Country Study. Wash., 1980, с. 11—13.

⁵⁹ International Labour Review. 1980, № 5, с. 565—566.

⁶⁰ Моисеев П. П. Проблема продовольственного обеспечения в современной Турции, с. 167.

⁶¹ Подробнее об этом см.: Quarterly Economic Review of Turkey. Annual Supplement. L., 1982, с. 8; Annual Supplement, 1985, с. 12; Turkey. OECD. Economic Surveys 1982—1983. P., 1983, с. 15.

⁶² Из стран Северной Африки включаются Египет, Ливия и Судан и исключаются Алжир, Марокко и Тунис.

⁶³ FAO. Agriculture: toward 2000. Rome, 1981. Statistical Annex, tab. 7.

⁶⁴ «Критическая норма» продовольственного потребления соответствовала рациону питания, необходимому для поддержания жизнедеятельности человеческого организма при минимальной активности.

⁶⁵ Княжинская Л. А. Рост населения и продовольственная проблема в развивающихся странах. М., 1980, с. 26; FAO. Agriculture: toward 2000. Statistical Annex, tab. 7.

⁶⁶ Agriculture: toward 2000. Statistical Annex, tab. 7.

- ⁶⁷ Hopkins M. J. D. A Global Forecast of Absolute Poverty and Employment.— *International Labour Review*. 1980, № 5, с. 574.
- ⁶⁸ Owen R. Sadat's Legacy. Mubarak's Dilemma: Egypt in the Arab Oil Economy.— *MERIP Reports*. 1983, № 117, с. 16; *The Middle East and North Africa*, 1985—86, L., 1985, с. 352.
- ⁶⁹ Parker J. B., Coyle J. R. Urbanization and Agricultural Policy in Egypt, с. 40.
- ⁷⁰ Подробнее см.: Hansen B., Radwan S. Employment Opportunities and Equity in Changing Economy. Egypt in the 1980s. Geneva, 1982, с. 131—132.
- ⁷¹ См., например: Parker J. B., Coyle J. R. Urbanization and Agricultural Policy in Egypt, с. 43.
- ⁷² Weinbaum M. G. Food, Development and Politics in the Middle East. Colorado, 1982, с. 37.
- ⁷³ Бакланов А. Г. Рабочий класс современного Египта. М., 1981, с. 166—167; Weinbaum M. G. Food, Development and Politics in the Middle East. Colorado, 1982, с. 151—162.
- ⁷⁴ *MERIP Reports*. 1984, № 127, с. 3—16.
- ⁷⁵ Банк-е маркази-е Иран. Гозареш-е эктесади ва теразнаме, 2535 (1976/77). Тегран, 1977, с. 167; 1356 (1977/78), 1978, с. 289; 1357 (1978/79), 1979, с. 167.
- ⁷⁶ См., например: Растахиз, 27.08.1978.
- ⁷⁷ Looney R. E. A Development Strategy for Iran through the 1980s. N. Y., 1977, с. 46—51.
- ⁷⁸ См., например: Даствардха-йе энгелаб. Тегран, 1977, с. 245—254; Осул-е энгелаб-е шах ва меллат. Тегран, 1976, с. 265—269.
- ⁷⁹ Тегран экономист. 1974, № 1023, с. 47; Дехкан-е руз. 1978, № 7, с. 57.
- ⁸⁰ Сальнаме-йе амари-йе кешвар сал-е. 2536 (1977/78), с. 235; Растахиз. 13.04.1978; Иран дар асанэ-йе амар. Тегран, 1982, с. 35.
- ⁸¹ Тегран экономист. 1978, № 1271. с. 26; *Iran Trade and Industry*. 1978, № 3, с. 36.
- ⁸² В 1977/78 г. валовой продукт в сельскохозяйственном производстве сократился на 0,8%, прирост ВВП составил лишь 1,8%, тогда как в 1976/77 г.— 12,1%. См.: Банк-е маркази-е Иран. Гозареш-е эктесади ва теразнаме, 1356 (1977/78), с. 162—163.
- ⁸³ Выдвижение на первый план в экономических программах правительства сельскохозяйственного производства отчасти, очевидно, обусловливается значительным сужением возможностей капиталовложений в фабрично-заводскую промышленность и иные современные отрасли вследствие нехватки управленческих и технических кадров, нарушений внешних экономических связей и т. п.
- ⁸⁴ FAO. Monthly Bulletin of Statistics. 1983, № 7/8, с. 17; 1985, № 7/8, с. 18.
- ⁸⁵ *Statistical Yearbook*. 1982, с. 177; *UN. Monthly Bulletin of Statistics*. 1986, № 2, с. 222.
- ⁸⁶ *Agriculture: toward 2000*, Statistical Annex, tab. 4, 5.
- ⁸⁷ Hopkins M. J. D. A Global Forecast of Absolute Poverty and Employment, с. 574—575.

SUMMARY

A. I. Dyomin's book, *Agrarian Transformations in the Middle and Near East Countries*, deals with agrarian changes effected in the emergent Middle and Near East countries. The emphasis is placed on the impact they produced on agrarian evolution and class-formation processes in the countryside, on growth of agricultural production and food supply of the urban population and on the employment and living conditions of rural labourers. These problems are examined mostly on the case of Turkey, Egypt and Iran—the three biggest countries of the region which exhibit different variants of capitalist transformation in the emergent nations.

Numerous statistical and other data used in the book testify that in the 1960s to the early 1980s agrarian transformations and spontaneous agrarian evolution in the countryside bolstered up major social and economic shifts epitomised in the gradual ousting of traditional households and social relations typical to them by petty-commodity and capitalist farms and bourgeois social relations and institutions. The author closely analyses various types of capitalist enterprise, primarily its modern forms, and the use of industrial methods of labour in farming.

Much emphasis is placed on the analysis of the cooperative movement in the region's countryside encouraged by the state which in the early 1980s took in the majority of agricultural population in Iran, Egypt and Turkey. The author distinguishes three basic stages in the cooperative movement which reflect primarily the objective trends towards gradual transition from lower to higher forms of cooperatives.

In the 1960s-early 1980s the Middle and Near East countryside went through the second stage of the cooperative movement marked by mass-scale establishment of multipurpose cooperatives which had credit and supply-marketing functions.

The results of agrarian transformations accomplished in the Middle and Near East were largely focused in the employment situation in these countries, which is one of the central problems of socio-economic reality in the emergent states. Solution to the employment problem can help both to accomplish a number of vital economic and social tasks (accelerate growth in production, eliminate pauperism and poverty) and to resolve grave political problems issuing from harsher social contradictions associated

with jobs. The state in these countries, however, has failed to improve the employment situation. In general it is indicated by a rather high level of full and partial (overt and latent) unemployment, sluggish qualitative evolution of the labour force, stronger shortages of skilled personnel which can make rational use of modern production techniques. Things were most painful in the countryside which was one reason for the booming rural migration.

Bourgeois agrarian transformations in the region did not improve sufficiently the food problem by way of expanding national production. The rates of growth of effective demand for food products in these countries were ahead of all other developing world and hence the biggest gap between food supplies by national production and the demand for food products. This explains the highest rates of growth of food imports by the developing world. Although the average level of food consumption grew up a sizable part of the population here suffered from chronic malnutrition. A diet of a substantial stratum of people was below the critical minimum. In the near future, because of a deplorable employment situation in rural and urban areas and income and consumption inequality an appreciable part of the population in this more better off region of the developing world is likely to face grave shortages of foodstuffs.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Аграрные реформы и их воздействие на социально-экономическую структуру деревни	11
Глава II. Кооперативное движение в сельских районах	50
Глава III. Особенности развития капиталистического предпринимательства в сельскохозяйственном производстве	75
Глава IV. Проблема занятости в сельских районах	112
Глава V. Продовольственная проблема в странах Ближнего и Среднего Востока	137
Примечания	160
Summary	179

Александр Иванович Демин
АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО
И СРЕДНЕГО ВОСТОКА
(60-е — начало 80-х годов XX в.)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *С. В. Полтавская*
Младший редактор *И. Н. Комарова*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Силенко*
Корректор *Л. М. Кольчина*

ИБ № 15450

Сдано в набор 05.08.86. Подписано к печати 25.11.86. А-05824. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 11,5. Усл. кр.-отг. 11,75. Уч.-изд. л. 13,33. Тираж 1200 экз. Изд. № 5966. Зак. № 840. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**КНИГИ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА» МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»,
В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ
ИЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ**

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

- 117192 Москва, Мичуринский пр., 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкниги» или в ближайший магазин «Академкниги», имеющий отдел «Книга — почтой»;
- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский пр., 140;
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
199044 Ленинград, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинградский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142284 Протвино Московской обл., «Академкнига»;
142292 Пушкино Московской обл., МР «В», 1;